

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 3 • 2017 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

- Strelkova G.V.* “Ramayana” and Modern Hindi Literature 3
- Гулидова Д.Н.* К проблеме разграничения корневых и добавочных элементов арабского слова (на материале трактата Ибн Йа‘иша «Шарх ал-муфассал») 18
- Ульянова К.А.* Сопоставительный анализ употребительных выражений делового и разговорного стилей китайского языка 30

История

- Козлова А.А.* Садово-архитектурные комплексы как индикатор состояния Могольской империи 46
- Круглова М.С.* Маттео Рипа: миссионер при дворе императора Канси 61
- Наливайко О.А.* Забытые имена эпохи Мэйдзи: Гэнсай Мураи 76
- Старикова М.Н.* Женское образование в мусульманской среде (на примере индийского штата Уттар-Прадеш) 87

Научная жизнь

- Громова Н.В., Громов М.Д.* 30-летний юбилей Международной конференции по языку и культуре суахили в Германии 100
- Карнеев А. Н., Ломанов А. В., Новакова О.В., Цветов П.Ю.* Круглый стол: «“Азиатские ценности” и современная политика стран АТР» 104

Памяти...

- Дмитрий Михайлович Насилов 108
- Дмитрий Николаевич Воскресенский 111

CONTENTS

Philology

<i>Strelkova G.V.</i> “Ramayana” and Modern Hindi Literature	3
<i>Gulidova D.N.</i> On the Issue of Distinguishing between Basic and Augmented Elements of the Arabic Word (Based on Ibn Ya’İS’S Treatise “ŞARḤ AL-MUFAŞŞAL”)	16
<i>Ulyanova K.A.</i> Comparative analysis of the most common business and colloquial Chinese expressions	30

History

<i>Kozlova A.A.</i> Landscape Gardening as an Indicator of Changes in the Mughal Empire	46
<i>Kruglova M.S.</i> Matteo Ripa: Missionary at the Court of the Emperor Kangxi	61
<i>Nalivayko O.A.</i> Gensai Murai: Forgotten Names of the Meiji Japan	76
<i>Starikova M.N.</i> Muslim Women’s Literacy in India: A Case Study of Uttar-Pradesh	87

Scholarly Life

<i>Gromova N.V., Gromov M.D.</i> 30 th Anniversary Swahili Colloquium . . .	100
<i>Karneev A.N., Lomanov A.V., Novakova O.V., Tsvetov P.Yu.</i> Round table “‘Asian values’ and contemporary politics in the Pacific Rim countries”	104

In Memoriam...

Dmitri Mikhailovich Nasilov	108
Dmitri Nikolaevich Voskresensky	111

ФИЛОЛОГИЯ

Guzel V. Strelkova

“RAMAYANA” AND MODERN HINDI LITERATURE

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 11999

The subject of the paper is existence, development and influence of an ancient plot of the Ramayana and its main heroes – Rama and Sita – on Modern Hindi Literature. The scientific relevance of this very important and topical for modern India subject is confirmed by many publications dedicated to this theme. The ancient plot is modernized and connected with present situation in India and the world. The images of Rama and Sita allow creating new genre forms also: modern Mahakavya not in Sanskrit, but Hindi; a satirical story; a detective story, feminist novel, a novel-Utopia or a post-modern novel with some features of comics. The main stress in the paper is given to comparison of two Hindi writings: “Ram Charcha” (Discussing Rama) by Premchand – as an example of “a Ramayana in simple prose” addressed to children and not too “sophisticated”, but rather mass audience, and “Ek aur Panchavati” (One more Panchvati) by Kusum Ansal – as an example of a novel created within the so called “mahila lekhan” (women’s writing) literary movement.

Key words: Ramayana; modern Hindi novel; interpretation of a traditional plot.

The subject of the paper is the existence, development and influence of the ancient plot of the Ramayana and its main heroes – Rama and Sita – on Modern Hindi Literature. The scientific relevance of this subject, very important and topical for modern India, is confirmed by recent publications concerning this theme, such as “The Goddess as Role Model: Sita and Radha in Scripture and on Screen” by Heidi Rika Maria Pauwels¹, “The Infinite Story. The Past and Present of the Rāmāyanas in Hindi” by Prof. of Warsaw University Danuta Stasik², and Ph.D. thesis of Anna Chelnokova (St.Petersburg University, Oriental Faculty) “Ramayana in Modern India. On the basis of Hindi Literature”. For me, the importance of

Guzel V. Strelkova – Associated Prof. of Indian Philology department of Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: strelkova.guzel@gmail.com).

¹ *Pauwels H.R.M.* The Goddess as Role Model: Sita and Radha in Scripture and on Screen. N.Y., 2008. 558 p.

² *Stasik D.* The Infinite Story. The Past and Present of the Rāmāyanas in Hindi. Manohar. Delhi, 2009. 319 p.

the subject is in its connection with my series of lectures on contemporary Indian literature, offered to students of Indian Philology department of IAAS MSU. The subject of the Ramayana became even more important for me after having read a Jain text – ‘Paumachariya’ by Vimalasuri (the end of the 3 c. AD) within the framework of the Summer Prakrit School in Wurzburg in 2009³. Reading this text I could perfectly experience the greatness and continuity of the Ramayana tradition.

The present paper is based mainly on the literary sources which have not attracted much attention of the scholars mentioned above, most probably, because there are too many writings based on the Ramayana. Nevertheless, I suppose that some of them are worth studying, so the present work is an attempt to fill this gap.

Till now one of the most popular and worshiped interpretations of the plot about Rama in Hindi (Awadhi) is “Raamacharitamānas” (16th c. AD) by Tulsidas⁴. In the modern Hindu tradition this work of later *Bhakti* is considered to be “the fifth Veda” and “*Shruti*” (a text of “Divine” origin) and in some Hindu communities the book itself is worshiped as an “*Isht Dev*” – a personal, chosen Deity. (The devotion and dedication to *Isht Dev* helps to fulfill personal wishes.) At the same time “Raamacharitamānas” is considered to be one of the most prominent examples of *Bhakti* poetry, an equal in value to Valmiki’s *Raamaayaṇa* known as the first *Mahaakāvya*. As New Times came, since the second part of the 19th c., a new type of “Enlightened” literature, different from the traditional one, emerged, and many poems, dramas, novels and stories about Rama, Lakshmana and Sita were also written. In the new literature Rama was often presented as a righteous ruler, creator of Raamrajya – an ideal state, based on the laws of reason and justice.

Since ancient times, Rama was connected with Krishna (as the two most popular Human avatars of Vishnu). During the era of struggle for Independence both of these – Krishna and Rama – acquired a new aspect of popularity, not as Deities but as state leaders, some kind of an essence of a “national idea”. Along with this, a great variety of interpretations of the Raamaayana exist in Modern Indian Literature. Starting with “Death of Meghnad” – a poem by M.M. Dotto in Bengali (1861), whose protagonists are not Rama, Sita and Lakshmana, but Ravana and his son Meghnad (Indrajit) – many Hindi novels and stories were based on the Raamaayana, interpreting it in their own way. Some novels that attracted

³ It was organized by Dr. Eva De Clercq, Dr. Anna Aurelia Esposito and Dr. Petteri Koskikallio. I am very grateful to them for the knowledge I have got participating in the SPS 2009.

⁴ Translated into Russian by academician A.P. Barannikov.

not only idle readers, but also serious scholars, were written up to the end of the XX – beginning of the XXI c. Among them are, for example, “Apne-apne Ram” (To each his own Ram) by Bhagvan Singh and “Abhyuday” (The Rise) by Narendra Kohli or, from my point of view, more appealing to a mass, “popular” reader, some stories by Vinod Bhatt or novels by Kusum Ansal and many others.

As in writings of the first half of the XX c. (“Saket” by M.Sh. Gupta, “Urmila” by Navin, Nirala’s “Raama Shaktipuja” – Worship of Shakti by Rama), the narration about Rama in contemporary literary works is reconsidered, re-shaped and demythologized in order to meet ideological claims and intentions of the author. As a rule, not only literary or aesthetic features are important, but mainly ideological, socio-political, civil or religious/ethical ones. The ancient plot is modernized and connected with the present situation in India and the world. Still, the images of Rama and Sita allow to create new genre forms (for example, modern Mahakavya not in Sanskrit, but in Hindi; a satirical story; a detective story, a feminist novel, a novel-Utopia, or a post-modern novel with some features of a comics and so on).

Two Hindi novels are discussed and compared in the present article. The first one is “Raam Charchaa” (Discussing Rama) by Premchand (Premchand 1938⁵). The writer is considered to be a classic of Modern Hindi prose, “*Upanyaas kaa Samraat* – the Emperor of the Novel”. His “Raam Charchaa” is an example of a Raamaayana in “simple prose” addressed to children or not too “sophisticated”, but rather mass audience. The other one is “Ek aur Panchavati” (One more/Another Panchavati) by Kusum Ansal – as one of the novels created within the so called “*mahilaa lekhan*” (“women’s writing”) literary movement. This novel also could be considered as the one addressed to not an elitist reader, but as a kind of an example of “mass literature” appealing to a common reader, brought up within the Hindu tradition, but to some extent a reader modern and educated, and – as could be guessed – mainly to female readers.

One of the main reasons for choosing these two books is that they have not attracted much attention of the scholars, who deal with modern interpretation of the Raamayaana, though Danuta Stasik included “Raamkathaa”, with a subtitle “Raamcharchaa” added in brackets⁶, into her survey of prosaic interpretations of the Raamayaana in the first half

⁵ This year of publishing – two years after Premchand passed away – is given by Ramlakhan Pandey. *Tulsidasottar hindi raamsahitya*. Allahabad, 2003 (1st published 1972, p. 161).

⁶ D. Stasik gave a reference to the edition published in Jaypur. *Saahityaagaar*, 1992, which has only 131 pages.

of the twentieth century⁷. The other reason is that the target audience of these two chosen books is mainly children and women – but not a general, or a traditional and a devoted reader. The third reason for choosing “Raamkathaa” and “Ek aur Panchavati” as an object of discussion is the *Panchavati* (“The grove of five *vata*- banyans”). This locus is very important for the unfolding of the plot of the Ramayana, and is a symbolic one. This grove in the Dandaka forest of the epic Ramayana plays an important role in the literary creations by Premchand and Kusum Ansal.

In contrast to the Ramayanas by Valmiki or Tulsidas, Premchand’s “Raamcharchaa”⁸ is composed in a very simple, colloquial, contemporary and practically oral Hindi (*khaRii bolii*). It is stressed in the title itself – “Raam Charchaa” (discussing Rama), and it becomes clear from the very beginning, when the author addresses to the children: “Dear children! You must have seen a fair of *Vijay-dashami*. Sometimes it is called Raamliilaa also... Now we are telling you some interesting circumstances of that Raja Ramachandra.”⁹ As D. Stasik pointed out, “it is not a novel but a kind of a story, performed by a story-teller who addresses his audience – children, teenagers and their elders. Premchand reconstructed it in a traditional form of story-telling, communicating with his audience directly in a lively, effortless style, using at times very colloquial language.”¹⁰ The scholar indicated also that “This ‘oral form’ of Premchand’s Raamkathaa is the most interesting feature, while its story is traditional and not innovative, which most probably was not even intended by its author.”¹¹ The writer followed Valmiki, but did it in a rather “easy-going” way, because, apparently, his intentions were to “entertain and educate” his young audience.

It is important that, starting from the introduction, Premchand uses ‘Hindustani’, easily combining Hindi and Urdu words, for example: “In the memory of that national victory a fair of Vijay-dashami is organized, and every year a figure of RaavaN is burned down.”¹² In this case Prem-

⁷ Stasik D. Op. cit. P. 191–192.

⁸ I use the 8th edition of this book, published in 1969 by Hans prakashan, Ilaahabaad. 172 p. There is no “Raamkathaa” – only “Raamcharchaa” without any brackets. I assume, that since then the book was issued many times and it shows the popularity of the book. The book was translated into Russian also. *Premchand M. Skazanie o Rame* (Tale of Ram). M., 1958.

⁹ “Pyare bacche! Tumne vijay-dashami kaa melaa to dekhkaa hii hogaa. Kahiin-kahiin ise raamliilaa kaa melaa bhii kahte hain <...> Aaj ham tumhen unhiin raajaa raamchand kii zindagii ke dilchasp haalaat sunatee hain.”

¹⁰ Stasik D. Op. cit. P. 192.

¹¹ Ibidem.

¹² Usii kii kaumii fatah kii yaadgaar men vijay-dashamii kaa melaa hotaa hai aur har saal raavaN kaa putlaa jalaayaa jaataa hai. *Premchand M. Raamcharchaa*. Allahabad, 1969. P. 3.

chand was going far away from “*aadesh*” – a precept of Mahavir Prasad Dvivedi¹³ to follow the stylistic purity and to use mainly words of Sanskrit origin in the literary Hindi. In the text of 172 pages, covering all 7 books of Ramayana (from *Baal-kaanD* to *Uttar-kaanD*) the author successfully presented a plot of the Ramayana. At the same time he taught his young readers how to follow moral norms and fulfill their duty. The main word of the last chapter “*Ant*” (Final) is “*kartavya*” – duty. Realizing that he appealed to small children, Premchand assured them that this way – the way of duty – lead them to “*prasannata*” (happiness, joy) which would be their “*puraskar*” (a prize, benefit)¹⁴.

As it was mentioned above, Premchand followed the plot of the Ramayana by Valmiki in general, and made the story sound as a very interesting, eventful life-story of real people who also possessed some extraordinary powers. Let us shortly focus on one chapter only – “*Panchavati*”, because this short chapter from “*Van-kaanD*” (Forest Book) corresponds to the other book – “One more Panchavati” – which will be discussed in the article later. *Panchavati* is a grove in the *Dandaka* forest on the banks of Narmada river, where Rama, Sita and Lakshmana were living happily during their exile, and from where Sita had been abducted by Ravan. Premchand dedicates a whole paragraph to the description of beauties of the place, which was even more beautiful than the praises spread and heard: “... mountains are covered by flowers, swans and herons swim in the river’s pure water. Flocks of deer used to come to drink water...”¹⁵ But there was a settlement of Rakshasas (demons) not far from Panchavati.

“*Cherchez la femme!*” – can be said to characterize the force of circumstances which had led to further events and Sita’s abduction. An episode with Shurpanakha – Ravana’s sister who fell in love with Rama and was punished by his younger brother Lakshmana – was described by Premchand splendidly. There are a lot of nuances showing how one and the same thing could be seen and understood differently by different participants. The writer stressed that a point of view is very important, and how it could change, depending on a changing situation and circumstances. In spite of the tragic outcome of the Shurpanakha episode and events it had triggered, Premchand wrote this chapter in a humorous tone. He showed a bold Shurpanakha who wanted to marry such a beautiful, god-looking Ramachandra, then Lakshmana. Their dialog is worth a

¹³ Mahavirprasad Dvivedi (1864–1938) – the editor of *Sarasvati* – one of the most important Hindi journals since 1903. He played a very important role in creating the standards of modern Hindi and Hindi literature.

¹⁴ *Premchand M. Op. cit.* P. 172.

¹⁵ *Ibid.* P. 64.

quotation: “Raamchnadra said: We live in Ayodhya. Our father is the Raja of Ayodhya. Nowadays our brother is a ruler. Shurpanakha said – Then, everything is settled. I am also a daughter of a Raja. My brother Raavan rules Lanka. That’s all – we are a very good couple. I was looking for a husband like you, it’s good that you came on my way, now marry me. You are lucky that such a beauty like me wants to marry you.”¹⁶

The protagonists behave like real human beings, there is practically nothing resembling gods in them. The dialogue shows further how Rama and Lakshmana are teasing Shurpanakha, and the lesson Lakshmana taught her, cutting off her nose and ears. This is an awful deed, in reality, and it leads to a war between Ramachandra and *Rakshasas*. But the author does not discuss what in the ancient times has been considered as good deeds. Premchand shows the behavior of his heroes, and sometimes uncovers their hidden intentions and passions, as depicted in a dialogue between Ravana and crying Shurpanakha in the next chapter “*Hiran kaa shikaar*” – (“A hunt for a deer”). Shurpanakha blames Rama and Lakshmana for forcing her into the marriage, and stresses that she has never considered them seriously. As a result “*chhoTe bhaai ne ye sharaarat kii*” (the younger brother played this joke), and the revenge for this “joke” (as sarcastically says the antagonist heroine, meaning that her own nose and ears were cut off), might be only the death of the two brothers, and disgrace of Sita. Shurpanakha insists on her brother marrying Sita, by describing the beauty of the latter, whom Ravana should marry himself, because Rama is not worthy of her.¹⁷ Such is a strange “logic” of a woman in the interpretation of Premchand, but it corresponds to the plot of the Raamaayana.

Another important point is that Ravana remembers Sita, and he is more preoccupied with memories of the lost *svayamvara*, during which Ravana also had tried to win Sita as a bride, than with his revenge on Lakshmana and Rama who had killed Ravana’s brothers and humiliated his sister. Still, he demands Rakshasa Maricha to “demonstrate his art”, by asking why Maricha should just sit and uselessly “receive salary”. In such an anachronistic way Premchand continues dialogues of his ancient

¹⁶ Raamchnadr ne kahaa – ham log Ayodhyaa ke rahnevaale hain. Hamaare pitaajii Ayodyaa ke raajaa hain. Aajkal hamaare bhaaii raajya karte hain. Shurpanakha – bas, tab to saarii baat ban gayii. Main bhii raajaa kii laRkii hoon. Meraa bhaaii RaavaN Lankaa men raajya kartaa hai. Bas hamaaraa-tumhaara achchhaa hii joRaa hai. Main tumhaare hii jaise pati DhooDh rahii thii, tum acche mile, ab mujse vivaah kar lo. Tumhaaraa saubhaagya hai ki mujh-jaisii sundarii tumse vivaah karnaa chaahitii hai. *Premchand M. Op. cit.* P. 64–65.

¹⁷ Ibid. P. 70.

antiheroes, and explains who was the demon Maricha, and what were his relations with Rama¹⁸.

Quite unlike the ironical way Premchand used to describe Ravana and his circle, the writer usually shows Rama and Lakshmana very seriously. They are the heroes who have to follow their *kshatriya dharma*. Nevertheless, when read by a feminist scholar, this story could contribute a lot for the condemnation of a patriarchal society. It is mostly women characters whose contribution into or interference with different events lead to dramatic and even tragic happenings and results. Such happenings start with Kaykeyi who insisted on Rama's exile and continue up to Sita who broke a command of Rama to remain with Lakshmana, and after that, left alone, came out of a magic circle, drawn by Lakshmana, before running to help and save his brother Rama. Still, a reader realizes, thus is how the plot moves ahead and the story could be created and recited.

"Raamcharchaa" by Premchand confirms that this classic of Modern Hindi literature followed his idea of "*adarshwaadii yatharthawaad*" – Idealistic realism. By reconstructing the epic story, the writer did not criticize or rethink the ideals and dogmas of Hinduism. He stressed the importance of moral values for the young generation in modern times. Premchand showed different kinds of relations in a family and society, and stressed the importance of faith in goodness. He explained that it was necessary to fulfill one's duty, and how to be able to choose between the right and wrong. This is most clearly shown in the case of Lakshmana, who had either to follow orders of his elder brother or decide himself what was more preferable. Readers could clearly understand this by reading an episode with *Sitaharan* – when Rama's spouse was abducted by Ravana. As the story showed, Lakshmana should have followed the command of his brother, and in spite of everything, should have never left Sita alone.

This situation is shown as in a mirror in the finale, sometime later after the victory over Ravana and the triumphant return of Rama to Ayodhya. Lakshmana, following the order of his elder brother, had to take Sita to the forest, because the people of Ayodhya had doubted in Sita's fidelity during her imprisonment at Lanka. That is why she had to be left alone in the forest, in another exile. And Lakshmana did so, in spite of all his sufferings and doubts. Premchand describes that nothing wrong happened to Sita in the forest, because Valmiki took care of Sita and her sons Kusha and Lava at that time. But soon after that episode Lakshmana failed to follow an instruction of Rama. He let *Rishi* Durvasa meet Rama when the latter was busy in conversation with a *Sadhu*. Such neglect of the order led

¹⁸ Ibid. P. 70–71.

Lakshmana to death. Rama explained to his brother Lakshmana, that he, Rama, was, first of all, the Raja, and only after that, a son, or a brother, a husband – so the order, duty prevailed. Lakshmana had to leave Ayodhya and soon died at the banks of Sarayu.

The author, by concluding the story, stressed that “this is a short story of Ramachandra’s life. The only sense of his life is in one word, and the word is *kartavya* – duty. He always believed that duty stood above all else. He never strayed from *kartavya* on his way of life <...>. This devotion to his duty took Rama high from the community of people and seated him in the hall of Gods. The holy result (*prasaad*) of his devotion to duty (*kartavya-paraayantaa*) is that the whole India (*Bhaarat*)... believes that he is an *avatara* of God Almighty.”¹⁹ Taking into consideration the writer’s own life, we can say that he also followed this way of “*kartavya*”. Premchand’s stories and novels, articles and even “*Hans*” – a literary magazine he founded – proved that the duty of a writer had been the most important idea for Premchand to the last days of his life. No wonder that all India worships his name. Maybe, this adaptation of the Ramayana for children did not contribute to the writer’s popularity so much, in comparison with his stories and novels. But Premchand’s talent and his ideals were expressed here clearly. Premchand stresses the duty, *kartavya* as the main virtue. Still, the text of “*Raamcharchaa*” confirms that he did not think deeply over the reason for which the duty, fulfilled by Rama, forced him to abandon Sita, his unborn children, and later Lakshmana. We can suppose that the main reason was a patriarchal, traditional, communal society, in which the fate of an individual was not so important or even considered more valuable than interests of all. Nowadays we can ask a question – why their lives were not as valuable as this unexplained “*kartavya*”?

The answer, or, at least an attempt to find it, was given much later, in 1962, in a poem by a renowned Hindi poet Naresh Mehta. His poem was called “*SamShay kii ek raat*” (A night of Doubt). It shows Rama deep in thought over the future – his own and other people’s, just before his entry into Lanka. Rama realizes his responsibilities towards others, and he cannot avoid the struggle. As D. Stasik rightly remarks, such people as Rama are “fully conscious that their decisions have far-reaching implications for the life of other people but <...> they are not even able to foresee the direct or indirect consequences of these decisions.”²⁰ And after a mental struggle, finally, Rama came to the conclusion, and his words were: “Now, I am the decision/ of all/ not mine own. <...> Don’t ask me,/oh, my reason

¹⁹ Ibid. P. 172.

²⁰ *Stasik D.* Op. cit. P. 198.

(*mere vivek*)!/Don't ask me... Neither the heaven (*aakaSh*),/ nor its gods/ and the gods of gods,/no one, yes, no one/ knows answers to questions (*praShnon ke uttar nahiin*)."²¹ The same *kartavya* is stressed in Maithili Sharan Gupta's poem "Panchavati" (1925), in which mainly Lakshmana and his devotion to Rama-Sita are described. Starting with the very beginning of the poem a reader finds the word "*kartavya*": Rama asked his brother Lakshmana who followed him in exile: "Why, exactly this is the duty, Brother?/ Lakshman bent his head,/Aarya, this person towards you/ when fulfilled his duty?/ You loved only!/ saying that Sita smiled,/ but bright eyes of Rama became full as mature mother-pears."²² In this poem duty and love coexist and prevail in Panchavati, where at least for a short time the three heroes of the Raamaayana became happy.

The poem "Panchavati" by M. Sh. Gupta contains many dialogues, and it acts as a link between an oral transmission of the epic plot and a performance. It corresponds to the fact that in the first half of the XX c. the majority of works based on Ramayana or related to the story of Rama were written in verse, but not too many of them had become real poems. There were dramas and practically no novels. One of the reasons explaining this fact could be "the tradition of oral transmission and performance so strong in the Raamaayana tradition."²³ The fact that authors were interested not only in Rama or Sita, but also in other characters (Bhaarat, Lakshman, Urmila or Kaikeii) was also worth noting. Another important moment was that even if writers of the first half of the XX c. considered Rama as God, they did not emphasize his divine status. And we saw it clearly in Premchand's rendering of Rama katha. "They were interested in his human potentials and the reformist capacities dormant in the story of his deeds", – stressed D. Stasik²⁴.

The situation with novels based on the Raamaayana's plot written in the second half of the XX c. may be called more complicated. Two main most appraised novels – "*Apne apne Ram*" (To each his own Ram) by Bhagvan Singh and "Ramkatha" cycle "*Abhyuday*" (The Rise) by Narendra Kohly– were thoroughly discussed in the above-mentioned works of Danuta Stasik and Anna Chelnokova. These contemporary Hindi Raamkathaas "revealed their multilayered approach to myth"²⁵, and three

²¹ Mehta N. Sanshay ki ek raat. 1962. P. 88–89.

²² kyaa kartavya yahii hai bhaai?/ Laksman ne sir jhukaa liyaa,/ aarya, aapke prati is jaan ne /. kab kab kyaa kartavya kiyaa?/ pyaar kiyaa hai tum ne keval!/ siitaa ye kah muskaaii,/ kintu raam kii ujval aankhen/ saphal siip-sii bhar aaiin. Gupta M.Sh. Panchavati. Delhi, 1925. P. 4.

²³ Stasik D. Op. cit. P. 193.

²⁴ Ibid. P. 194.

²⁵ Ibid. P. 222.

main elements of their poetics are: “the preservation of the constituent elements of the original myth; interpretation of the original myth, and “the introduction of an author’s original ‘mythological’ plot, i.e. individual mythologizing <...>.”²⁶ But, naturally, there are some novels which do not fit into this definition. One of them is “*Ek aur Panchavati*” (One more / Another Panchavati) by Kusum Ansal²⁷. The novel was mainly inspired by the traditional characters, and the author used some motifs and characters of the Ramayana, without dealing with the epical plot and story and not attempting to create any kind of myth. Kusum Ansal calls herself “a modest writer”, but even internet shows that she looks like a rather popular novelist and poetess, who has published a number of books in prose and poetry. Her novel “*Uskii Panchavati*” (Her Panchavati) was first published in 1977, second edition of 1985 was titled “*Ek aur Panchavati*” and translated into Panjabi, English and even Russian in the 1990ths. The film version of the novel directed by Basu Bhattachariya in 1986, maybe, contributed a lot to the popularity of the novel. Contrary to Premchand’s “*Raamcharchaa*” or Maithili Sharan Gupta’s “*Panchavati*”, the novel by K. Ansal does not follow the plot of Ramayana at all. “*Panchavati*” is taken just as a symbol, and it is used rather freely. Here “The grove of five *vata*- banyans” is a mango grove, and it is not located in Dandaka vana, or even near Nashik, but in a town Basti. In a film version the plot is settled in Nepal, and the God *Pashupatinath* is maybe more important than Ramachandra – an epic hero or an *avatara* of Vishnu.

Symbolism of flowers and trees is rather loosely connected with the title, but, surprisingly, is not much worked out. Usually “*phuul*” – flowers in general are mentioned (even if a basket of flowers is presented) or opposed to cactuses²⁸. But there are flowers of mango tree, discussed in the preface to the novel²⁹. We find them in the chapter, describing the “*Panchavati*” grove as a place where the heroine, Saadhavii, has been very happy, and has found her love. She collects mango flowers and enjoys their fragrance³⁰. The novel is written in the traditions of a “social family novel”. It is concentrated on the main heroine and her relations with her relatives. The name of the heroine – Saadhavii – means “Chaste, faithful wife” and could resemble Sita, but she sometimes behaves against the traditional social norms. Her feelings are most important for her, and love and self-realization are her goals. The heroine can do anything to reach love and

²⁶ Ibidem.

²⁷ *Kusum A. Ek aur Panchavati*. N. Delhi, 1985. 176 p.

²⁸ Ibid. P. 10, 24.

²⁹ Ibid. P. 7.

³⁰ Ibid. P. 52.

her beloved one. At the same time she is “clever” and can use her mind, the faculty of reason, behaving according to the situation.

The plot of this rather sentimental novel is based on a “love triangle”. Saadhavii, a very talented college student, a participant and a winner of many competitions, is married to a wealthy businessman Yatin. This marriage was arranged by Yatin’s elder brother Vikram – after he, as a jury, had seen Saadhavii at a swimming competition, and was charmed by her. She falls in love with him also. But Vikram is married, so he urgently arranges a marriage of Saadhavii with his younger brother. The heroine unsuccessfully tries to become a devoted wife – “*pativrataa*”, as her name suggests, but fails. She looks for a way out and starts painting, but nobody understands her. So after 4 years of marriage Saadhavii leaves her husband to return from Delhi to her parents in Gorakhpur. It is important to mention, that within 4 years of marriage Saadhavii did not manage to become a mother.

Vikram, as the elder and responsible member of the family, accompanies Saadhavii to her parents. On the way they spend some time in a town Basti³¹, where Vikram had a business meeting. “Panchavati” – is the name of a mango grove in an estate of Vikram, which is located there. Here Saadhavii finds her real happiness with Vikram, but it could not last more than a few days. After returning to Gorakhpur Saadhavii works as a teacher, continues her paintings and expects a child. A few months later a very successful exhibition of her paintings was arranged in Delhi. Saadhavii’s husband Yatin came there also. He knows about her condition and is ready to accept her back. But Saadhavii explained to him that the father of her future child was Vikram, so she planned to return to her parents after the exhibition was over.

Meanwhile Vikram was going to present his factory and “Panchavati” grove to Saadhavii, but perished in a flight accident. Saadhavii was shocked with the news, and gave an early birth to twins. After being unconscious for two weeks, Saadhavii survived. Yatin wants her and the newly born children to stay with him. But she prefers to come back to ‘Panchavati’ with her babies and cherish the memory of Vikram there, but not to stay with her husband. The novel ends with Saadhavi’s words addressed to her mother-in-law: “I will call them Kusha and Lawa”³². Most probably, the plot is the main reason, why the novel seems rather popular: it was

³¹ Basti is connected by tradition with *Vasishtha rishi* who was a *kulguru* of Rama and Lakshmana.

³² *Kusum A. Op. cit.* P. 119.

published several times³³, translated into foreign languages, screened and there were plans to create a remake of the film also.

The novel is written in a 1st-person narrative, and the main, key principle of the heroine is “*apnaapan*” – closeness, or, in the context of the novel, self-respect. Saadhavii’s aim, as a reader can see after reading the book, is self-expression and self-realization. She does it by means of painting. According to the plot and the self-characteristic, the heroine is a well-educated and beautiful young girl. She is fond of painting and paints much, her paintings are about 400 in number. Saadhavii is a sports-girl also, and is very popular among her friends and so on. She can do everything – from sewing to riding a bicycle and does everything enthusiastically. This 1st person form of narration leaves a reader with a feeling that the heroine is not modest, but rather self-praising. She is fond of European music, books, modern drama etc, but tries to be faithful to Indian traditions also. The novel starts with a description of Sadhavi’s chitra-shaalaa (gallery) and different kinds of styles she paints in. One of the favorite is *madhubani* – a folk style of painting Sadhavi’s aunty taught her³⁴.

The author tries to create a lonely and very ‘special’, extraordinary, sophisticated and a modern, educated heroine. And Saadhavii after her rather unexpected marriage could not be easily understood by her new, quite ordinary relatives. On the one hand, there are all features of a really modern heroine who can, thanks to her talents, education and character, create her own life in a way she wants and deserves. Such heroines are found in classical Hindi novels by Jainendra Kumar (Sunita, Kalyani, Sukhda) or Yashpal (Tara in “*Juthaa Sach*”), and contemporary novels of Hindi women writers also. It is no wonder, because the author made her Doctorate in Hindi Literature³⁵. A reader can find some allusions to classical Bengali novel also, like an episode with the heroine, travelling on a train with Vikram whom she loves. It corresponds to “The home perished” by Sharatchandra Chottopadhyay. There are some features of Saadhavii which have much in common with Kumudini, the heroine of “Relations” (*Jogajog*) by R.Tagore ³⁶. It confirms that the novel and the heroine could be considered to be within the Indian literary tradition. But

³³ First published as “Panchavati” in 1977, Star Publications Ltd., then as “Ek aur Panchavati” in 1985. The latest publication was by Penguin India in 2007.

³⁴ Ibid. P. 10–11.

³⁵ From Panjab University, Chandigarh, 1987.

³⁶ There are many common features in characters of Tagore’s Kumu from “Jogajog” and Saadhavii, even some episodes, like a shabby, half- forgotten by others room converted by heroines into their own space (In Russian translation [Tagor, 1965: 79]) or meditations about factory chimneys contrasting to the beautiful sky, etc).

on the other hand, there are too many elements of a melodrama in the novel by Kusum Ansal: unfulfilled love, a lonely heroine whom nobody understands, unexpected happiness, a sudden death of a beloved, and a birth of illegal children; a heroine at the edge of death, and a kind of a happy end – because she survived and had twins.

Some elements of the Raamaayana were introduced to make this sentimental, sometimes far from the reality, and very “romantic” love story more attractive. It starts with the title of the novel and the last sentences (“I call them Lava-Kusha”)³⁷. The Ramayana can serve well to the purpose of creating a contemporary heroine, living in a traditional world of Indian family. An implicit or sometimes even straight comparison with Sita³⁸ put an emphasis on how valuable the heroine is. But these symbols, borrowed from the Ramayana, do not sound organic, are not harmonized with the characters of the novel. They are too “artificial”, as if “cut out” from the classical plot, and they often contradict to other metaphors used by the author. For example, one of the main features of Vikram is a foreign (*videsh*) perfume, the fragrance of which attracts Saadhavii. She often uses Anglicisms. Sometime it gives practically a comic effect, in contrast to the intentions of the writer. For example, the heroine compares *prem* – love with elastic, spread from one room to another or stresses the “hypnotic” personality of Vikram³⁹. Male characters are too far away from Rama and Lakshmana. Vikram, the main protagonist, is described as a kind of a special, outstanding person also – just like Saadhavii. But he made his fortune thanks to an arranged marriage to a rich girl, who “without his wanting this, soon made him a father of three children”, and he himself, instead of his dream to become a pilot or a radio announcer – to fly and influence everybody from the heaven, became a businessman, an owner of a factory and a person “like a machine”⁴⁰. Only his love to Saadhavii makes Vikram alive again – just for a short time. Their relations and conversations are presented in a melodramatic and sentimental way, with many exaggerations of mental and physical suffering of the heroine, for which Vikram blames himself mostly.

But the final of the novel returns a reader to the main idea: an educated and talented woman can find her happiness and destiny, and follow the path which leads her to self realization, so she could compare herself with the heroine of the great Epic. In spite of some shortcomings, the

³⁷ Kusum A. Op. cit. P. 119.

³⁸ The heroine herself “is laughing at a comparison of the place with Panchavati and herself with Sita” [Kusum, 1985: 51].

³⁹ Kusum A. Op. cit. P. 54–57.

⁴⁰ Ibid. P. 47.

novel, as it was mentioned above, continues to be popular, and is read by many; one of the main reasons of this fact could be the allusions to the classical plot of the Ramayana. Of course, this novel is quite of another kind in comparison to Premchand's "*Raamacharchaa*", but both books appeal to a mass reader who knows the Raamaayana well and is ready to listen to new interpretations of this eternal story. It is important that such interpretations appeal not to religious, but to moral or aesthetic and sentimental values.

Interpretations, as we see, can greatly vary in form – poetical or prosaic, and their genre -from a poem, a story, a novel to a cycle of novels or a short version of the epic plot, presented in a lively, practically oral form with many anachronisms, as it was written by Premchand. The stories about Rama and Sita continue to be a source of inspiration for many modern Hindi writers. They appeal to millions of Indians, and "Rama-Sita story" continues to play a great role in India, let it be religion, literature and culture, or socio-political life. In any sphere the ancient plot could sound very actual and modern, depending on its interpretation. As it was said in Rigveda (9, 23, 2): "anu pratinās āyava: padam navīyo akramu:" – "Ancient Ayu followed the new way".

REFERENCES

1. Chelnokova A.V. *Ramajana v sovremennoj Indii. Na primere literatury hindi (Ramayana in Modern India. On the example of Hindi Literature):* Diss. ... k.f.n. (Ph.D. diss.). Sankt-Peterburg, 2009. 175 p.
2. Gupta M.Sh. *Panchavati. Chirganv (Jhansi)*. Sahitya-Sadan, First ed. 1925. 1944 – 32d edition. 56 p.
3. Heidi R.M.P. *The Goddess as Role Model: Sita and Radha in Scripture and on Screen*. N.Y., 2008, 558 p.
4. Kohli N. *Abhyuday*. Vol. 1, Delhi, 1992; vol. 2, Delhi, 1994. 700 p.
5. Kusum A. *Ek aur Panchavati*. N. Delhi, 1985. 176 p.
6. Mehta N. *SamShay kii ek raat*, Allahabad, Lokbhaaratii prakaashan, 1962, 85 p.
7. Pandey R. *Tulsidasottar hindi raamsahitya*. Allahabad, 2003 (1st ed.1972), 284 p.
8. Premchand M. *Raamcharchaa*. Allahabad, 1969 (8th ed.), 172 p.
9. Premchand M. *Skazanie o Rame (Tale of Ram)*. Moscow, 1958, 158 p.
10. Tagor R. *V tenetah zhizni (In the network of life)*. Moscow, 1965, t. 9, 231 c.
11. Singh B. *Apne-apne Ram*. Delhi, 1992, 376 p.
12. Stasik D. *The Infinite Story. The Past and Present of the Rāmāyanas in Hindi*. Manohar. Delhi, 2009, 319 p.
13. Tul'sidas. *Ramajana ili Ramacharitamanasa* (Ramayana or Ramacharitamanasa). Per. s hindi (translation from Hindi) by A.P. Barannikov. M., 1948, 969 p.

Г.В. Стрелкова

«РАМАЯНА» И СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ХИНДИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Предмет исследования данной статьи – существование, развитие и влияние древнего сюжета эпической «Рамаяны» и ее главных героев – Рамы и Ситы – на современную литературу хинди. Научную значимость этого очень важного и знакового для современной Индии предмета подтверждают многочисленные публикации, посвященные этой теме. Древний сюжет модернизируется и связывается с ситуацией в Индии и мире. Образы Рамы и Ситы позволяют создать также и новые жанровые формы: современную *махавьяю* не на санскрите, а на хинди; сатирический рассказ, детективную историю, феминистский роман, роман – утопию или постмодернистский роман с элементами комикса. Основное внимание в статье уделяется сравнению двух произведений: это «Рам чарча» (Рассуждения о Раме) Премчанда – как пример «Рамаяны», написанной простой, понятной прозой и адресованной детям и не столь искусственной, преимущественно массовой аудитории, а также «Эк аур Панчавати» (Еще одна Панчавати) Кусум Ансаль – как пример романа, созданного в русле литературного направления «махила лекхан» (женское письмо).

Ключевые слова: Рамаяна; современный роман хинди; интерпретация традиционного сюжета.

Сведения об авторе: Стрелкова Гюзель Владимировна – доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: strelokva.guzel@gmail.com).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chelnokova A.V.* Ramajana v sovremennoj Indii. Na primere literatury hindi (Ramayana in Modern India. On the example of Hindi Literature): Diss. ... k.f.n. (Ph.D. diss.). Sankt-Peterburg, 2009. 175 p.
2. *Gupta M.Sh.* Panchavati. Chirganv (Jhansi). Sahitya-Sadan, First ed. 1925. 1944 – 32d edition. 56 p.
3. *Heidi R.M.P.* The Goddess as Role Model: Sita and Radha in Scripture and on Screen. N.Y., 2008. 558 p.
4. *Kohli N.* Abhyuday. Vol. 1. Delhi, 1992; vol. 2. Delhi, 1994. 700 p.
5. *Kusum A.* Ek aur Panchavatii. N. Delhi, 1985. 176 p.
6. *Mehta N.* SamShay kii ek raat, Illahabad, Lokbhaaratii prakaashan, 1962. 85 p.
7. *Pandey R.* Tulsidasottar hindi raamsahitya. Allahabad, 2003 (1st ed.1972). 284 p.
8. *Premchand M.* Raamcharchaa. Allahabad, 1969 (8th ed.). 172 p.
9. *Premchand M.* Skazanie o Rame (Tale of Ram). Moscow, 1958. 158 p.
10. *Tagor R.* V tenetah zhizni (In the network of life). Moscow, 1965. T. 9. 231 c.
11. *Singh B.* Apne-apne Ram. Delhi, 1992. 376 p.
12. *Stasik D.* The Infinite Story. The Past and Present of the Rāmāyanas in Hindi. Manohar. Delhi, 2009. 319 p.
13. *Tul'sidas.* Ramajana ili Ramacharitamānasa (Ramayana or Ramacharitamānasa) / Per. s hindi (translation from Hindi) by A.P. Barannikov. M., 1948. 969 p.

Д.Н. Гулидова

**К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОРНЕВЫХ
И ДОБАВОЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ АРАБСКОГО СЛОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА ИБН ЙА'ИША «ШАРХ АЛ-
МУФАССАЛ»)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье затрагивается проблема разграничения корневых и добавочных элементов арабского слова. Явление наращения (az-ziyāda) рассматривается на материале трактата средневекового арабского грамматиста Ибн Йа'иша «Шарх ал-муфассал» (XIII в.). Механизм идентификации добавочных харфов рассматривается на примере хамзы. Основными критериями разграничения корневых и добавочных харфов выступают словообразование, наличие в речи слов по аналогичной модели, частотность харфа в качестве корневого/добавочного в рассматриваемой позиции. Попутно затрагивается вопрос об иерархии имен с точки зрения их способности к изменению внутренней структуры. В этом плане высшую ступень занимают имена из трех корневых харфов, далее следуют имена из четырех и пяти корневых харфов. Особое внимание в статье уделяется вопросу об использовании хамзы в начальной позиции. Выделяются следующие типы структурной «дефектности» в именах, не являющихся производными от глаголов и имеющих начальную протетическую хамзу: а) опущение третьего корневого харфа; б) подстраивание гласного второго корневого под гласный третьего корневого; в) «чуждая» модель и ограниченность использования имени определенным контекстом.

Ключевые слова: Ибн Йа'иш; «Шарх ал-муфассал»; наращение; корневые харфы; добавочные харфы.

Наращение харфов² (ziyādat al-ḥurūf), т.е. использование в слове добавочных харфов помимо корневых, характеризует имена и глаголы арабского языка. Как отмечает средневековый арабский

Гулидова Дарья Николаевна – аспирант кафедры арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dariagulidova@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Языковые системы народов Азии и Африки: особенности и проблематика».

² Харф – минимальная единица морфологической структуры арабского слова и единица моделирования в словообразовании.

грамматист Ибн Йа'иш в трактате «Шарх ал-муфассал» (XIII в.), частицам наращение не свойственно. Указанное явление представляет собой разновидность изменения морфологической структуры, что не характерно для неизменяемых частиц³.

В арабской языковедческой традиции в качестве добавочных харфов (*ḥurūf az-ziyāda*) могут выступать *al-hamza*, *al-'alif*, *al-hā'*, *al-yā'*, *an-nūn*, *at-tā'*, *as-sīn*, *al-mīm*, *al-wāw*, *al-lām*. Перечисленные харфы содержатся в известных мнемонических формулах *al-uawma tansāh* «Сегодня она забудет его», *'atāhu sulaymān* «К нему пришел Сулейман», *sa'altumūnīhā* «Вы спросили меня о ней»⁴.

Ибн Йа'иш описывает механизм идентификации добавочных харфов. Рассмотрим его на примере хамзы. С фонетической точки зрения хамза «характеризовалась как наиболее глубоко артикулируемый, звонкий смычный согласный, образующийся путем смыкания и размыкания связок. Грамматисты и чтецы характеризовали ее как сложный с артикуляторной точки зрения звук, требующий особого мускульного напряжения»⁵. В связи с этим хамза рассматривается как фонетически неустойчивый элемент, что выражается в ее «облегченной» («сглаженной») реализации в речи. Указанное обстоятельство создает трудности при квалификации хамзы как корневой или добавочной.

По свидетельству Ибн Йа'иша, хамза считается добавочной только в том случае, если предшествует сегменту, который может функционировать как «явное» («выраженное») имя⁶, при этом минимальная длина такого сегмента составляет три харфа: *'aḥmar* «красный», *'ajlis* «(я) сижу». Иными словами, хамза рассматривается как добавочная, если предшествует треххарфному корню в именах и глаголах. Автор трактата отмечает частое использование добавочной хамзы (*kaṭrat ziyādatihā*) в начале слова в препозиции к треххарфному корню и частотность хамзы в словах, являющихся результатом «явного», однозначно понимаемого словообразования⁷ (*al-'iṣṭiqāq*). В соответствии

³ Ибн Йа'иш *Йа'иш ибн 'Али*. Шарх ал-Муфассал. Бейрут, 'Алам ал-кутуб – Каир, Мактабат ал-Мутанабби. Т. 9. С. 141.

⁴ Там же.

⁵ Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана // Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012. С. 139.

⁶ К «явным» («выраженным») именам (*'ism zāhir*) относятся все группы имен, кроме личных местоимений, которые характеризуются как «скрытые, подразумеваемые» (*'ism muḍmar*).

⁷ Словообразование рассматривается арабскими грамматистами как «самый весомый и убедительный аргумент» при определении корневого/добавочного характера харфа (*Bohas G., Guillaume J.-P. Étude des théories des grammairiens arabes. Damas, Institut Français de Damas, 1984. С. 174*).

с универсальным для арабской грамматики принципом ориентации на частотность в речи⁸ указанные обстоятельства представляют собой основание для квалификации хамзы в качестве добавочной в словах, построенных по аналогичной модели, но «неясных» в плане словообразования: *'arnab* «заяц», *'afkal* «удар грома». Такие слова считаются производными от некой исходной треххарфной единицы, которая, однако, не встречается в речи⁹.

Хамза рассматривается как часть корня, если предшествует сегменту, включающему два корневых харфа: *'itb* «рубашка без рукавов», *'izār*¹⁰ «покрывало». Ибн Йа'иш приводит примеры слов, образованных по аналогичным моделям (*miṭāl*): *'idl* «равный» по модели *fi'l*, *ḥimār* «осел» по модели *fi'āl*. Хамза также считается корневой, если за ней следует сегмент из четырех корневых харфов: *'iṣṭabl* «конюшня». «Аналогом» имени в речи выступает построенное по идентичной модели имя *jirdaḥl* «большой (о верблюде)». Ибн Йа'иш указывает на отсутствие у *'iṣṭabl* ясной, однозначной словообразовательной «истории» и других оснований для того, чтобы считать хамзу добавочной. Следовательно, она квалифицируется как корневая, поскольку в арабском языкознании постулируется принадлежность любого харфа к корню при отсутствии «доказательств» его добавочного характера¹¹. Имена собственные *'ibrāhīm* Ибрагим и *'ismā'īl* Исмаил, построенные по модели (*'i*)*f'ālīl*, содержат по пять корневых харфов. Добавочными выступают *'alif* и *yā'*, поскольку они не бывают корневыми в именах, содержащих три и более корневых элементов. Хамза в препозиции к сегменту из четырех корневых не рассматривается как добавочная, так как слова с четыреххарфным корнем имеют низкую способность к изменению внутренней структуры. Указанное обстоятельство обусловлено их редким использованием в речи¹².

Для обоснования приведенного утверждения Ибн Йа'иш показывает градацию способности к изменению внутренней структуры в именах из трех, четырех и пяти корневых харфов. Каждой словообразовательной модели имени в единственном числе, состоящей только из трех корневых харфов, соответствует большое количество

⁸ При обосновании того или иного правила/закономерности, при выборе того или иного варианта из числа возможных частотность в речи является определяющей.

⁹ *Ибн Йа'иш*. Указ. соч. Т. 9. С. 144.

¹⁰ Харф *'alif* – добавочный, так как существует имя *'izr* с тем же значением.

¹¹ Действует принцип арабской грамматики, утверждающий первичность корневых элементов по отношению к добавочным. Подробнее об этом см.: [Гулидова 2016].

¹² *Ибн Йа'иш*. Указ. соч. Т. 9. С. 145.

моделей для обозначения малого и большого множества¹³. Для иллюстрации приведенного тезиса рассмотрим модель fa'l-u(n). Имя в единственном числе по модели fa'l-u(n) может иметь форму множественного числа по моделям fa'īl-u(n) ('abd – 'abīd «раб»), fi'āl-u(n) (baḥr – biḥār «море»), fu'ūl-u(n) (qalb – qulūb «сердце»), 'af'ul-u(n) ('ayn – 'a'yun «глаз»), 'af'āl-u(n) (lawn – 'alwān «цвет»), fi'alat-u(n) (zawj – ziwaḡa «супруг»). Имена, содержащие четыре корневых харфа, менее способны к изменению своей структуры, поэтому множественное число в них образуется по одной единственной модели fa'ālil(u): dirham-u(n) – darāḥim(u) «дирхам». Что касается имен из пяти корневых харфов, то по указанному параметру они стоят еще «ниже», чем четыреххарфные имена, и, как следствие, не имеют «собственной» модели множественного числа. Форма множественного числа в таких именах образуется по типу четыреххарфных имен, при этом один из корневых харфов усекается: safarjal-u(n) – safārij(u) «айва»¹⁴.

Другим свидетельством структурной «изменяемости» имен из трех корневых харфов является наибольшее возможное количество добавочных харфов (четыре) в их дериватах. Например, масдар 'ihmīrār «сильное покраснение» содержит четыре добавочных харфа помимо трех корневых. Максимальное количество добавочных харфов в именах из четырех корневых достигает трех ('ihrinjām «сбор, съезд (племени)»), тогда как имена из пяти корневых могут присоединять только один добавочный харф ('aḍrafūt (вид ящерицы))¹⁵.

Если хамза занимает не начальную позицию в слове, она считается добавочной только при наличии соответствующего «свидетельства». Как поясняет Ибн Йа'иш, добавочная хамза редко встречается не в начальной позиции (фактор частотности не работает). Свидетельством «добавочности» хамзы в таком случае может выступать, в частности, зафиксированный в речи языковой факт¹⁶.

Вопрос об использовании хамзы в начальной позиции заслуживает особого внимания. Ибн Йа'иш посвящает специальную главу трактата («Суждение о зачине арабских слов») явлению просодического плана, которое имеет большое значение для понимания морфологического строения определенных групп слов в арабском языке. Особенность арабской просодии состоит в том, что звучащая речь может начинаться только с харфа типа CV (где C – согласный, V – гласный). Дело в том, что харф имеет бинарную структуру не-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 145.

¹⁶ Там же. С. 146.

зависимо от «физического отсутствия гласного или согласного на своем месте»¹⁷. В арабской языковедческой традиции харф, в котором «физически присутствуют» оба компонента (CV), обозначается термином «движущийся» (*mutaḥarrik*)¹⁸. При нулевой реализации одной из указанных позиций (Cø либо øV) харф характеризуется как «покоящийся» (*sākin*)¹⁹. Как подчеркивает автор трактата, «харф, с которого начинают [речь], не бывает иначе как «движущимся» в силу необходимости [использования] его для произнесения, так как с «покоящегося» харфа нельзя начинать [речь]»²⁰.

Как отмечает Ибн Йа'иш, некоторые имена и глаголы имеют в начале своей структуры харф типа Cø, поэтому для произнесения их в зачине речевого сегмента они получают специальное «средство» – добавляемый к началу слова элемент 'i-. В арабской языковедческой традиции данный элемент обозначается термином «протетическая» хамза (*hamzat al-waṣl*, букв. «хамза для связки»)»²¹.

Использование начального 'i- характерно для глаголов ввиду их изменяемости по трем основным формам (перфект-имперфект-императив) (*li-taṣarrufihā*)²² и широко распространенной структурной «дефектности»²³ (*kaṭrati 'tilālihā*)²⁴. В арабской традиции предлагается ограниченный список глагольных моделей, содержащих добавочную протетическую хамзу²⁵. Модели 'infa'ala, 'ifta'ala и 'if'alla построены по единому ритмическому «образцу». Начальная позиция

¹⁷ Лебедев В.В. Вопросы теории арабской грамматики: гласные в арабской временной системе // Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского: исторический опыт и современная актуальность [Материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фаизхановские чтения»]. М., 2015. Т. 1. С. 108.

¹⁸ Функция «движущегося» харфа заключается в обеспечении «движения» (*ḥaraka*), или сцепления, минимальных просодических единиц (*Аганина Г.Р. Указ. соч. С. 147*).

¹⁹ Такой харф «обеспечивает «покой» (*sukūn*), или прерывает процесс сцепления, ограничивая тем самым длину произносимого сегмента речи (*Аганина Г.Р. Указ. соч. С. 147*).

²⁰ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 131.

²¹ Аганина Г.Р. Указ. соч. С. 147.

²² Понятие *taṣarruf* в широком смысле включает изменения морфологического и синтаксического плана. Подробнее см.: [Гулидова, 2016].

²³ Понятие 'i'tilāl («дефектность») означает изменение, отклонение от исходной формы/структуры. Данное явление связано, в частности, с наличием в слове харфов 'alif[ā], wāw [ū/w] и ya' [ī/y]. Они наиболее подвержены изменениям и в связи с этим характеризуются как «слабые» (*ḥurūf 'illa*).

²⁴ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 132.

²⁵ Протетическая хамза используется в глаголах указанных моделей в формах перфекта действительного и страдательного залогов и в формах императива, а также в глаголах I словообразовательной модели в формах императива.

в них реализована харфом типа Сө для предотвращения скопления в слове последовательности более трех харфов типа CV²⁶. Модели 'istaf'ala, 'if'anlala, 'if'ālla, 'if'awwala и 'if'awlala также образованы по единому «образцу». Скопление большого количества харфов типа CV в приведенных моделях предопределило использование в первой позиции харфа типа Сө и добавление протетической хамзы. Указанная структура «сохраняется» в соответствующих именах действия – масдарах: al-'istixrāj «извлечение»²⁷.

Автор трактата подчеркивает отличие префикса 'i- (протетической хамзы) в рассмотренных глагольных формах от префикса 'a- (непротетической хамзы) в глаголах по модели 'af'ala²⁸: 'akrama «(он) оказал почет». По словам Ибн Йа'иша, хамза в таких глаголах, будучи добавочной, рассматривается как «корневая», участвующая в построении словообразовательной модели слова. В отличие от протетической хамзы, функция которой состоит в обеспечении «связки» в зачине самостоятельного просодического сегмента, непротетическая хамза добавляется «для [выражения] некоторого значения»²⁹ – каузативности³⁰.

Ибн Йа'иш разъясняет механизм «присвоения» протетической хамзе гласного -i. Хамзу добавили для обеспечения «связки» со следующим за ней «покоящимся» харфом, затем представили будто она, как и последующий харф, «лишена» гласного. В связи с этим хамзе «предписали» обязательный в ситуации скопления двух «покоящихся» харфов гласный -i. Вместе с тем, отмечает Ибн Йа'иш, протетическая хамза может иметь гласный -u. Речь идет о тех случаях, когда третий харф слова, содержащего такую хамзу, имеет неотъемлемый гласный -u: 'uxḡuḡ «выходи» (повелительная форма глагола xaraja – uaxḡuḡ, имеющего типовой гласный -u), 'ustud'ifa «(его) сочли слабым» (форма перфекта страдательного залога, предусматривающая гласный -u для второго корневого). Протетическая хамза имеет гласный -a в определенном артикле 'al-. Таким образом достигается противопоставление незнаменательной части речи (частица) знаменательным (имя и глагол)³¹.

²⁶ В арабском языке наиболее частотны просодические слоги длиной в 2 (CVC, CVV) или 3 (CVCVC, CVCVV) харфа, менее частотны слоги длиной 4 харфа. Предельная длина такого слога равна 5 харфам, но в ряде случаев может достигать 7 харфов за счет клитик (Аганина Г.Р. Указ. соч. С. 148).

²⁷ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 135.

²⁸ Речь идет о форме перфекта.

²⁹ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 136.

³⁰ 'axḡaja «(он) вывел/вынес» (xaḡaja «(он) вышел»).

³¹ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 137.

Имена, не являющиеся производными от глаголов и получающие в зачине протетическую хамзу, входят в закрытый список: 'ibn «сын», 'ibnah «дочь», 'ibnam «сын», 'itnān «два», 'itnatān «две», 'imru' «мужчина», 'imra'ah «женщина», 'ism «имя», 'ist «ягодицы», 'aumuṇu l-lāh и 'aumu l-lāh «клянусь Аллахом». Перечисленные имена рассматриваются как «следующие» глаголам в плане «отклонения» от исходной структуры: третий корневой харф в них усекается, в первой позиции имеется харф типа Сә. Протетическая хамза в начале такого имени выступает в качестве «компенсации» ('iwaḍ) выпавшего корневого элемента³².

Так, имя 'ibn-u(n) рассматривается как имеющее исходную (глубинную) структуру ('aṣl) banaw-u(n), опущенным считается третий корневой харф – wāw. Это подтверждают существующие в речи формы имени мн.ч. ban-ūna «сыновья», имени относительного banawīyu-u(n) «сыновний» (выпавший харф восстанавливается в структуре слова), имени «ломаного»³³ мн.ч. 'abnā'-u(n) «сыновья» (hamza выступает субститутотом wāw). На то, что усекается именно wāw, указывает также форма имени, обозначающего лицо женского пола: bint-u(n) «дочь». Дело в том, что в имени bint харф tā' выступает субститутотом третьего корневого – wāw, поскольку tā' чаще выступает субститутотом харфа wāw, чем харфа uā' (действует принцип опоры на частотность в речи)³⁴.

Сравнивая имена bint-u(n) и 'ibnat-u(n), Ибн Йа'иш вскрывает различие в морфологических функциях имеющегося у обоих имен конечного tā'. В 'ibnat-u(n) это показатель женского рода, в bint-u(n) – субститут третьего корневого элемента, т.е., по сути, часть корня. О том, что во втором случае харф tā' не рассматривается в качестве показателя женского рода, свидетельствует, прежде всего, предшествующий ему nūn с нулевым гласным. Харфу tā' как показателю ж.р. всегда предшествует гласный -a-, например qā'im-at-u(n) «стоящая»³⁵. Кроме того, tā' ж.р. в паузальной форме имени заменяется на hā' (qā'imah), а tā' имени bint «сохраняется» как в контекстной (bintun), так и в паузальной форме (bint)³⁶. Еще одним критерием выступает использование имени в качестве собственного.

³² Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 132.

³³ При образовании форм «ломаного» множественного числа происходит изменение основы слова (основа «ломается»).

³⁴ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 133.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Т. 5. С. 121.

Как отмечает Ибн Йа'иш, согласно учению Сибавайхи³⁷, если именем *bint* назвать лицо мужского пола, то имя получит правильную словоизменительную парадигму. Если бы харф *tā'* был показателем женского рода, то при использовании имени в качестве собственного оно имело бы дефектную парадигму³⁸: *ṭalḥatu* Талха, *ḥamzatu* Хамза. Таким образом, в качестве показателя женского рода в имени *bint* рассматривается сама форма слова (*ṣīġa*), ее «перенос» от исходной структуры (*banaw*) к другой, построенной по ритмической модели *fī'l* (*bint*)³⁹.

Конечный харф *mīm* в *'ibnam* «сын» добавлен к корневой основе имени *'ibn* «для преувеличения и усиления». Он не рассматривается как субститут третьего корневого элемента, поскольку наличие последнего стало бы препятствием для присоединения протетической хамзы⁴⁰.

Исходная структура числительного дв.ч. *'itnān(i)* «два» имеет вид *ṭanayān(i)* и происходит от глагола *ṭanay-tu* «я удвоил». Форма числительного дв.ч. ж.р. *'itnatān(i)* «две» содержит показатель ж.р. *tā'*, как и имя дв.ч. ж.р. *'ibnatān(i)* «две дочери». Что касается харфа *tā'* в форме *ṭantān(i)* «две», то он рассматривается как субститут третьего корневого харфа *yā'* аналогично тому, как *tā'* имени *bintān(i)* считается субститутотом третьего корневого *wāw*⁴¹.

Иной тип структурной «дефектности» представлен в именах *'imru*-'u(n) «мужчина» и *'imra*'at-u(n) «женщина». Как отмечает Ибн Йа'иш, указанные имена отличаются от рассмотренных выше сохранением третьего корневого – хамзы. При обосновании данного утверждения автор трактата использует принцип уподобления. К указанным именам присоединяется определенный артикль *al*:- *al-mar'u*, *al-mar'atu*. «Облегченная» артикуляция гортанной смычки приводит к ее выпадению, при этом гласный хамзы переносится на предшествующий корневой *gā'*: *jā'ani l-maru* «Ко мне пришел (этот) мужчина» (НОМ), *ga'aytu l-mara* «Я видел (этого) мужчину» (АКК), *marartu bi-l-mari* «Я прошел мимо (этого) мужчины» (ГЕН). Таким

³⁷ Сибавайхи (ум. в 796 г.) – выдающийся арабский филолог, перс по происхождению.

³⁸ Гулидова Д.Н. Логические основы построения именных и глагольных парадигм в арабской языковедческой традиции (на материале трактата Ибн Йа'иша “*Ṣarḥ al-Mufaṣṣal*”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3. С. 80.

³⁹ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 133–134.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 134.

образом, харф *gā'* получает показатель словоизменения – *u/a/i*. Частое употребление имени в речи привело к тому, что оно стало обозначать любого человека мужского или женского пола. Ввиду частого использования в речи второй корневой имени *al-mar'* уподобили второму корневому имени *'ahūk* «твой брат»⁴². В результате харф *gā'* «получил» тот же гласный, что и третий корневой – *hamza*, во всех падежных формах: *hādā 'imgu'un* «Это (какой-то) человек» (НОМ), *ga'aytu 'imra'an* «Я видел (какого-то) человека» (АКК), *marartu bi-'imri'in* «Я прошел мимо (какого-то) человека» (ГЕН). Фактически в данном случае имеет место сингармонизм гласных. Таким образом, в силу частого употребления имени в речи его структура была изменена в плане подстраивания гласного второго корневого под гласный третьего корневого. Как следствие, первый элемент корня (харф *mīm*) лишили гласного и добавили к началу имени протетическую хамзу⁴³.

Глубинная структура имени *'ism-u(n)* «имя» имеет вид *simw-u(n)*. Третий корневой харф *wāw* выпадает для придания «легкости» ритмической модели слова (как в именах *'ibn* и *'ibnah*), его компенсирует начальный элемент *'i*-⁴⁴. Ибн Йа'иш обосновывает правоту басрийских грамматистов, утверждающих, что *'ism* происходит от *simw*, т.е. *'uluww* «высота», в противоположность мнению куфийцев⁴⁵, которые возводят этимологию рассматриваемого слова к *simah*, т.е. *'alāmah* «знак, метка». С точки зрения значения оба варианта выглядят правдоподобно. В частности, по мнению басрийцев, *'ism* «имя» рассматривается как «примета называемого объекта, возвышается над ним и указывает на находящееся под ним (именем) значение». Согласно учению куфийцев, имя выступает в качестве знака, метки называемого объекта⁴⁶.

Вместе с тем особенности формального плана свидетельствуют в пользу басрийцев. Для доказательства Ибн Йа'иш приводит соответствующие производные и воссоздает их глубинную структуру.

⁴² Гласный третьего корневого харфа *wāw* (гласный словоизменения) имени *'ahūk* переносится на предшествующий харф *xā'*: *hādā 'ahūk* «Это твой брат» (НОМ), *ga'aytu 'ahāk* «Я видел твоего брата» (АКК), *marartu bi-'ahik* «Я прошел мимо твоего брата» (ГЕН).

⁴³ *Ибн Йа'иш*. Указ. соч. Т. 9. С. 134.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Речь идет о басрийской и куфийской грамматических школах (возникли во второй половине VIII в.).

⁴⁶ *Ибн Йа'иш*. Указ. соч. Т. 1. С. 23.

Так, глубинная структура *'asmaytu-hu* «я дал ему имя» имеет вид *'asmawtu-hu* (*wāw* заменяется на *yā'* в силу морфонологических закономерностей), а не *'awsamtu-hu*, как если бы *'ism* восходило к *simah*, первым корневым которого является *wāw*. От *'ism* образуется уменьшительное имя *sumayū-u(n)* «имечко», глубинная структура которого имеет вид *sumayw-u(n)* и восходит к *simw-u(n)*. Если бы имя уменьшительное содержало корневые *wāw-sīn-mīm*, оно имело бы вид *wusayū-u(n)*. От *'ism* образуется форма «ломаного» мн.ч. *'asmā'-u(n)*, глубинная структура которой имеет вид *'asmāw-u(n)*. Если бы имя «ломаного» мн.ч. содержало корневые харфы *wāw-sīn-mīm*, оно имело бы вид *'awsām-u(n)*⁴⁷.

Исходная структура имени *'ist-u(n)* «зад, ягодицы» имеет вид *satah-u(n)*, усекается третий корневой харф *hā'*. Подтверждением этого является восстановление *hā'* в дериватах *'ist*: имени с оттенком пренебрежения *sutayhat-u(n)*, имени «ломаного» мн.ч. *'astāh-u(n)*, прилагательных *'astah(u)* и *satāhiyy-u(n)* «имеющий большой зад». Ибн Йа'иш также приводит бытующие в речи арабов варианты *sat-u(n)* и *sah-u(n)* (рассматривается как аномальное) имени *'ist*⁴⁸.

Что касается имени *'aymun* в выражении клятвы *'aymunu l-lāh* «клянусь Аллахом», то, по Сибавайхи, оно рассматривается как имеющее форму ед.ч. и производное от *yamīn* «клятва». Ибн Йа'иш указывает на нехарактерность модели «ломаного» мн.ч. *'af'ul* для имен ед.ч. Он также приводит точку зрения некоторых куфийских грамматистов⁴⁹, рассматривающих *'aymun* как имеющее форму мн.ч., образованную от формы ед.ч. *yamīn*. При такой трактовке начальная непротетическая хамза модели в контекстной форме выпадает по причине частотности выражения клятвы в речи. Частотность также приводит к вариативности, при этом элизия одного или нескольких харфов имени *'aymun* объясняется необходимостью «облегчить» усилия говорящего: *'aymu l-lāh*, *'īmu l-lāh*, *'amu l-lāh*, *mu l-lāh*, *mī l-lāh*⁵⁰. Как подчеркивает Ибн Йа'иш, протетическая хамза *'aymunu* (*l-lāh*) и *'aymu* (*l-lāh*) имеет гласный -а в силу подобия хамзе определенного артикля *'al-*. Подобно тому, как хамза *'al-* выступает «подставкой» для неизменяемой частицы, хамза *'aymunu l-lāh* и *'aymu*

⁴⁷ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 1. С. 23.

⁴⁸ Там же. Т. 9. С. 134–135.

⁴⁹ Например, Ибн Кайсан (IX в.) и Ибн Дуруставайх (IX–X вв.).

⁵⁰ Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 8. С. 35–36.

l-lāh является частью сегмента, неспособного к словоизменению⁵¹ и употребляемого только для выражения клятвы⁵².

С учетом изложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Основными критериями разграничения корневых и добавочных харфов выступают словообразование, наличие в речи слов по аналогичной модели, частотность харфа в качестве корневого/добавочного в рассматриваемой позиции.

2. В иерархии имен с точки зрения способности к изменению внутренней структуры высшую ступень занимают имена из трех корневых харфов, далее следуют имена из четырех и пяти корневых харфов.

3. Использование начальной протетической хамзы исходно присуще глаголам. Имена, не являющиеся производными от глаголов и имеющие протетическую хамзу в начальной позиции, рассматриваются как «следующие» глаголам в плане изменения исходной структуры.

4. Выделяются следующие типы структурной «дефектности» в именах, не являющихся производными от глаголов и имеющих начальную протетическую хамзу: а) опущение третьего корневого харфа (ʾi- рассматривается как его компенсация); б) подстраивание гласного второго корневого под гласный третьего корневого; в) «чуждая» модель и ограниченность использования имени определенным контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганина Г.Р. Лингвистические основы орфоэпии чтения Корана / Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М., 2012.
2. Гулидова Д.Н. Логические основы построения именных и глагольных парадигм в арабской языковедческой традиции (на материале трактата Ибн Йа'иша "Šarḥ al-Mufaṣṣal") // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3. С. 75–88.
3. Лебедев В.В. Вопросы теории арабской грамматики: гласные в арабской временной системе // Реформы образования мусульман Евразии от Хусайна Фаизханова до Исмаила Гаспринского: исторический опыт и современная актуальность [Материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фаизхановские чтения»]. М., 2015. Т. 1. С. 107–122.
4. Ибн Йа'иш Йа'иш ибн 'Али. Шарх ал-Муфассал. Т. 1–10. Бейрут; Каир.
5. Bohas G., Guillaume J.-P. Étude des théories des grammairiens arabes. Damas, 1984.

⁵¹ Подробнее о типах слов с точки зрения парадигматики см. [Гулидова, 2016].

⁵² Ибн Йа'иш. Указ. соч. Т. 9. С. 137.

Daria N. Gulidova

**ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING BETWEEN BASIC
AND AUGMENTED ELEMENTS OF THE ARABIC WORD
(BASED ON IBN YA'ĪŠ'S TREATISE "ŠARḤ AL-MUFAṢṢAL")**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the issue of distinguishing between basic and augmented elements of the Arabic word. The phenomenon of *az-ziyāda* (addition of a segment) is examined on the basis of medieval Arab grammarian Ibn Ya'īš's treatise "Šarḥ al-mufaṣṣal" (XIII b.). The mechanism of augmented radicals (*ḥurūf*) is examined using the example of hamza. Basic criteria of distinguishing between basic and augmented *ḥurūf* include derivation (*al-ʿištiqāq*), evidence by words of the same pattern, number of usage of basic and augmented *ḥurūf* in a certain position. The article also tackles the issue of the hierarchy of nouns from the point of view of their ability to change their morphological structure. In this respect triradical nouns come at the top level, quadriradicals come in the middle and quinquaradicals come at the bottom level. The article attaches special attention to the use of hamza in the initial position. Types of structural defectiveness concerning non-verbal nouns containing prothetic hamza in the initial position are as following: a) elision of the third radical; b) assimilation of the vowel of the second radical to the vowel of the third radical; c) the pattern is not typical of a noun and the use of the noun is restricted to a certain context.

Key words: Ibn Ya'īš; "Šarḥ al-Mufaṣṣal"; addition of a segment; basic *ḥurūf*/radicals; augmented *ḥurūf*.

About the author: *Daria N. Gulidova* – postgraduate student, Department of Arabic Philology, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University (e-mail: dariagulidova@mail.ru).

REFERENCES

1. Aganina G.R. *Lingvisticheskie osnovy orfojepii chtenija Korana* [Basic linguistic principles of the Koran recitation]. Sbornik posobij po islamovedeniju i koranovedeniju. Moscow, 2012.
2. Gulidova D.N. Logicheskie osnovy postroenija imennyh i glagol'nyh paradigmy v arabskoj jazykovedcheskoj tradicii (na materiale traktata Ibn Ja'isha "Šarḥ al-Mufaṣṣal") [Logical principles of constructing noun and verb paradigms in the Arabic linguistic tradition (based on Ibn Ya'īš's treatise "Šarḥ al-mufaṣṣal")]. *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 13. Vostokovedenie*. 2016. № 3. S. 75–88.
3. Lebedev V.V. *Voprosy teorii arabskoj grammatiki: glasnye v arabskoj vremennoj sisteme* [On some issues of Arabic grammatical theory: vowels in Arabic tense system]. Reformy obrazovanija musul'man Evrazii ot Husaina Faizhanova do Ismaila Gasprinskogo: istoricheskij opyt i sovremennaja aktual'nost' [Materialy Jubilejnoj H Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "Faizhanovskie chtenija"]. Moscow, 2015. T. 1. S. 107–122.
4. 'Ibn Ya'īš Ya'īš ibn 'Alī. *Šarḥ al-mufaṣṣal* [Explanation of al-Mufaṣṣal]. Vol. 1–10. Beirut; Cairo.
5. Bohas G., Guillaume J.-P. *Étude des théories des grammairiens arabes* [An essay on Arab grammarians' theories]. Damas, 1984.

К.А. Ульянова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ДЕЛОВОГО И РАЗГОВОРНОГО СТИЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Настоящая работа посвящена исследованию основных черт делового стиля китайского языка в контексте сопоставления его с разговорным стилем. Становление делового стиля на современном этапе связывается с началом реализации политики реформ и открытости в Китае. Анализируются стилистические особенности деловой речи на лексическом и синтаксическом уровнях. Исследование материалов лингвистического корпуса Пекинского университета позволяет оценить степень стилистической маркированности деловой речи в количественных показателях. Выделив жанры деловой письменной речи по тематическому признаку, автор выявляет присущие каждому жанру языковые формулы, которые отражают речевые интенции адресантов. Владение языковыми формулами определяет эффективное использование делового языка в процессе переговоров или ведения переписки. Китайская деловая речь выступает средоточием противоположных тенденций, заключая в себе элементы разговорного стиля, рациональное и эмоциональное начала, традиции и новации.

Ключевые слова: деловой китайский язык; разговорный китайский язык; деловое письмо; языковые формулы.

Необходимость изучения делового китайского языка объясняется тем, что одним из приоритетных направлений российско-китайского сотрудничества остается взаимодействие в торгово-экономической сфере. Несмотря на отрицательную динамику торгового оборота России и Китая (68 млн долл. в 2015 г., – 28,6% по сравнению с дан-

Ульянова Ксения Анатольевна – соискатель кафедры китайской филологии, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liulang689@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Языковые системы народов Азии и Африки: особенности и проблематика».

ными за 2014 г.), Китай остается важнейшим торговым партнером для нашей страны².

Эффективность коммуникации или общения определяется скорейшим достижением цели коммуникации. Целью коммуникации может быть установление контактов, заключение соглашения или сделки.

Применение того или иного стиля языка обусловлено практическими целями. В ситуациях повседневного и делового общения главная коммуникативная цель – обмен информацией, однако деловые переговоры также направлены на установление и поддержание контактов, в том числе с целью дальнейшего извлечения сторонами взаимной выгоды.

Выбор стилистических средств языка напрямую зависит от коммуникативной ситуации. В отечественной научной традиции выделяются пять функциональных стилей (публицистический, научно-технический, литературно-художественный, разговорный и официально-деловой)³. Китайские исследователи выделяют два основных стиля: разговорный (или бытовой, 口语体 *коуюйти*) и книжный (или литературный, 书面体 *шумяньти*)⁴, причем последний включает официально-деловой стиль⁵. В данной статье главным образом рассматривается административно-коммерческий подстиль официально-делового стиля (事务语体 *шюу юйти*), который в устной речи реализуется в ходе деловых переговоров, а в письменной – при подготовке деловых писем, внешнеторговых контрактов, юридических и дипломатических документов. Материалом для исследования послужили учебные пособия по деловому китайскому языку, а также данные корпуса Пекинского университета CCL⁶. Это позволило выделить наиболее употребительные выражения для каждого из

² Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году [Электронный ресурс] // Портал внешнеэкономической информации. М., 2015. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/ (дата обращения: 30.06.2016).

³ Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006. С. 275.

⁴ См. Feng Shengli. On Modern Written Chinese // Journal of Chinese Linguistics. Vol. 37. Hong Kong, 2009. P. 145–162.

⁵ Ян Дэфэн. Ханьюй юй вэньхуа цзяоци (Связь китайского языка и культуры). Пекин, 2012. С. 61, 67.

⁶ CCL юйляоку цзяньсо ситун (Лингвистический корпус Пекинского университета CCL) [Электронный ресурс] // Бэйцзин дасюэ чжунго юйянь яньцзю чжунсинь (Центр лингвистических исследований Пекинского университета). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 31.08.2016).

жанров делового стиля и провести количественный контент-анализ с указанием количества словоупотреблений, числовые данные следуют непосредственно после примеров. Данные количественного контент-анализа свидетельствуют о высокой степени стилистической маркированности деловой лексики (количество словоупотреблений лексики разговорного стиля в большинстве случаев превышает количество словоупотреблений деловой лексики более, чем на 10 000 раз). Необходимость обращения к учебным пособиям продиктована тем, что при составлении деловых писем и переводе документации иностранные реципиенты, изучающие китайский язык, как правило, следуют именно тем рекомендациям, которые приводятся в учебных пособиях.

Для успешного взаимодействия представителей российских деловых кругов с китайскими партнерами необходимо не только изучение разговорного китайского языка, но и владение нормами делового этикета в Китае, а также знание языковых формул (клише) делового китайского языка и терминологии.

К изучению делового китайского языка китаисты приступают после освоения основного курса китайского языка в среднем по прошествии двух лет обучения. Это обусловлено тем, что деловой китайский язык сочетает в себе элементы разговорной речи и взъняня – древнего литературного языка. Зачастую обучающиеся имеют дело с терминами, относящейся к определенной сфере профессиональной деятельности. Требуется знание норм лексической сочетаемости слов при наличии значительного количества синонимов в китайском языке; также необходимо владение основными грамматическими конструкциями. При этом следует удерживать высокий темп китайской речи (около 100 слов в минуту) и соблюдать тональный рисунок высказывания. В письменной речи необходимо знать принципы составления деловых писем и внешнеторговой документации на китайском языке. Все это порождает определенные сложности у обучающихся деловому китайскому языку.

При наличии значительного числа работ китайских и отечественных исследователей в области стилистики китайского языка, официально-деловой стиль не служит в этих работах предметом отдельного рассмотрения. В работах китайских лингвистов («Стилистика китайского языка как иностранного») зачастую акцентируется понятие стилистики в значении 修辞学 *сюцзысюэ* (досл. «наука о совершенствовании стиля»), предметом которой являются преимущественно языковые средства выразительности, а не функциональ-

ные стили (предмет функциональной стилистики 语体学 *юйтисюэ*)⁷. Одними из немногих в отечественном Китае комплексных работ в области стилистики является монография В.И. Горелова, а также диссертационное исследование А.М. Котова, посвященное исследованию стилистики китайского языка в сопоставительном аспекте, где изучаются отдельные черты официально-делового стиля, такие как место данного стиля в системе функциональных стилей китайского языка, стилистический статус вэньянизмов⁸. В монографии В.И. Горелова «Стилистика современного китайского языка» приводится краткая характеристика следующих жанров официально-делового стиля: объявление, уведомление, циркуляр и приглашение⁹. Таким образом, официально-деловой стиль упоминается исключительно как составной элемент в структуре функциональных стилей китайского языка.

Как в Китае, так и в России издан ряд работ, где рекомендации по составлению деловых писем или проведению деловых переговоров представлены в схематичном виде. Существует ряд китайских учебных пособий, которые направлены на формирование навыков делового письма и снабжены описанием стандартных требований, предъявляемых к деловой документации в Китае, а также образцами документов. К подобным изданиям может быть отнесено «Учебное пособие по практике переписки», адресованное носителям китайского языка, в котором представлена классификация основных видов деловых бумаг, принципы составления договоров и контрактов в Китае, написания рекламных текстов¹⁰.

Другая часть пособий, изданных в КНР, направлена на иностранцев, изучающих китайский язык. Это учебники серии «Разговорный китайский язык, средний уровень»: в них приводятся наиболее употребительные этикетные фразы, которые используются в условиях делового взаимодействия как в устной, так и в письменной речи¹¹.

Среди отечественных справочных изданий, посвященных практике деловой переписки на китайском языке, можно выделить работу Г.Б. Корец, где приводится подробная классификация деловых писем, содержатся образцы аутентичных писем и их перевод на русский

⁷ Дуйвай ханьюй сюцысюэ (Стилистика китайского языка как иностранного). Наньнин, 2000.

⁸ См.: Котов А.М. Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1988.

⁹ См.: Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. М., 1979.

¹⁰ Дасюэ шиюн сецзо (Учебное пособие по практике переписки). Пекин, 2011.

¹¹ Чжунци ханьюй коуй (Разговорный китайский язык, средний уровень): В 2 ч. Пекин, 2004.

язык, несколько образцов коммерческих предложений и договоров, устанавливаются общие правила составления и отправки писем¹².

Базовыми пособиями, содержащим образцы китайских коммерческих писем, их перевод на русский язык и упражнения, направленные на закрепление речевых умений и навыков, выступают книга О.М. Готлиба «Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия»¹³, а также пособие «Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода» Л.Г. Абдрахимова и В.Ф. Щичко¹⁴. По аналогичному принципу организованы пособия по переводу внешнеторговых контрактов. Пособие Е.Д. Оксюкевич направлено на русскоговорящего реципиента¹⁵, а работа 孙淑芳 Сунь Шуфан – на китайского читателя и дополнительно содержит списки слов по тематике деловых контрактов¹⁶. Наиболее всеохватывающими по тематике являются издание «Курс перевода с русского языка на китайский в сфере экономики и торговли», где рассматриваются как основные речевые ситуации, возникающие в сфере деловой коммуникации, так и основные виды деловой и административно-коммерческой документации¹⁷, а также серия изданий «Комплексный деловой китайский язык»¹⁸ и пособие «Деловой китайский язык»¹⁹, представляющие собой базовый курс устного делового китайского языка.

Нельзя не отметить работу М.А. Васильевой «Официально-деловой стиль китайского языка», которая содержит комплексную характеристику официально-делового стиля китайского языка, а также особенностей данного функционального стиля²⁰. В данной работе представлено множество языковых формул, применяемых в реальных ситуациях общения с китайскими партнерами, а также образцов писем из оригинальных источников. Учебное пособие Г.Я. Дашевской содержит множество аутентичных текстов и направ-

¹² См.: *Корец Г.Б.* Китайский язык. Деловая переписка. М., 2010.

¹³ *Готлиб О.М.* Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия. М., 2006.

¹⁴ *Абдрахимов Л.Г., Щичко В.Ф.* Китайский язык. Практический курс коммерческого перевода. М., 2011.

¹⁵ См.: *Оксюкевич Е.Д.* Учебное пособие по деловому китайскому языку. Внешнеторговые контракты. М., 2007.

¹⁶ Эюй цзинмао хэтуан фаньи цзяочэн (Курс перевода деловых контрактов на русском языке). Пекин, 2013.

¹⁷ Эхань цзинмао фаньи цзяочэн (Курс перевода с русского языка на китайский в сфере экономики и торговли). Пекин, 2011.

¹⁸ Шанью ханьюй цзунхэ цзяочэн (Комплексный деловой китайский язык): В 4 ч. Пекин, 2010.

¹⁹ *Комендровская Ю.Г.* Деловой китайский: Учебное пособие. М., 2015.

²⁰ См.: *Васильева М.А.* Официально-деловой стиль китайского языка. СПб., 2008.

лено на формирование у обучающихся навыков, необходимых для обеспечения деловых контактов, в первую очередь, в коммерческой сфере²¹. В серии пособий китайского автора 黄为之 Хуан Вэйчжи сделан акцент на различных сферах деловой практики: от внешнеэкономических отношений и торговых сделок вплоть до культурной составляющей ведения бизнеса²². Пособие “Open for Business” содержит учебные тексты, позволяющие получить представление об особенностях экономического развития Китая²³. Вышеперечисленные издания во многом являются базовыми для желающих освоить практический курс делового китайского языка как в России, так и за ее пределами. При всех достоинствах указанных работ они характеризуются отсутствием теоретического обоснования выбора тех или иных языковых средств в различных ситуациях в сфере делового общения.

При анализе пособий четко прослеживаются две основные тенденции: 1) в пособиях приводятся типовые диалоги, иллюстрирующие распространенные коммуникативные ситуации в сфере делового общения (заключение сделки, участие в выставке и пр.), либо образцы деловой документации (внешнеторговый контракт, коммерческое письмо); 2) четкое разделение и определенное противопоставление понятий 汉语口语 *ханьюй коуюй* (разговорный китайский язык) и 商务汉语 *шаньу ханьюй* (коммерческий китайский язык). Однако в подобных изданиях, как правило, не анализируются принципиальные отличия делового стиля китайского языка от разговорного и не учитываются существенные закономерности употребления делового китайского языка. Для того чтобы минимизировать трудности, возникающие в процессе изучения делового китайского языка, проанализируем основные особенности деловой и разговорной речи на лексическом и синтаксическом уровнях.

Как было отмечено, в деловом китайском языке присутствуют местоимения и структурные частицы *вэньяня*: 此 *цы* 591124 соответствует современным указательным местоимениям 这 *чжэ* 1854095 этот, 这儿 *чжэр* 21005 здесь (由此可见 *ю цы кэ цзянь* 2761 – из этого следует, 特此证明 *тэ цы чжэнмин* 7 – настоящим подтверждается); 本 *бэнь* употребляется в значении «данный» (本地 *бэньди* 19192 местный), также может заменять местоимения 我 *во* 1275035 я, 我们 *вомэнь* 446379 мы (本人 *бэньжэнь* 27722 я, 本公司 *бэнь гунсы*

²¹ См.: Дашевская Г.Я. Китайский язык для делового общения. М., 2006.

²² См.: Хуан Вэйчжи. Практический курс делового китайского языка. Пекин, 2006.

²³ Кюо J.C. Open for business: Lessons in Chinese Commerce for the millennium: Vol. 1, 2. Beijing, 2005.

2457 наша компания). Среди конструкций вэньяня следует выделить служебные слова, которые выступают как средства грамматической связи в предложении: 将 *цзян* 775115 – предлог, вводящий прямое дополнение к глаголу, ставится перед сказуемым, соответствует современному 把 *ба* 518359 (将正式文件送达当事人 *цзян чжэньши вэнь-цзянь сунда даншижэнь* – документ передан официальному представителю); 之 *чи* 792437 – в деловом языке зачастую выступает как показатель определительного отношения, соответствует частице 的 *дэ* 5365507, встречается во фразеологических оборотах (我与他仅仅是点头之交 *во юй та цзиньцзинь ши дяньтоучжицзяо* – я не знаком с ним лично); 而 *эр* 824083 – подчинительный союз, который ставится перед сказуемым и выделяет его, как правило, не переводится (工厂由于实行了科学管理而一改旧观 *гунчан юйюй шисин лэ кэсюэ гуаньли эр игайцзюгуань* – благодаря научной организации управления предприятие в значительной степени преобразилось). Употребляются и отдельные слова-вэньянизмы: 函 *хань* 10840 вместо 信 *синь* 370817 письмо, 盈余 *иньюй* 1650 вместо 利润 *лижунь* 21728 прибыль.

Следует отметить тенденцию к использованию в устной деловой речи сложносокращенных слов, которые практически не встречаются в текстах официальных документов. Подобные слова могут быть образованы путем сокращения полных наименований, состоящих из 4 иероглифов, до 2 иероглифов (提供 *тигун* 130497 предоставлять + 货物 *хо'у* 11345 товар = 供货 *гунхо* 1885 поставка товара) или путем отбрасывания повторяющегося элемента (进口 *цзинькоу* 29583 + 出口 *чукоу* 67871 = 进出口 *цзиньчукоу* 15562 экспорт и импорт).

В деловом китайском языке употребляются глаголы с размытым лексическим значением, которые приобретают конкретное значение в сочетаниях. Это такие глаголы как 进行 *цзиньсин* 361757 проводить (进行谈判 *цзиньсин таньпань* – проводить переговоры), 加以 *цзяи* 21624 подвергать (协议正文要加以修正 *сеи чжэньвэнь яо цзяи сючжэнь* – необходимо внести правки в текст соглашения). Используются конструкции с предлогами: 对您表示感谢 *дуй нинь бяоши ганьсе* – выражаю Вам благодарность, а не более принятое в разговорной речи выражение 谢谢您 *сесе нинь* – спасибо Вам.

В официально-деловом стиле присутствует ряд стилистических особенностей. Слова, употребляемые при деловом общении, используются только в прямом значении. Личные местоимения заменяются специальными обозначениями: 我方 *вофан* 1814 (с моей стороны, может переводиться как «Мы»), 对方 *дуйфан* 23508 (другая сторона, «Вы»), 贵公司 *гуй гунсы* 234 Ваша компания.

Лексика делового стиля значительно отличается от лексики повседневного общения, протекающего в менее формальной обстановке. В условиях делового общения скорее будет употреблено 当前 *данцянь* 41418 /目前 *муцянь* 226761 вместо 现在 *сяньцзай* 214940 в настоящее время, 很抱歉 *хэнь баоцянь* 717 вместо 对不起 *дуйбуци* 5902 извините, 感谢您 *ганьсе нинь* 327 вместо 谢谢您 *сесе нинь* 558 благодарю, 位于 *вэйюй* 28862 вместо 在 *цзай* 2875945 находиться, 支付 *чжифу* 14302 вместо 交钱 *цзяоцянь* 787 платить, 夫人 *фужэнь* 26008 вместо 妻子 *цицзы* 22457 супруга, 来函 *лайхань* 569 вместо 来信 *лайсинь* 8922 письмо, 始终 *шичжун* 31703 вместо 一直 *ичжи* 93332 всегда. В деловой речи зачастую отсутствует экспрессивная или оценочная лексика.

Лексика делового китайского языка насыщена двусложными сочетаниями, которые образованы от односложных слов, характерных для разговорной речи: 能够 *нэнгоу* 79173 вместо 能 *нэн* 902860 мочь, быть в состоянии сделать что-либо, 具有 *цзюйю* 107287/拥有 *юнью* 47912 вместо 有 *ю* 2320898 обладать, иметь, 等待 *дэндай* 14348/等候 *дэнхоу* 4901 вместо 等 *дэн* 738779 ждать, 给予 *цзюйю* 37267 вместо 给 *гэй* 386271 предоставлять, 前来 *цяньлай* 18716 вместо 来 *лай* 1562271 приходить. Обстоятельственные конструкции времени и места в официальной речи имеют вид служебное слово 之 *чжи* + послелог 上 *шан*, 下 *ся*, 中 *чжун*, 前 *цянь*, 后 *хоу*, 内 *нэй*, 外 *вай* (этот вопрос не относится к нашему управлению) *чжэ гэ вэньти бу шуюй во-мэнь гуанли дэ фаньвэй чжунэй* – это не входит в область нашей компетенции).

Деловой китайский язык также характеризуется большим количеством синонимов, правильное употребление которых возможно лишь с учетом коннотативного компонента лексического значения. При этом сложности могут возникать как при использовании базовых глаголов (иметь, находиться и пр.), так и при подборе глаголов конкретного действия. Так, объектом глагола 拥有 *юнью* иметь, располагать выступают такие двусложные абстрактные существительные, отличающиеся масштабностью, как 土地 *туди* территория, 资源 *цзыюань* ресурсы; глагол 具有 *цзюйю* иметь имеет коннотации «содержать, вмещать в себя», «обладать определенной характеристикой» (正本和副本具有同等法律效力 *чжэньбэнь хэ фубэнь цзюйю тундэн фалюй сяоли* – оригинал и копия обладают равной юридической силой)²⁴. Что касается глаголов фактического действия,

²⁴ Ян Цзичжоу, Цзя Юнфэнь. 1700 дуй цзиньйи цыюй юнфа дуйби (Сравнительное исследование употребления 1700 пар синонимов). Пекин, 2013. С. 1406.

изучающие деловой китайский язык зачастую путают глаголы со значением «составлять» – 制定 *чжидин* 55198 (коннотативное значение «утверждать»: 制定章程 *чжидин чжанчэн* 14 составлять устав) и 制订 *чжидин* 11524 («вырабатывать»: 制订计划 *чжидин цзихуа* 130 составлять план). В общих случаях необходимо обращать внимание на контекст и нормы лексической сочетаемости.

Употребление фразеологизмов (в основном, устойчивых выражений 成语 *чэньюй*) в рамках официально-делового стиля китайского языка, как правило, ограничивается несколькими типовыми ситуациями (за исключением общеупотребительных фразеологизмов, которые представлены в текстах, относящихся к различным функциональным стилям, например, 一路平安 *и лу пинь ань* 194 счастливого пути!). Фразеологизмы в деловом стиле используются: 1) при составлении рекламного текста, когда перед адресантом стоит задача охарактеризовать товар или услугу с положительной стороны: 物美价廉 *у мэй цзя лян* 513 прекрасное соотношение цены и качества, 质地优良 *чжиди юлян* 67 высокое качество); 2) в процессе деловых переговоров для образной передачи смысла высказывания (礼尚往来 *ли шан ванлай* 152 на добро отвечают добром, на подарок – подарком), либо для придания речи менее официального характера (入乡随俗 *жу сян суй су* 174 досл. следовать обычаям тех мест, где приходится бывать, функциональный аналог в русском языке – поговорка «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», использование которой может указывать на необходимость соблюдения норм делового этикета, принятых в Китае).

На синтаксическом уровне основной характеристикой делового языка является использование полных предложений, в которых всегда присутствуют подлежащее и сказуемое, отсутствуют пропущенные члены предложения. Используются такие средства синтаксической связи, как нижеследующие предложные конструкции и союзы:

Предложные конструкции

在领域 *цзай линьюй* 122 в области, в плане

在产业发展领域上中西部地区应放得更宽 *цзай чанье фачжань линьюй шан чжунсибу дицзюй ин фан дэ гэн куань* – в плане промышленного развития в центральном и западном регионах [предпринимателям] должны быть предоставлены льготные условия

在情况下 *цзай цинкуан ся* 40374 в условиях

在缺乏实际资料的情况下, 这样的数据不可靠 *цзай цюэфа шицзи цзыляо дэ цинкуан ся чжэян дэ шуцзюй бу кэкао* – в условиях отсутствия фактических данных, эти сведения не отличаются надежностью

在期限内 *цзай цисянь нэй 1402* в сроки

高科技人才的知识在规定的期限内能够为企业创造经济利益 *гао кэцзи жэньцай дэ чжэши цзай гуйдин дэ цисянь нэй нэнгоу вэй цие чуанцзао цзинцзи лии* – высококвалифицированный персонал способен принести экономическую прибыль предприятию в установленные сроки

在过程中 *цзай гочэн чжун 40630* в процессе

在履行合同过程中外方违约, 造成我公司较大经济损失 *цзай люйсин хэтун гочэн чжун вайфан вэйюэ цаочэн во гунсы цзяо да цзинцзи суньши* – иностранные партнеры нарушили условия договора в процессе его исполнения, в результате чего наша компания понесла значительные убытки.

Союзы

如果...的话 *жуго дэхуа 21324* или 倘若 *танжо 5354* если... вместо 要是 *яоши*

倘若发现情况, 立即报告 *танжо фасянь цинкуан лицзи баогао* – в случае, если произойдет непредвиденное, немедленно сообщите

当 *дан* или 在... 的时候 *цзай дэ шихоу 95401* в то время как, когда

在进行区分的时候, 可以考虑三个标准 *цзай цзиньсин цюйфэнь дэ шихоу кэи каолуй сань гэ бяочжунь* – при проведении классификации следует учитывать три фактора.

Использование объемных синтаксических конструкций объясняется необходимостью указания полных наименований официальных учреждений и лиц. Примером тому может служить следующий фрагмент официального документа:

外国驻华外交代表机关和领事机关的外交员, 领事员, 公务员的申请, 由外交部, 有关地区的外事处受理; 其它特有外交, 公务护照的外国人的申请, 由外交部, 有关地区的外事处或公安局受理。

вайго чжун хуа вайцзяо дайбяо цизигуань хэ линши цизигуань дэ вайцзяоюань, линшиюань, гунъюань дэ шэньцин, ю вайцзяобу, югуань дицую дэ вайшичу шоули; цита тэю вайцзяо, гунъю хучжао дэ вайгожэнь дэ шэньцин, ю вайцзяобу, югуань дицую дэ вайшичу хо гунъяньцзюй шоули

Прошения, поступающие от дипломатических чинов, консульских чинов, а также сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в Китае, рассматриваются министерством иностранных дел, соответствующим местным управлением по иностранным делам; прошения, поступающие от иностранцев, имеющих дипломатические, служебные паспорта, рассматриваются министерством иностранных дел, со-

ответствующим местным управлением по иностранным делам или управлением общественной безопасности²⁵.

Помимо развернутых синтаксических конструкций, деловой стиль китайского языка изобилует языковыми формулами, которые выражаются лексическими средствами, характерными для официальной речи.

Разговорный стиль	Деловой стиль
Рассмотрев Ваше предложение, касающееся ..., мы пришли к выводу, что...	
我考虑你的建议后, 就决定了... <i>вомэнь каолюй ни дэ цзяньи хоу цзю цзюэдин лэ</i>	我们研究了贵公司关于...的建议后, 我方得出结论... <i>вомэнь яньцзю лэ гуй гунсы гуаньюй дэ цзяньи хоу вофан дэчу цзелунь</i>
Благодарим за теплый прием!	
感谢你的接待 <i>ганьсе ни дэ цзедай</i>	对贵方热情的款待表示感谢 <i>дуй гуйфан жэцин дэ куаньдай бяоши ганьсе</i>
Надеемся на плодотворное сотрудничество!	
希望我们合作得愉快 <i>сиван вомэнь хэцзо дэ юйкуай</i>	愿同您保持合作 <i>юань тун нинь баочи хэцзо</i>

В письменной речи каждому виду деловых писем также присущи определенные языковые формулы. Мы выделили основные виды писем по тематическому признаку.

Вид письма	Языковая формула	Пример
Уведомление 通知信 <i>тунчжисинь</i>	关于什么通知谁 <i>гуаньюй шэньмэ тунчжиси</i> <i>шэй</i> <u>Уведомлять</u> кого <u>о</u> чем	兹通知贵方根据合同, 我们已将第一批设备装上轮船 <i>цзы тунчжиси гуйфан гэньцзюй хэтун вомэнь и цзян ди и пи шэбэй чжужуаншан луньчуань</i> Настоящим уведомляем Вас, что, согласно условиям контракта, мы погрузили первую партию оборудования
Подтверждение 确认信 <i>цюэжэньсинь</i>	我方愿意确认什么 <i>вофан юаньи цюэжэнь шэньмэ</i> Хотели бы <u>подтвердить</u> Настоящим <u>подтверждаем</u>	我方愿意确认双方的协议要点 <i>вофан юаньи цюэжэнь шуанфан дэ сеи яодянь</i> Мы хотели бы подтвердить основные пункты двухстороннего соглашения
Просьба 请求信 <i>цинцусинь</i>	请求做什么 <i>цинцю цзо шэньмэ</i> <u>Просим</u> кого о чем	恳切地请求依法立案 <i>кэньче дэ цинцю и фа лиань</i> Убедительно просим Вас возбудить дело в соответствии с законом

²⁵ См.: Горелов В.И. Стилистика современного китайского языка. С. 142.

Вид письма	Языковая формула	Пример
Приглашение 邀请信 яоцинсинь	邀请谁访问 яоцин шэй фанвэнь <u>Приглашаем</u> кого по-сетить	全俄工商会敬请光临商业展览会开幕式 цюань е гунишанхуэй цзинцин гуанлинь шанъе чжаньланьхуэй каймуши Российская торгово-промышленная палата приглашает Вас на открытие выставки
Благодарность 感谢信 ганьсе-синь	感谢谁做了什么事 ганьсе шэй цзо лэ шэньмэ ши <u>Благодарим</u> за что	感谢您给予的帮助! ганьсе нинь цзуйюй дэ банчжэу Благодарим Вас за помощь!
Поздравление 祝贺信 чжухэсинь	恭喜谁发生了什么事 гунси шэй фашэн лэ шэньмэ <u>Поздравляем</u> кого с чем	恭喜您, 祝您上任成功! гунси нинь чжэу нинь шанжэнь чэнгун Поздравляем Вас с повышением в должности!
Извинение 致歉信 чжэцянъ-синь	对于什么向谁道歉 дуйюй шэньмэ сян шэй даоцянь <u>Приносим извинения</u> кому <u>за</u> что	对于上次产生的误会我们向您道歉 дуйюй шанцы чаньшэн дэ ухуэй вомэнь сян нинь даоцянь Приносим Вам извинения за недоразумение, возникшее в ходе нашей последней встречи

Языковые формулы обязательно присутствуют в основной части документа и четко отражают его основное содержание. При этом деловые письма обладают стандартной структурой.

Дата 年 月 日
 нянь юэ джи

Адрес 100000 北京市 雅宝路 21楼
100000, г. Пекин, ул. Ябаолу, д. 21

尊敬的王先生, 您好: цзуньцзин дэ ван сяньшэн нинь хао
Здравствуйте, господин Ван!

现回信如下: сянь хуэй синь жэся Настоящим письмом сообщаем

Приветствие

Вступление

Основная часть

首先 шоусянь1..... Во-первых
另外 линвай2..... Во-вторых
希望尽快收到您的答复 сиван цзинькуай шоудао нинь дэ дафу

С нетерпением ожидаем Ваш ответ

Заключение

此致敬礼! цычжи цзинли С уважением

Формула вежливости

赵龙 Чжао Лун

Подпись

附件: 略 фуцзянь: люэ Приложение: упомянутое **Приложение**

Отступления от вышеуказанного стандарта происходят при переписке на менее официальном уровне, но даже в этом случае не принято опускать те речевые обороты, которые служат для под-

черкивания уважения к собеседнику, что можно рассматривать как проявление китайской вежливости 礼貌 *лимао*, которая, помимо нейтральной вежливости в европейском понимании, включает подчеркнутое уважение и внимание к собеседнику и согласуется с основным коммуникативным заданием деловых писем – установление и поддержание контакта.

Официально-деловой стиль китайского языка наряду с рациональным началом 理 *ли* не лишен и эмоционального начала 情 *цин*, что проявляется в употреблении формул вежливости (например, 祝好 *чжухао* с наилучшими пожеланиями – в заключении деловых писем, 双方通过友好协商 *шунфан тунго юхао сешан* досл. “стороны в результате дружественных переговоров”, мы переводим как по итогам совместных переговоров – в преамбуле внешнеторговых контрактов). Формула вежливости – языковое клише, которое подчеркивает уважительное отношение к реципиенту. В связи с этим завершить послание можно с помощью:

1) пожелания: 祝好! *чжухао* 48 с наилучшими пожеланиями, 生意兴隆 *шэньи синлун* 538 удачи в бизнесе!;

2) стандартной формулы: 希望尽快收到您的回复 *сиван цзинькуай шоудао нинь дэ хуэйфу* с нетерпением ждем ответа, 愿同贵方保持沟通和合作 *юань тун гуйфан баочи гоутун хэ хэцзо* надеемся на продолжение сотрудничества;

3) стандартной формулы вежливости: 此致敬礼 *цычжицзинли* 18, 敬上 *цзиншан* 124 с уважением + подпись

Деловой стиль китайского языка тесным образом связан с разговорным стилем: наряду с вэньязызмами широко употребляются неологизмы, отражающие новые явления общественной жизни 传销 *чуаньсяо* 1772 многоуровневый маркетинг, выражение 入世 *жуши* употребляется в значении «вступить в ВТО» 8474)²⁶. В устной деловой речи могут присутствовать и элементы сленга (打白条 *да байтяо* 369 выдать долговую расписку, 走后门儿 *цзоу хоумэнр* 361 решать вопросы неформальным путем).

В целом, официально-деловой стиль китайского языка достаточно консервативен: для каждого вида делового письма или официального документа определяются присущие данному жанру языковые формулы. Вместе с этим деловой стиль трансформируется с изменением экономической структуры общества, что можно проследить по эволюции жанров делового письма. С момента образования

²⁶ Ло Яньлин. Шаньгу ханьюй цыхуэй цзяосюэ чжундянь цянсьи (Краткий анализ ключевых моментов в преподавании лексики делового китайского языка). Гуанчжоу, 2003. С. 50.

КНР в рамках централизованной системы распределения продукции такой жанр, как коммерческие письма, не получил широкого распространения. Нижестоящие инстанции направляли запросы в вышестоящие ведомства, а последние принимали официальные решения. С началом экономических реформ в Китае после 1978 г. возникает необходимость продвижения товаров и услуг на рынке, поэтому значимость коммерческих писем резко возрастает.

Таким образом, деловой стиль сочетает в себе противоположные тенденции, что отражает стремление носителей китайского языка сделать его эффективным средством коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдрахимов Л.Г., Щичко В.Ф.* Китайский язык: Практический курс коммерческого перевода. М., 2011.
2. Аналитическая справка о российско-китайском торговом сотрудничестве в 2015 году [Электронный ресурс] // Портал внешнеэкономической информации. М., 2015. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/ (дата обращения: 30.06.2016).
3. *Васильева М.А.* Официально-деловой стиль китайского языка. СПб., 2008.
4. *Горелов В.И.* Стилистика современного китайского языка. М., 1979.
5. *Готлиб О.М.* Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия. М., 2006.
6. *Дашевская Г.Я.* Китайский язык для делового общения / Г.Я. Дашевская, А.Ф. Кондрашевский. М., 2006.
7. *Комендровская Ю.Г.* Деловой китайский: Учебное пособие. М., 2015.
8. *Корец Г.Б.* Китайский язык. Деловая переписка. М., 2010.
9. *Котов А.М.* Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1988.
10. *Оксюкевич Е.Д.* Учебное пособие по деловому китайскому языку. Внешнеторговые контракты. М., 2007.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006.
12. *Хуан Вэйчжи.* Практический курс делового китайского языка. Пекин, 2006.
13. *Feng Shengli.* On Modern Written Chinese // Journal of Chinese Linguistics. Vol. 37. Hong Kong, 2009. P. 145–162.
14. *Kuo J.C.* Open for business: Lessons in Chinese Commerce for the millennium: Vol. 1, 2. Beijing, 2005.
15. ССЛ юйлэюку цзяньсо ситун (Лингвистический корпус Пекинского университета CCL) [Электронный ресурс] // Бэйцзин дасюэ чжунго юйянь яньцзю чжунсинь (Центр лингвистических исследований Пекинского университета). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 31.08.2016).
16. Дасюэ шиюн сэцзо сюньлянь (Учебное пособие по практике переписки) / Юньцай Мао, Хун Хо, Юймэй Ку. Пекин, 2011.
17. *Дин Хунжун.* Гунвэнь юйянь юй сюцы (Деловой язык и стиль). Пекин, 2013.
18. Дуйвай ханьюй сюцысюэ (Стилистика китайского языка как иностранного) / Жудун Чэнь, Дэчунь Ван. Наньнин, 2000.
19. *Ло Яньлин.* Шаньгу ханьюй цыхуэй цзясюэ чжундянь цянсинь (Краткий анализ ключевых моментов в преподавании лексики делового китайского языка) // Цзинань дасюэ хуавэнь сюэюань сюэбао (Вестник Института китайского языка Университета Цзинань). Гуанчжоу, 2003. Вып. 4. С. 45–50.

20. Лю Дзянь, Лю Сяюй. Ханьюй коуюй чаньюн цзюши лицзе (Типовые употребительные фразы разговорного китайского языка). Пекин, 2005.
21. Чжунцзи ханьюй коуюй (Разговорный китайский язык, средний уровень): В 2 ч. / Дзянь Лю, Сяюй Лю. Пекин, 2004.
22. Шаньу ханьюй цзунхэ цзяочэн (Комплексный деловой китайский язык): В 4 ч. / Под ред. Хунвэй Цю. Пекин, 2010.
23. Эхань цзинмао фаньй цзяочэн (Курс перевода с русского языка на китайский в сфере экономики и торговли) / Юйбао Лю. Пекин, 2011.
24. Эюй цзинмао хэтун фаньй цзяочэн (Курс перевода деловых контрактов на русском языке) / Шуфан Сунь, Юйбао Лю. Пекин, 2013.
25. *Ян Дэфэн*. Ханьюй юй вэньхуа цзяоци (Связь китайского языка и культуры). Пекин, 2012.
26. *Ян Цзичжэу, Цзя Юнфэн*. 1700 дуй цзиньй цыюй юнфа дуйби (Сравнительное исследование употребления 1700 пар синонимов). Пекин, 2013.

Ksenia A. Ulyanova

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE MOST COMMON BUSINESS AND COLLOQUIAL CHINESE EXPRESSIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper investigates the main features of business Chinese language by comparing it to colloquial Chinese language. The formation of modern business Chinese language is connected with the implementation of the Chinese economic reforms in 1978. The paper analyses stylistic elements of business Chinese in the field of lexis and syntax. Peking University CCL online corpus-based study allows to express the extent of stylistic marking of business Chinese lexis in quantitative terms. The genres of business writing are determined by subject matter; the author reveals genre-related key expressions that reflect intentions of an addressee. Proper use of key expressions means effective business Chinese using during business negotiations or business writing. Business Chinese language combines contrary trends such as elements of colloquial Chinese, rational and emotional approaches, traditions and innovations.

Key words: business Chinese language; colloquial Chinese language; business letters; key expressions.

About the author: *Ksenia A. Ulyanova* – postgraduate student of the Department of Chinese Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liulang689@gmail.com).

REFERENCES

1. Abdrakhimov L.G., Shchichko V.F. *Kitaiskii yazyk. Prakticheskii kurs kommercheskogo perevoda* [Chinese language: commercial translation]. Moscow, 2011.
2. Analiticheskaya spravka o rossiisko-kitaiskom trgovom sotrudnichestve v 2015 godu [Information on China-Russia trade cooperation]. Electronic resource, *Portal vneshnee-*

- konomicheskoi informatsii* [Integrated foreign economic information portal]. Moscow, 2015. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/ (date of access: 30.06.2016).
3. Vasil'eva M.A. *Ofitsial'no-delovoi stil' kitaiskogo yazyka* [Business Chinese language]. Saint Petersburg, 2008.
 4. Gorelov V.I. *Stilistika sovremennogo kitaiskogo yazyka* [Stylistics of contemporary Chinese language]. Moscow, 1979.
 5. Gotlib O.M. *Kommercheskoe pis'mo. Russko-kitaiskie sootvetstviya* [Business letter. Chinese equivalents of Russian expressions]. Moscow, 2006.
 6. Dashevskaya G.Ya. *Kitaiskii yazyk dlya delovogo obshcheniya* [Chinese language for business communication]. G.Ya. Dashevskaya, A.F. Kondrashevskii. Moscow, 2006.
 7. Komendrovskaya Yu.G. *Delovoi kitaiskii: Uchebnoe posobie* [Business Chinese: Study guide]. Moscow, 2015.
 8. Korets G.B. *Kitaiskii yazyk. Delovaya perepiska* [Chinese language. Business writing]. Moscow, 2010.
 9. Kotov A.M. *Stilistika kitaiskogo yazyka v sopostavitel'nom aspekte* [Comparative stylistics of the Chinese language]. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk (doctoral dissertation abstract). (Institute of defense studies). Moscow, 1988.
 10. Oksyukevich E.D. *Uchebnoe posobie po delovomu kitaiskomu yazyku. Vneshnetorgovye kontrakty* [Business Chinese language study guide. International trade contracts]. Moscow, 2007.
 11. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, pod red. M.N. Kozhinoi [Encyclopedia of Russian language stylistics, edited by M.N. Kozhina]. Moscow, 2006.
 12. Huan Weizhi. *Prakticheskii kurs delovogo kitaiskogo yazyka* [Practical business Chinese language]. Beijing, 2006.
 13. Feng Shengli. On Modern Written Chinese, *Journal of Chinese Linguistics*. Vol. 37. Hong Kong, 2009. P. 145–162.
 14. Kuo J.C. *Open for business: Lessons in Chinese Commerce for the millennium*. Vol. 1, 2. Beijing, 2005.
 15. CCL yuliaoku jiansuo xitong [Peking University CCL online corpus]. Electronic resource, *Beijing daxue zhongguo yuyan yanjiu zhongxin* (Center for Chinese Linguistics of Peking University). URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (date of access: 31.08.2016).
 16. *Daxue shiyong xiezuo xunlian* [Practical Chinese writing for students], Yuncai Mao, Hong Huo, Yumei Ku. Beijing, 2011.
 17. Ding Hongrong. *Gongwen yuyan yu xiuci* [Business language and style]. Beijing, 2013.
 18. *Duiwai hanyu xiucixue* [Stylistics of the Chinese as a foreign language], Rudong Chen, Dechun Wang. Nanning, 2000.
 19. Luo Yanling. *Shangwu hanyu cihui jiaoxue zhongdian qianxi* [Emphasis analysis of vocabulary teaching in teaching business Chinese], *Jinan daxue huawen xueyuan xuebao* (Journal of Jinan University). Guangzhou, 2003. Vol. 4, pp. 45–50.
 20. Liu Delian, Liu Xiaoyu. *Hanyu kouyu changyong jushi lijie* [Exemplification of common sentence patterns in spoken Chinese]. Beijing, 2005.
 21. Liu Delian, Liu Xiaoyu. *Zhongji hanyu kouyu* [Intermediate Spoken Chinese]. Vol. 1, 2. Beijing, 2004.
 22. *Shangwu hanyu zonghe jiaocheng* [Comprehensive course of business Chinese language]. Vol. 1–4 (edited by Hongwei Qiu). Beijing, 2010.
 23. *Ehan jingmao fanyi jiaocheng* [Russian-Chinese commercial translation] (edited by Yubao Liu). Beijing, 2011.
 24. *Eyu jingmao hetong fanyi jiaocheng* [Russian business contracts translation] (edited by Shufan Sun, Yubao Liu). Beijing, 2013.
 25. Yang Defeng. *Hanyu yu wenhua jiaoji* [Chinese language and culture]. Beijing, 2012.
 26. Yang Jizhou, Jia Yongfen. *1700 dui jinyi ciyu yongfa duibi* [1700 groups of frequently used Chinese synonyms]. Beijing, 2013.

ИСТОРИЯ

А.А. Козлова

САДОВО-АРХИТЕКТУРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ МОГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена роли могольских садов в жизни Индии XVI–XIX вв. Определяются их функции в правление Великих и Поздних Моголов и анализируется значение садово-архитектурных ансамблей как индикаторов роста, расцвета и упадка Могольской империи. При первых могольских падишахах особое значение имело «столбление» территории садами и расположенными в них постройками. К XVII в. необходимость в подтверждении своего права на власть таким способом отпала. Тогда же столичными садами стали заниматься жены и дочери падишахов. Повсеместный упадок и запустение садов в XVIII в. были следствием распада Могольской империи и свидетельством утраты могущества ее правителями.

В качестве примера рассматриваются делийские комплексы: мавзолей падишаха Хумаюна (XVI в.) – первая династийная постройка Моголов на территории Южной Азии, служившая своего рода эталоном в развитии индийской мусульманской архитектуры, и усыпальница аудского *наваба* Сафдарджанга (XVIII в.), которую именуют «последним отблеском могольского стиля» в Дели.

Ключевые слова: Индия; Дели; Могольская империя; могольские сады; культура.

Могольская эпоха в Индии формально охватывает период от восхождения на престол в Дели Захир-уд-дина Мухаммад-шаха Бабура (пр. 1526–1530) до низвержения Бахадур-шаха II (пр. 1837–1857). Шестерых первых правителей Дели – от Бабура до Аурангзеба (пр. 1658–1707) – именуют Великими Моголами; всех остальных относят к Поздним Моголам: начиная с 1707 г. масштабы империи неуклон-

Козлова Александра Алексеевна – аспирант кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kaa-iaas@mail.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межкультурные контакты».

но сокращались, и падишахи – преемники Аурангзеба не обладали таким влиянием и могуществом, как их предшественники.

Основатель империи Бабур принес в Индию из Средней Азии идею создания традиционного «райского сада», наиболее совершенная композиция которого отражена в концепции *чар-бага* (*čār bāgh*) – садово-паркового комплекса, со всех сторон окружавшего дворец или иное архитектурное сооружение². Потомки Бабура развили его опыт, используя пространства создаваемых ими садов для разнообразных целей. Функции, которыми наделялись могольские садово-архитектурные комплексы, были различными, поскольку подобного рода окультуренные территории имели отношение к почти всем сторонам человеческого бытия и сопровождали представителей правящей династии на протяжении их жизни. В садах праздновали рождение наследников, проводили свободное время, наслаждаясь музыкой и танцами, занимались государственными делами, устраивали фестивали и праздники и, в конечном итоге, находили под сенью деревьев вечный покой, символически продолжая властвовать в *чар-багах* и после смерти³. По качеству ухода за садами, объемам средств, тратившихся на их возведение и содержание, можно судить об общем состоянии империи на разных этапах ее истории.

Важной и малоизученной функцией могольского сада является маркирование присваиваемых земель: посредством облагораживания обретенных территорий правитель демонстрировал властные полномочия по отношению к ним. На протяжении недолгого правления в Индии Бабур стремился приблизить облик завоеванной страны к образу утерянной когда-то родины (Ферганы) и либо приказывал разбивать новые сады, либо украшать и переделывать уже суще-

² О концепции *чар-бага* см.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 36; Asher Catherine B. Babur and the Timurid Char Bagh. Use and Meaning // Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre. 1–2 (1991). P. 46–55; Dickie James. The Mughal Garden: Gateway to Paradise // Muqarnas III: An Annual on Islamic Art and Architecture, edited by Oleg Grabar. Leiden, 1985; Koch Ebba. Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan, 1526–1648 // Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Gülru Necipoglu (ed). Leiden, 1997. P. 143–165.

³ Westcoat James L.Jr. Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India. Landscape journal 10:2 (1991): 105–14; Westcoat James L. Jr. Ritual movement and territoriality during the reign of Humayun. Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Center. 1–2 (1991). P. 56–63; Суворова А.А. Могольские сады: образ рая, символ власти // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность Институт Африки РАН. 2009. № 6.

ствовавшие, закрепляя таким образом за собой завоеванные земли⁴. Тем самым правитель также давал понять, что, создавая сады, он имел власть над природой и мог ей манипулировать. Своими действиями он как бы превращал хаос, т.е. «дикий» ландшафт Индии, в структурированное и организованное пространство, наделенное особой символикой⁵. Бабур, лично наблюдающий за разбивкой сада и дающий указания (популярный сюжет в могольской миниатюрной живописи⁶), также выступает символом всемогущего «повелителя территории». Кроме того, приказывая сооружать в Индии *чар-баги* тимуридского типа, Бабур подчеркивал свою связь с предками из Средней Азии⁷.

Таким образом, «садоводческая» деятельность Бабура имела политическое значение, и метафорически выражала его территориальную экспансию, контроль над завоеванными индийскими землями и установление на них нового, мусульманского эстетического порядка. В связи с этим американский исследователь Джеймс Уэскот называет ландшафтные творения Бабура «садами победы и преображения»⁸.

После Бабура традицию устройства садов для «столбления» территории продолжили Хумаюн (пр. 1530–1540, 1555–1556) и Акбар (1556–1605), при котором империя значительно выросла территориально (Акбар расширил границы, завоевав Гуджарат, Бенгалию, Синд, Белуджистан, Кашмир, Кабул и Кандагар, Малву, Хандеш, Джаунпур, Ориссу и большую часть Ахмаднагара). Однако уже при

⁴ См.: Суворова А.А. Любить Лахор. Топофилия восточного города. М., 2009. С. 63.

⁵ Бабур ненавидел жару, пыль и резкие ветры, свойственные индийскому климату, и потому боролся с ними путем сооружения садов, купален и каналов с проточной водой. Таким образом, в неприглядном и неблагоустроенном, с точки зрения Бабура, Хиндустане появились прекрасные парки, разбитые по четкому плану: на опрятных лужайках «растения располагались в совершенном порядке». См.: *Бабур-намэ*. Записки Бабура / Пер. М. Салье. Ташкент, 1958. С. 344–345 (300а).

⁶ См.: *Бобирнома Расмлари*. Миниатюры к Бабур-наме / Сост. альбома Хамид Сулейман. Ташкент, 1979; Миниатюры из коллекции Victoria and Albert Museum: Бабур, наблюдающий за разбивкой сада. Бишндас, ок. 1590 г. URL: <http://collections.vam.ac.uk/item/O114438/babur-supervising-the-laying-out-painting-bishndas/>; <http://collections.vam.ac.uk/item/O17687/painting-bishndas/>

⁷ Asher Catherine B. Babur and the Timurid Char Bagh. Use and Meaning // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre* 1–2 (1991). P. 47.

⁸ Westcoat James L.Jr. Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India. *Landscape journal* 10:2 (1991): 105–14; Суворова А.А. Любить Лахор. Топофилия восточного города. М., 2009. С. 97.

более поздних преемниках Бабура речь о подчинении пространства не шла. С укреплением империи потребность в «столблении» территорий постепенно отпадала, и на первый план выходили иные (рекреационно-увеселительные и погребальные) функции садов.

Хотя Поздние Моголы практически не возводили новых садов, они пытались несколько трансформировать «наполненность» уже существовавших, причем эти изменения касались в основном садов столичного города – Дели: проводилась их перепланировка, добавлялись новые архитектурные элементы. При этом все новшества должны были символически вписываться в ранее организованный ландшафт *чар-бага*.

Наиболее наглядно эта тенденция просматривается в садах делийского Красного форта, возведенного в правление Шах-Джахана (пр. 1628–1658): Аурангзеб, при котором строительная деятельность в империи была сведена к минимуму, все же приказал соорудить там для личного пользования беломраморную Моти-масджид (*motī masjid*, «Жемчужная мечеть»), а в 1842 г., незадолго до окончательного краха могольской династии, Бахадур-шах II добавил в облик разбитого при Шах-Джахане сада Хаят-бакхш (*hayāt bakhš*, «сад, дарующий жизнь»), еще один павильон – Зафар-махал (*zafar mahal*, «дворец Зафара»), а также водоем. При этом использовавшиеся в строительстве материалы косвенным образом также свидетельствуют об упадке империи: Зафар-махал и водоем были построены из красного песчаника, материала намного более дешевого по сравнению с белым мрамором.

В ходе и после Сипайского восстания (1857–1859), когда британцы заняли ставку могольского правителя, значительная часть садов и архитектурных построек Красного форта была уничтожена. Из оригинальных построек сохранились павильоны Шах-бурдж (*šāh burj*, «королевская башня»; использовалась падишахом для проведения секретных собраний и переговоров с министрами), а также Бхадон (*bhādō*) и Саван (*sāvan*)⁹.

На территории форта к западу от сада Хаят-бакхш располагался также Мехтаб-баг (*mehtāb bāg*, «сад лунного света»), получивший такое название, поскольку в нем росли цветы, распускавшиеся при полной луне¹⁰. После восстания этот сад был разрушен, и на его ме-

⁹ Murray John. A handbook for travellers in India, Burma, and Ceylon (8th ed.). Calcutta, 1911. P. 198. *Саван* и *бхадон* – названия пятого и шестого месяцев индусского календаря.

¹⁰ Spear Percival. Delhi. Its Monuments and History. Third edition. N. Delhi, 2008. P. 4.

сте построили казармы¹¹. Таким образом, уничтожение англичанами могольского ландшафта в Красном форте символически закрепило конец некогда могущественной империи.

Судьбы могольских садов в столичном городе. Среди могольских садов в Дели, располагавшихся вне Красного форта, особое значение имели сады Шаламар¹², а также садово-парковые комплексы вокруг гробниц Хумаюна и Сафдарджанга.

Первый сад *Шаламар* был разбит в 1619 г. по приказу падишаха Джахангира (пр. 1605–1627) в Кашмире¹³. Позднее по его образу и подобию сады с таким же названием были разбиты в Лахоре и Дели. По сообщению хрониста Шах-Джахана Инаят-хана, делийский сад располагался за стенами Шахджаханабада¹⁴, в местечке под названием Бадли. Строительство продолжалось четыре года, и на возведение сада были потрачены баснословные по тем временам 10 лакхов (1 млн) рупий¹⁵. Падишах подарил его одной из своих жен – Акбарабади-Махал / Биби Акбарабади (?–1677), и первоначально сад носил название Азизабад¹⁶, поскольку Акбарабади-Махал была известна под именем Азиз-ун-Ниссы-бегам¹⁷; Шаламаром его стали называть позже.

В историю этот сад вошел тем, что именно в нем Аурангзеб остановился, когда в ходе борьбы за престол после смерти Шах-Джахана он преследовал своего соперника Дару Шукоха. Там же, в павильоне Шиш-махал (*śīś mahal*), Аурангзеб в 1658 г. был коронован и стал новым правителем Индии. Во время британского владычества сад использовался высокопоставленными англичанами в качестве загородной резиденции¹⁸. Но к XX в. от делийского Шаламара мало что сохранилось. Известный британский историк Персивал Спear

¹¹ Murray John. Op. cit. P. 198. URL: http://asi.nic.in/asi_monu_tktd_delhi_red-fort_pavilions.asp

¹² Шаламар (*śālāmār*), также Шалимар; обычно переводят как «обитель наслаждений» или «лунный свет». Подробнее о неясностях этимологии см.: Суворова А.А. Любить Лахор. Топофилия восточного города. М., 2009. С. 108.

¹³ Villiers-Stuart C.M. Gardens of the Great Mughuls. L., 1913. P. 162.

¹⁴ Шахджаханабад – город, построенный падишахом Шах-Джаханом в 1638 – ок. 1648 гг.; ныне известен как Старый Дели.

¹⁵ Shah Jahan Nama. Shah Jahan Nama of 'Inayat Khan. An abridged history of the Mughal emperor Shah Jahan compiled by his royal librarian. The Nineteenth-Century Manuscript Translation of A.R. Fuller (British Library, Add. 30, 777) / Edited and Completed by W.E. Begley and Z.A. Desai. Delhi, 1990. P. 451.

¹⁶ Ibid.???ЧТО КОНКРЕТНО

¹⁷ Smith Ronald Vivian. The Delhi that No-one Knows. 2005. P. 137.

¹⁸ Spear Percival. Op. cit. P. 20.

(1901–1982), исследовавший достопримечательности Дели в середине XX в., отмечал, что тогда в этом районе по-прежнему росло много фруктовых деревьев, в зарослях которых еще можно было отыскать пруд с лотосами, старый водопад и центральный павильон Шаламара¹⁹. Сейчас в той части западного Дели, где когда-то располагался Шаламар, расположены жилые районы, и о саде практически ничто не напоминает.

В то же время двум масштабным погребальным садам в Дели, окружавшим мавзолеи Хумаюна и Сафдарджанга, была уготована иная участь. Комплекс вокруг усыпальницы падишаха Хумаюна стал первой династийной постройкой Моголов на территории Южной Азии; он служил своего рода эталоном в развитии индийской мусульманской архитектуры, достигшей расцвета в середине XVII в. В архитектуре мавзолея, считающегося прообразом знаменитого Тадж-Махала, просматриваются свойственные персидской архитектуре элементы, которые напоминают о теснейших связях моголов с Ираном²⁰.

После смерти падишаха Хумаюна в 1556 г. его вдова Хамида Бану-бегам возвела для почившего супруга мавзолей, который находился в центре крупного *чар-бага*. Восьмиугольная гробница, построенная из красного песчаника и белого мрамора, располагалась на высоком постаменте, украшенном арками. Несмотря на то что мавзолей Хумаюна – монументальное и приземистое сооружение, он выглядит изящным за счет большого количества арок, зонтиков-*чхатри*, архитектурных украшений и контрастного (песчаник и мрамор) цветового сочетания.

Несмотря на фактический перенос столицы в 1556 г. в Агру, для потомков Хумаюна его гробница оставалась важным объектом: падишахи периодически навещали место захоронения своего предка, и окружавший усыпальницу сад использовали в качестве объекта для непродолжительных путешествий и паломничеств²¹. Так, сподвижник и главный министр Великого Могола Акбара (пр. 1556–1605) Абу'л Фазл (1551–1602) сообщал об 11 путешествиях падишаха Акбара в Дели²², во время которых правитель посещал место погребения

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Aga Khan Trust for Culture. Reviving History, Rebuilding Lives. Delhi, 2013.

²¹ Koch Ebba. Shah Jahans Visits to Delhi Prior to 1648: New Evidence of Ritual Movement in Urban Mughal India // Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre. 1–2 (1991). P. 20, 21.

²² В 1564, 1566, 1567, 1568, 1570, 1574, 1577, 1578, 1581, 1585, 1599 гг.

Хумаюна, несколько могил мусульманских святых, а также дважды охотился в районе Палама²³.

При Поздних Моголах комплекс пришел в запущенное состояние, но продолжал играть важную роль в жизни Дели. За стенами комплекса гробницы Хумаюна стали селиться местные жители, которые использовали территорию сада для своих нужд и выращивали там разные культуры (баклажаны, перец-чили, капусту, табак)²⁴. Укрепленное и огороженное пространство вокруг усыпальниц Хумаюна и Сафдарджанга (о последней речь пойдет далее) обитатели города использовали для укрытия во время нашествий маратхов и афганцев в XVIII в.

Английский епископ Реджинальд Хебер (1783–1826), посетивший Дели в первой четверти XIX в., писал, что когда он совершал поездку от Агры к гробнице Хумаюна, перед его взором не было ничего, кроме ужасной сцены запустения. Почва, скалистая и бесплодная, совсем не культивировалась – за исключением пары небольших лоскутков земли, на которых не росло ни единого дерева²⁵. Усыпальница Хумаюна «была окружена огромным садом с террасами и фонтанами, однако все это пребывало в разрушенном состоянии, разве что за исключением фонтанов», вода в которых позволяла беднякам, ютившимся в постройках около гробницы, выращивать пшеницу²⁶.

О состоянии сада и целях его использования можно судить по фотографиям и рисункам, сделанным во второй половине XIX в.²⁷ Например, на фотографии 1860 г., Самюэля Борна²⁸ отчетливо видно,

²³ *Allami Abu'l-Fazl. Akbarnama*, 3 vols. Persian text ed. H. Blochmann. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1877–1886. Trans. H. Beveridge. 1902–1939; rpt. Delhi, 1973. Vol. II. P. 312–313, 411, 424, 489, 511–513. Vol. III. P. 154, 322, 360, 547, 705, 118.

²⁴ *Nanda Ratish. A Tomb Brought to life*. In *Historic Gardens Review*, N 13, London, 2003, p. 19.

²⁵ *Reginald Heber. Narrative of a Journey Through the Upper Provinces of India; From Calcutta to Bombay, 1824–1825 (With Notes upon Ceylon,)* an account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India. Vol. I. Philadelphia, 1829. P. 460.

²⁶ *Ibid.* P. 461.

²⁷ Early photographs of Humayun's tomb. URL: http://www.columbia.edu/itc/mealc/pritchett/00routesdata/1500_1599/humayun/tombphotoearly/tombphotoearly.html; Humayun's tomb, in early drawings. URL: http://www.columbia.edu/itc/mealc/pritchett/00routesdata/1500_1599/humayun/tombdrawings/tombdrawings.html

²⁸ Самюэль Борн (Samuel Bourne, 1834–1912) – британский фотограф, известный своей работой в Индии в период с 1863 по 1870 г. URL: <http://www.harvardartmuseum.org/art/317663>

что водные каналы не функционируют и засыпаны землей, а на садовых лужайках выращиваются сельскохозяйственные культуры.

Неприглядное состояние усыпальницы Хумаюна в XIX в. было следствием прогрессирующей утраты власти правителями Дели в Северной Индии с начала XVII в.: ландшафт в округе Дели, изобиловавший руинами разной степени сохранности, отражал общее упадочное состояние династии Поздних Моголов, завершившей свое существование со смертью Бахадур-шаха в 1858 г.

После 1860 г. англичане приняли решение восстановить сад. Однако сделано это было не в соответствии с могольским стилем и принципами *чар-бага*, а на английский вкус и манер: водные каналы, которые являлись осевыми линиями и делили сад на четыре части, были засыпаны, а крупные четырехугольные танки-резервуары с фонтанами также были заполнены грунтом и переделаны в круглые цветочные клумбы²⁹. Впрочем, в начале XX в. вице-король Индии лорд Керзон (пр. 1899–1905) приказал вернуться к могольской планировке, и, в соответствии с разработанным в 1903–1909 гг. планом по восстановлению сада, там были проведены большие работы, в том числе по восстановлению водных каналов и облицовке их песчаником³⁰.

«Последним отблеском могольского стиля»³¹ в Дели нередко именуют еще одну важную достопримечательность города – садово-архитектурный комплекс *усыпальницы Сафдарджанга*³² (1708–1754). Этот *наваб* был одним из немногих приближенных Великих Моголов, для которого в столице был построен эффектный мавзолей из песчаника и мрамора – при том, что Сафдарджанг не являлся ни моголом, ни тем более падишахом. Появление усыпальницы Сафдарджанга в столице, скорее, отражает политическую борьбу наместников-*субадапов* (*subadār*) и могольских падишахов середины XVIII в.: в то время когда роль падишаха была не столь велика, как в эпоху Великих Моголов, его наместники, наоборот, набирали силу.

²⁹ Nanda Ratish. Op. cit. P. 19; также см. фото 1860 г. Джона Эдварда Саче (John Edward Sache, 1840–1882). URL: <http://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/apac/photocoll/h/019pho000001060u00019000.html>, и рисунок 1879 г. с видом на сад с террасы гробницы Хумаюна. URL: http://www.columbia.edu/itc/mealac/pritchett/00routedata/1500_1599/humayun/tombdrawings/tombdrawings.html

³⁰ Nanda Ratish. Op. cit. P. 19.

³¹ Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments. Tomb of Safdarjung. URL: http://ignca.nic.in/asi_reports/sd51tos0001.pdf

³² Сафдарджанг (1708–1754) – *наваб* Ауда в 1739–1754 гг. Гробница Сафдарджанга была построена в Дели в 1754 г. Она расположена на дороге, ныне известной в столице Индии как Сафдарджанг-роуд.

Сафдаржанг, получивший пост *субадара* Ауда в 1740 г., постепенно расширял сферу своей компетенции. Он добился от слабых правителей Дели права самому назначать и контролировать *диванов* (*dīvān*, ведомство), жаловать *мансабы* (*mansab*, чин) и *джагиры* (*jāgīr*) своим должностным лицам, присваивал функции *фоудждаров* (*faujdār*, военачальник). Постепенно Сафдаржанг смог добиться титула вазира (*vazīr*, главный министр) империи и подтвердить наследственное право на управление (*subadārī*) Аудом и Аллахабадом.

Гробница Сафдаржанга с окружающим садом в целом выполнена по образу и подобию ее архитектурных предшественников, но мнения людей об облике здания и его значимости делятся на диаметрально противоположные. Для одних – это один из блестящих примеров позднегомогольской архитектуры, с его особенностями и очарованием³³. Для других – бледная копия или неудачная попытка воспроизвести такие шедевры как Тадж-Махал и мавзолей Хумаюна. Так, вышеупомянутый Реджинальд Хебер писал, что хотя гробница Сафдаржанга изобилует богатым орнаментом, составленным из разных видов мрамора, тем не менее, по цвету само здание «напоминает кусок вареного мяса»³⁴, поскольку песчаник, применявшийся при строительстве, был не насыщенного цвета, а бледно-коричневых оттенков. Невыигрышно смотрелся и белый мрамор: использованный материал (не чисто белый, а розовато-желтый и в темных прожилках³⁵) был невысокого качества: часть его уже была в употреблении и имела некоторую степень изношенности³⁶. Поскольку ранее широко использовавшиеся каменоломни под Агрой больше не контролировались могилами³⁷, строителям пришлось разбирать другие делийские гробницы, чтобы собрать материал для усыпальницы Сафдаржанга³⁸. Большая часть песчаника красноватого и коричневатых тонов для облицовки здания была взята из гробницы Рахим-хана, располагавшейся неподалеку³⁹.

³³ *Spear Percival*. Op. cit. P. 136; Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments. Tomb of Safdarjung. URL: http://ignca.nic.in/asi_reports/sd51tos0001.pdf

³⁴ *Reginald Heber*. Op. cit. P. 47, 470.

³⁵ *Batra Ravi*. The Splendour of Lodi Road: my Brush with Heritage. 2012. P. 14.

³⁶ *Dalrymple William*. City of Djinnns. A Year in Delhi. 2017. P. 158.

³⁷ Дорогу между Дели и Агрой заняли восставшие в 1720-е годы джаты. Лидер джатов Бадан Сингх, пользуясь слабостью падишаха, обзавелся собственным постоянным войском, построил несколько крепостей и взял связывающую Дели и Агру дорогу под свой контроль.

³⁸ *Dalrymple William*. Op. cit. P. 158.

³⁹ *Batra Ravi*. Op. cit. P. 16.

Кроме того, с угасанием Могольской империи в Дели XVIII в. чувствовалась нехватка профессиональных мастеров-строителей⁴⁰. Архитектором гробницы Сафдарджанга выступал не могольский мастер, а абиссинец, который «не вполне мог постичь могольский архитектурный стиль»⁴¹. Возможно, он и не стремился копировать предыдущие шедевры могольской архитектуры, а преследовал иную цель – создать архитектурное сооружение более вычурное и пышное, отвечавшее вкусам его эпохи. В результате этого архитектурный комплекс Сафдарджанга отличался обильным, даже чрезмерным орнаментированием, внутренние залы его были покрыты лепниной, а купол, не соответствуя персидскому стандарту, стал больше напоминать по форме луковку⁴².

«Женская рука» в строительстве столичных садов. Первые могольские правители Дели и Агры лично участвовали в работах по созданию садов, но в конце XVII – начале XVIII в. инициатива по благоустройству садов в Дели перешла женщинам из правящей династии. В столице ими было возведено несколько садов рекреационного типа, которые превращались в удивительные места развлечений и праздного времяпрепровождения⁴³.

При Шах-Джахане, который потерял в 1631 г. любимую жену Мумтаз-Махал и всецело занялся строительством Тадж-Махала в Агре в знак скорби по усопшей, за дело преобразования территории Дели (точнее, ее дальнейшего «облагораживания») взялись дочери Шах-Джахана и Мумтаз – Джаханара-бегам (1614–1681) и Роушанара-бегам (1617–1671), которые также предпринимали попытки вмешиваться в политику и в вопросы престолонаследия⁴⁴.

Так, сад Бегам-баг (*begam bāgh*), окружавший караван-сарай Бегам-сарай (*begam sarāy*) и располагавшийся в делийском районе Чандни-Чоук, был построен Джаханарой-бегам. После восстания 1857 г. от Бегам-сарай остался один павильон, а сад был переименован в Королевские сады (Queen's Gardens) в честь королевы Виктории (пр. 1837–1901, императрица Индии в 1876–1901)⁴⁵. Другой сад Джаханары-бегам, разбитый в традиционном стиле – Тис-хазари (*tīs hazārī*) – располагался сразу за Кашмирскими воротами. Позднее

⁴⁰ *Spear Percival*. Op. cit. P. 50.

⁴¹ *Batra Ravi*. Op. cit. P. 16.

⁴² *Dalrymple William*. Op. cit. P. 158.

⁴³ *Findly Ellison Banks*. Nur Jahan: Empress of Mughal India. 1993. P. 114.

⁴⁴ *Dalrymple William*. Op. cit. P. 197–200.

⁴⁵ В сегодняшнем Дели все, что осталось от садов Джаханары-бегам, называют парком Махатмы Ганди. *Spear Percival*. Op. cit. P. 10; *Fanshawe H.C.* Delhi Past and Present. 1902. P. 52.

Аурангзеб подарил его своей дочери Зебуннисе (1639–1702), а после восстания 1857 г. сад был разрушен англичанами⁴⁶, и на его месте были проложены железнодорожные пути⁴⁷.

Сад в могольском стиле Роушанара-баг (*raušanārā bāgh*), разбитый в Дели по приказу Роушанары-бегам, второй дочери Шах-Джахана и Мумтаз-Махал, первоначально служил для отдыха и развлечений, а позднее Роушанара-бегам была там похоронена. Со временем Роушанара-баг был расширен и переделан в английском стиле⁴⁸. К XX в., по словам П. Спера, сад заслуживал посещения, но в нем не осталось ничего могольского, поскольку он «не поддерживался в том виде, в каком его запланировала сама бегам»⁴⁹.

Один из последних садов могольского типа в Дели – Кудсия-Баг (*kudsiyā bāgh*) – был основан в 1748 г. по распоряжению жены правителя Мухаммад-шаха Рангилы (пр. 1719–1748) Кудсией-бегам (?–1765)⁵⁰, изначально известной под именем Удхам-баи. Садовый комплекс Кудсия-баг находился недалеко от Кашмирских ворот на берегу Джамны примерно в том же месте, где когда-то находился сад Али Мардан-хана⁵¹, тем не менее все садовые постройки на этом месте – дворец и мечеть – были сооружены по личному приказу бегам⁵². Разбитый в типичном персидском стиле сад считался в середине XVIII в. одним из самых красивых в Дели. Он включал и сохранившиеся части сада Джаханары Тис-Хазари⁵³. Обширная его территория занимала более 50 акров (20,2 га)⁵⁴, там в окружении фруктовых деревьев, фонтанов и каналов со струящейся водой рас-

⁴⁶ Gardens of Shahjahanabad. URL: <http://www.indiantravelportal.com/delhi/gardens/famous-garden-of-shahjahanabad.html>

⁴⁷ Smith Ronald Vivian. The Delhi that No-one Knows. 2005. P. 121.

⁴⁸ Spear Percival. Op. cit. P. 14–15.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid. P. 16.

⁵¹ Али Мардан-хан (ум. 1657) – военачальник и администратор при шахе Персии Аббасе I (пр. 1587–1629) и Сефи I (пр. 1629–1642), позднее – высокопоставленный чиновник в Могольской империи при Шах-Джахане (пр. 1628–1658). В качестве служащего при Великих Моголах руководил строительством и обустройством водных каналов. URL: <http://www.orientalarchitecture.com/sid/829/pakistan/lahore/ali-mardan-khan-tomb>

⁵² Chenoy Shama Mitra. Shahjahanabad. A City of Delhi, 1638–1857. N. Delhi, 2015. P. 116.

⁵³ New life to old baghs. URL: <http://www.thehindu.com/features/metroplus/New-life-to-old-baghs/article14253676.ece>

⁵⁴ Qudsia Bagh to become Aggarwal Park! URL: <http://www.milligazette.com/news/5757-qudsia-bagh-to-become-aggarwal-park>

полагался дворец с видом на реку⁵⁵. Однако уже к концу XVIII в. в нем мало что осталось от бывшего великолепия, а в ходе Сипайского восстания 1857 г. он был окончательно разрушен⁵⁶. В настоящее время в ведении археологической службы Индии находятся лишь мечеть (Кудсия-масджид) и входные ворота в некогда процветавший сад.

Таким образом, функции архитектурно-ландшафтных комплексов, возведенных при Великих Моголах, заметно отличались от тех, что были свойственны такого рода сооружениям в позднемогольскую эпоху. При первых могольских падишахах особое значение имело «столбление» территории садами и расположенными в них постройками. К XVII в. отпала необходимость в подтверждении своего права на власть таким способом. Тогда же столичными садами стали заниматься жены и дочери падишахов, которые не стремились подчинять себе «дикие места» и «преобразовывать хаос», а желали создать тихие райские уголки – своего рода оазисы для времяпрепровождения в кругу близких, для развлечений и отдыха. Повсеместный упадок и запустение садов в XVIII в. были следствием распада Могольской империи и свидетельством утраты могущества ее правителями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабур-намэ*. Записки Бабур-наме / Отв. ред. С.А. Азимджанова; пер. М. Салье. Ташкент, 1958.
2. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
3. *Бобирнома Расмлари*. Миниатюры к Бабур-наме / Сост. альбома Хамид Сулейман. Ташкент, 1979.
4. *Суворова А.А.* Любить Лахор. Топофилия восточного города. М., 2009.
5. *Суворова А.А.* Могольские сады: образ рая, символ власти // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. Институт Африки РАН. 2009. № 6.
6. Aga Khan Trust for Culture. *Reviving History, Rebuilding Lives*. Delhi, 2013.
7. *Asher Catherine B.* Babur and the Timurid Char Bagh. Use and Meaning // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre* 1-2 (1991).
8. *Batra Ravi.* The Splendour of Lodi Road: my Brush with Heritage. 2012.
9. *Chenoy Shama Mitra.* Shahjahanabad. A City of Delhi, 1638–1857. New Delhi, 2015.
10. *Dalrymple William.* City of Djinnns. A Year in Delhi. 2017.
11. *Dickie James.* The Mughal Garden: Gateway to Paradise // *Muqarnas III: An Annual on Islamic Art and Architecture*, edited by Oleg Grabar. Leiden, 1985
12. Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments. Tomb of Safdarjung. http://ignca.nic.in/asi_reports/sd51tos0001.pdf
13. Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments. Mosque in the Qudsia Garden http://ignca.nic.in/asi_reports/sd28mo0001.pdf

⁵⁵ Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments. Mosque in the Qudsia Garden. URL: http://ignca.nic.in/asi_reports/sd28mo0001.pdf

⁵⁶ Во время восстания 1857 г. здесь размещалась британская артиллерия. *Fanshawe H.C.* Delhi Past and Present. 1902. P. 54, 87–89.

14. *Eraly Abraham*. The Mughal World. Life in India's Last Golden Age. 2007.
15. *Fanshawe H.C.* Delhi Past and Present. 1902.
16. *Findly Ellison Banks*. Nur Jahan: Empress of Mughal India. 1993.
17. Fountains of Safdarjung Tomb to run again. Dec 6, 2013. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/Fountains-of-Safdarjung-Tomb-to-run-again/articleshow/26926053.cms>
18. Gardens of Shahjahanabad. URL: <http://www.indiantravelportal.com/delhi/gardens/famous-garden-of-shahjahanabad.html>
19. *Koch Ebba*. Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan, 1526–1648. In *Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*. Gülru Necipoglu (ed). Leiden, 1997. P. 143–165.
20. *Murray John*. A handbook for travellers in India, Burma, and Ceylon (8th ed.). Calcutta, 1911.
21. *Nanda Ratish*. A Tomb Brought to life. In *Historic Gardens Review*. Number 13. London.
22. New life to old baghs. URL: <http://www.thehindu.com/features/metroplus/New-life-to-old-baghs/article14253676.ece>
23. Paradise lost: How Delhi's historic Qudsia Bagh is dying. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/Paradise-lost-How-Delhis-historic-Qudsia-Bagh-is-dying/articleshow/19157454.cms?referral=PM>
24. Qudsia Bagh to become Aggarwal Park! URL: <http://www.milligazette.com/news/5757-qudsia-bagh-to-become-aggarwal-park>
25. *Reginald Heber*. Narrative of a Journey Through the Upper Provinces of India; From Calcutta to Bombay, 1824–1825 (With Notes upon Ceylon,) an account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India. Vol. I. Philadelphia, 1829.
26. Shah Jahan Nama. Shah Jahan Nama of 'Inayat Khan. An abridged history of the Mughal emperor Shah Jahan, compiled by his royal librarian. The Nineteenth-Century Manuscript Translation of A.R. Fuller (British Library, Add. 30,777). Edited and Completed by W.E. Begley and Z.A. Desai. Delhi, 1990.
27. *Smith Ronald Vivian*. The Delhi that No-one Knows. 2005.
28. *Spear Percival*. Delhi. Its Monuments and History. Third edition. New Delhi, 2008, p. 4.
29. *Villiers-Stuart, C.M.* Gardens of the Great Mughuls. London, 1913.
30. *Westcoat James L.Jr.* Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India. *Landscape journal* 10:2 (1991). P. 105–14.
31. *Westcoat James L.Jr.* Ritual movement and territoriality during the reign of Humayun. *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Center*. 1–2 (1991). P. 56–63.

Alexandra A. Kozlova

LANDSCAPE GARDENING AS AN INDICATOR OF CHANGES IN THE MUGHAL EMPIRE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is dedicated to the role of Mughal gardens in the history of India in XVI–XIX centuries. In focus are their functions during the reign of the Great and Late Mughals, and the role of landscape gardening as an indicator of growth and decline of the Mughal Empire. “Tagging” the territory by setting up gardens was of paramount importance for the first Mughal emperors, but by the late XVI century it became unnecessary for Mughals to confirm powers and authority in such a manner,

and landscape gardening in Delhi was taken up by royal spouses and daughters. In the XVIII century almost all Mughal gardens fell to decay, which was indicative of the empire's disintegration.

The article presents a case study of two Delhi-based gardens: the mausoleum of emperor Humayun (XVI century) – the first South Asian-based dynastic edifice of the Mughals; and *nawab* Safdarjung's tomb (XVIII century) often referred to as “the last flicker in the lamp of Mughal architecture in Delhi”.

Key words: India; Delhi; Mughal Empire; Mughal gardens; culture.

About the author: *Alexandra A. Kozlova* — post-graduate student, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kaa-iaas@mail.ru).

REFERENCES

1. Aga Khan Trust for Culture. Reviving History, Rebuilding Lives. Delhi: 2013.
2. *Asher Catherine B.* Babur and the Timurid Char Bagh. Use and Meaning // Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre 1–2 (1991).
3. *Babur-namje. Zapiski Babura* [Babur-nama. Memoirs of Babur]. Otvetstvennyj redaktor S.A. Azimdzhanova. Per. M. Sal'e. Tashkent, 1958.
4. Bartol'd V.V. *Istorija kul'turnoj zhizni Turkestana* [History of Cultural Life of Turkestan]. L., 1927.
5. *Batra Ravi.* The Splendour of Lodi Road: my Brush with Heritage. 2012.
6. *Bobirnom Rasmlari. Miniatury k Babur-name* (Bobirnom Rasmlari. Miniatures for Babur-nama) // sost. Al'boma Hamid Sulejman. Tashkent, 1979.
7. *Chenoy Shama Mitra.* Shahjahanabad. A City of Delhi, 1638–1857. New Delhi, 2015.
8. Dalrymple William. *City of Djinns. A Year in Delhi.* 2017.
9. Dickie James. *The Mughal Garden: Gateway to Paradise.* Muqarnas III: An Annual on Islamic Art and Architecture, edited by Oleg Grabar. Leiden, 1985
10. *Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments.* Tomb of Safdarjung. URL: http://ignca.nic.in/asi_reports/sd51tos0001.pdf
11. *Documentation format for Archaeological and Heritage Sites/Monuments.* Mosque in the Qudsia Garden. URL: http://ignca.nic.in/asi_reports/sd28mo0001.pdf
12. Eraly Abraham. The Mughal World. *Life in India's Last Golden Age*, 2007.
13. Fanshawe H.C. *Delhi Past and Present.* 1902.
14. *Findly Ellison Banks.* Nur Jahan: Empress of Mughal India. 1993.
15. *Fountains of Safdarjung Tomb to run again.* Dec 6, 2013. URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/Fountains-of-Safdarjung-Tomb-to-run-again/articleshow/26926053.cms>
16. *Gardens of Shahjahanabad.* URL: <http://www.indiantravelportal.com/delhi/gardens/famous-garden-of-shahjahanabad.html>
17. *Koch Ebba.* Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan, 1526-1648. Muqarnas XIV: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World. Gülru Necipoglu (ed). Leiden, 1997, p.143-165.
18. Murray John. *A handbook for travellers in India, Burma, and Ceylon* (8th ed.). Calcutta. 1911.
19. Nanda Ratish. A Tomb Brought to life. *In Historic Gardens Review, N 13, London, 2003.*
20. *New life to old baghs.* URL: <http://www.thehindu.com/features/metroplus/New-life-to-old-baghs/article14253676.ece>
21. *Paradise lost: How Delhi's historic Qudsia Bagh is dying.* URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/Paradise-lost-How-Delhis-historic-Qudsia-Bagh-is-dying/articleshow/19157454.cms?referral=PM>

22. *Qudsia Bagh to become Aggarwal Park!* URL: <http://www.milligazette.com/news/5757-qudsia-bagh-to-become-aggarwal-park>
23. Reginald Heber. *Narrative of a Journey Through the Upper Provinces of India*; From Calcutta to Bombay, 1824–1825 (With Notes upon Ceylon,) an account of a Journey to Madras and the Southern Provinces, 1826, and Letters Written in India. Vol. I. Philadelphia, 1829.
24. *Shah Jahan Nama. Shah Jahan Nama of 'Inayat Khan. An abridged history of the Mughal emperor Shah Jahan, compiled by his royal librarian.* The Nineteenth-Century Manuscript Translation of A.R. Fuller (British Library, Add. 30, 777). Edited and Completed by W.E. Begley and Z.A. Desai. Delhi, 1990.
25. Smith Ronald Vivian. *The Delhi that No-one Knows.* 2005.
26. Spear Percival. *Delhi. Its Monuments and History.* Third edition. New Delhi, 2008.
27. Suvorova A.A. *Ljubiti' Lahor. Topofilija vostochnogo goroda* [Love Lahore: Topophilia of an Oriental city]. M., 2009.
28. Suvorova A.A. *Mogol'skie sady: obraz raja, simvol vlasti* [Mughal Gardens: the Image of Paradise, the Symbol of Power], *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istorija i sovremennost'* Institut Afriki RAN, 2009, № 6.
29. Villiers-Stuart C.M. *Gardens of the Great Mughuls.* L., 1913.
30. Westcoat James L.Jr. Gardens of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India. *Landscape journal* 10:2 (1991), pp. 105–14.
31. Westcoat James L.Jr. Ritual movement and territoriality during the reign of Humayun. Environmental Design, *Journal of the Islamic Environmental Design Center.* 1–2 (1991), pp. 56–63.

М.С. Круглова

**МАТТЕО РИПА:
МИССИОНЕР ПРИ ДВОРЕ ИМПЕРАТОРА КАНСИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Российская академия наук
Институт Востоковедения
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.*

Маттео Рипа (1682–1746) – итальянский священник-миссионер, чье пребывание в Китае с духовной миссией позволило стать ему свидетелем двух по-разному эпохальных исторических событий: смерти императора Канси и так называемого спора о ритуалах – конфликта внутри католической церкви относительно трактовки значения китайских традиционных ритуалов, имевшего поистине разрушительные последствия для его участников, в том числе для могущественного иезуитского ордена. Вернувшись на родину, Рипа основал в Неаполе колледж – первое в Европе учебное заведение, где на академическом уровне велось изучение и преподавание дисциплин, связанных с исследованием Востока, – позже ставший Восточным университетом, а также написал мемуары – «Джорнале». Судьба оставленного им текста сложилась непросто: переиздавшие столетие спустя после смерти автора текст «Джорнале» иезуиты подвергли текст серьезной правке, что привело к искажению и потере изначально заложенных автором смыслов. Получив широкое распространение, версия «Джорнале», будучи по существу подделкой, на века вперед сформировала в том числе и в исследовательской среде неверное представление о жизни и личности Маттео Рипы, однако в настоящее время благодаря изданию оригинального текста у нас есть возможность восстановить правду в отношении итальянского миссионера.

Ключевые слова: Маттео Рипа; «спор о ритуалах»; католическая духовная миссия; Ватикан; Китай.

Изучение истории католической духовной миссии в Китае – задача интересная со многих точек зрения. Это и собственно рассмотрение цепи исторических событий, связанных с реализацией миссионерских задач, и история того, как Запад открывал для себя Китай, ведь христианские миссионеры не только несли благовест на Восток, но и изучали культуру китайской цивилизации во всех ее

Круглова Мария Семеновна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук в Институте востоковедения РАН, младший научный сотрудник Института экономика РАН (e-mail: mashakruglova999@gmail.com).

проявлениях: от философии и письменности, до технологических и научных достижений китайского общества.

Один из важнейших этапов в истории католической миссии – период, вошедший в историю как «спор о ритуалах». По выражению ведущего российского исследователя истории католической духовной миссии в Китае Динары Дубровской, он стал «самым разрушительным спором, который потряс католический мир в Новое время»¹.

«Спор о ритуалах» длился три столетия и касался вопроса допустимости соблюдения китайскими неопитами ряда конфуцианских ритуалов и ритуалов, связанных с китайским культом почитания предков. Миссионеры из числа иезуитов считали конфуцианские обряды и ряд других традиционных для китайцев обрядовых практик, скорее, актами гражданского, нежели чем религиозного свойства, и таким образом не препятствовали своей новообращенной пастве в почитании Конфуция и предков. Классифицируя как суеверия и по этой причине запрещая отдельные обряды², иезуиты тем не менее строили свою миссионерскую политику согласно принципам, заложенным еще основателем иезуитской духовной миссии в Китае Маттео Риччи: «где ничто ясно не указывало на суеверие, он проявлял терпимость, но в то же время пытался постепенно привести церемонии в соответствие с христианской практикой»³. Основанная на идее поиска компромиссов политика была эффективна и поначалу не встречала противодействия со стороны официального Ватикана. Но в 1630-е годы часть высокопоставленного духовенства в самом Ватикане, а также миссионеры из доминиканского и францисканского орденов выступили с осуждением практики признания китайских обрядов, положив начало «спору о ритуалах». «Спор...» – изначально проблема исключительно практической значимости – превратился в «... предмет изобилующей неопределенностями спекулятивной полемики»⁴. В конечном итоге он оказал разрушительное воздействие как на судьбу католической духовной миссии в Китае, так и на судьбу иезуитского ордена: осуждение иезуитской практики признания китайских ритуалов, вынесенное в марте 1715 г. Папой Кли-

¹ Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000. С. 162.

² Так, например, иезуитами запрещалось вознесение молитв и прошений в адрес усопших, запрещалось жертвенное сожжение бумажных денег.

³ Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 183.

⁴ Dunne G. Generation of Giants: the Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty. Notre Dame, Indiana, 1962. P. 287.

ментом XI в булле *Ex ilia die*, было использовано Папой Климентом XIV, распустившим в 1773 г. орден иезуитов, в качестве морального оправдания его решения⁵.

История «спора о ритуалах» как в зарубежной, так и в отечественной исследовательской литературе освещена подробно. Более того, сама суть «спора о ритуалах», бывшего «войной книг»⁶, предопределила то, что «уже к 1680 году составленная иезуитами библиография по данному вопросу вполне могла бы удовлетворить необходимость в источниках»⁷. Но в силу обстоятельств исторического момента сложилось так, что общее представление о ходе событий в рамках «спора о ритуалах» было сформировано преимущественно на основе написанных членами иезуитского ордена трудов. Учитывая же, что Общество Иисуса было одной из сторон конфликта, более того стороной пострадавшей, точка зрения членов этого ордена считаться в полной мере беспристрастной и объективной не может. Отличным примером того, как иезуиты сознательно исказили отдельные эпизоды и элементы «спора...», является биография итальянского миссионера Маттео Рипы и судьба написанных им воспоминаний о тех событиях.

В трудах отечественных китаистов, посвященных истории католической духовной миссии в Китае, имя Маттео Рипы встречается редко. Так, например, в шестом томе «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», посвященном периоду правления династии Цин (1644–1911), отдельная глава отведена истории западных миссионеров в Китае в XVI–XVIII вв. Значительная часть главы посвящена истории «спора о ритуалах», однако Маттео Рипа в тексте не упоминается⁸. То же относится и к труду А. Ломанова «Христианство и китайская культура»⁹. В другом же монументальном исследовательском труде, посвященном миссии иезуитов в Китае, Рипа назван иезуитом¹⁰, хотя в действительности он всю жизнь оставался секулярным священником, яростно отстаивавшим позицию Святого Престола.

Как вычеркивание имени Маттео Рипы из истории «спора о ритуалах», вероятно, по причине незначительной его роли в этой истории,

⁵ См.: Дубровская Д.В. Указ. соч. С. 186.

⁶ Там же. С. 162.

⁷ Там же.

⁸ История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / Отв. ред. О.Е. Непомнин; гл. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2014. С. 572–587.

⁹ Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 158–208.

¹⁰ См.: Дубровская Д.В. Указ. соч. С. 167.

так и неверная идентификация его в качестве члена Общества Иисуса – суть деятельности тех иезуитов, что в свое время издали текст воспоминаний Маттео Рипы в своей особой редакционной правке. Однако благодаря трудам профессора Восточного университета Неаполя Микеле Фатики по изданию оригинального текста воспоминаний итальянского миссионера историческая справедливость может быть восстановлена.

В статье описываются основные эпизоды биографии Маттео Рипы, предлагается обратиться к истории издания текста воспоминаний Рипы – «Джорнале», обстоятельства которой в конечном итоге и повлияли на исторический образ этого итальянского священника-миссионера.

Маттео Рипа родился в г. Эболи, что в 80 км от Неаполя, 29 марта 1682 г. в дворянской семье баронов Пьянкетелла, происходящей из г. Бриндизи. Отец Маттео Рипы – Джан Филиппо – был врачом, мать Антония Лонг занималась домашним хозяйством. К сожалению, когда мальчику было пять лет, она скончалась. Когда Маттео исполнилось 15 лет, отец отправил его учиться в Неаполь. Сам Маттео мечтал о профессии художника, однако отец выбрал для своего сына юриспруденцию¹¹.

В Неаполе молодой Маттео «забросил книги, связался с разнузданными сверстниками и окунулся во все пороки, свойственные молодым»¹². Переломный момент наступил в 1700 г., когда Рипе исполнилось 18 лет: тогда он случайно услышал молитву францисканского монаха около дворца Вичере и решил стать священником. «Вернулся к себе домой и с этого момента стал серьезно думать о том, как мог бы наилучшим образом служить Господу. Во мне проснулось желание стать священником, но и еще что-то большее. Думал об этом и в течение последующих пяти лет, но не мог понять, чем же было то «большее», чего от меня ждал Господь»¹³.

В мае 1701 г. Рипа, заручившись благословением своего духовника отца Антонио Торреса, начал свой clerикальный путь, а 28 мая 1705 г. с согласия Папы (которое потребовалось, так как Рипе на тот момент еще не было 24 лет) был рукоположен в священники в г. Салерно.

¹¹ *Ripa Matteo*. Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti (Napoli: Manfredi, 1832). T. I. P. 8.

¹² Ibid. P. 5–7.

¹³ Ibid. P. 13.

По возвращении в Неаполь Рипа отправился к своему духовнику Торресу, который ранее предлагал Рипе вступить в Конгрегацию белого духовенства Благочестивых тружеников, членом коей он являлся, однако сам Рипа не чувствовал к этому призвания¹⁴ и опасался, что Торрес снова предложит ему место в конгрегации. Опасения Рипы не подтвердились: увидев Маттео, падре Торрес воскликнул: «Благородный человек, готовься в Китай!»¹⁵, чем поразил Рипу, который не знал даже, где этот Китай находится. В этот день Рипа понял, к чему «большему» он был призван: «Господь хочет видеть тебя миссионером в Китае», – сказал ему тогда Торрес¹⁶. Уже 26 ноября 1705 г. Маттео Рипа отбыл в Рим.

О времени, проведенном в Риме, ожидая отправки в Китай, Рипа писал так: «Остался в Риме один, углубленно изучал нравственное богословие. По праздникам объяснял Катехизис женщинам в церкви Святого Петра. По специальному разрешению Папы проповедовал солдатам в церкви еремитов. Хотел на приближающийся пост 1707 года получить амвон в каком-нибудь близком к Риму местечке – только, чтобы не сидеть без дела»¹⁷.

Звездный час Рипы пробил в июле 1707 г., когда Папа Климент XI решил присвоить кардинальское звание Шарлю Мэллару де Турнону, направленному в Китай еще в 1702 г. в качестве апостольского легата при императорском дворе в Пекине. По замыслу Папы, кардинальская шапочка должна была быть отправлена ему через миссионеров. С этой целью была создана группа из шести миссионеров, самым молодым из которых стал 24-летний Рипа.

Уже 13 октября миссионеры покинули Рим. Их путь в Китай лежал через Лондон, откуда они должны были доплыть до Дальнего Востока. Спустя месяц, прошедший с начала путешествия, был сражен ударом руководитель миссии отец Фунари, в результате чего руководство перешло к Рипе.

Путешествие оказалось долгим и трудным: к тяготам дальней дороги добавились еще и внутренние склоки среди миссионеров. К моменту же их прибытия в Китай обнаружилось, что де Турнон был в сложном политическом положении: вступив в конфликт с императорским двором по вопросу трактовки китайских ритуалов, он вместе с тем находился в конфликте и с миссионерами, прежде всего представителями иезуитского ордена.

¹⁴ Ibid. P. 14.

¹⁵ Ibid. P. 21.

¹⁶ Ibid. P. 22.

¹⁷ *Ripa Matteo*. Op. cit. T. I. P. 44.

Однако уже в 1710 г. де Турнон скончался, а 24 июня 1710 г. был издан императорский указ, согласно которому ко двору должно было прислать троих европейцев, обладающих знаниями в рисовании и науке. Оговаривалось, что художник должен был предварительно нарисовать четыре картины и прислать их ко двору для оценки¹⁸.

Прибыв в Гуанчжоу, Рипа создал четыре картины, которые были пересланы императору. Однако сверх того придворные сановники приказали Рипе написать с натуры портрет одного китайца. И это испытание Рипа прошел с честью, и уже 5 ноября пришел приказ прибыть миссионерам ко двору. Сам Рипа так писал об этом событии: «... я очень переживал по поводу своего мастерства, ибо не имел достаточной практики»¹⁹. Путешествие из Гуанчжоу в Пекин длилось около двух месяцев. По пути Рипа проповедовал христианство при каждой удобной возможности: он «обратил в христианство двух китайцев и окрестил девочку, которой дал имя Мария»²⁰.

Миссионеры прибыли в Пекин 5 февраля 1711 г., где были приняты с почестями и накормлены блюдами императорской кухни. А уже на следующий день Рипа был препровожден в мастерскую, где до него работал со своими учениками Джованни Джерардини из Пьемонта – профессиональный итальянский художник и декоратор, первым начавший использовать в Китае масляные краски. Увлечение живописью в известной степени спасло Рипу: просто миссионера при китайском дворе не приняли бы, западные люди интересовали китайский двор исключительно как носители каких-то определенных навыков, и в данном случае приобретенные Рипой познания в живописи поспособствовали молодому итальянскому миссионеру.

Император был доволен творчеством Рипы, а спустя два месяца попросил его выгравировать на меди географическую карту, начерченную иезуитами. Рипа признался императору, что знаком с техникой гравирования, но до сих пор не имел нужной практики. Первые попытки оказались неудачными, однако в итоге Рипе удалось получить результаты, удовлетворившие императора, который утвердил миссионера в новой должности.

Должность при дворе, с одной стороны, была несомненным благом, с другой же – ограничивала возможности для миссионерской деятельности. Каждый предоставляемый судьбой случай Рипа ис-

¹⁸ *Fu Lo-Shu. A Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820)*. Arizona Press, 1966. P. 116.

¹⁹ *Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, Giornale (1705–1724)*. I. 1705–1711. Napoli, 1991. P. 224.

²⁰ *Ibid.* P. 237.

пользовал для того, чтобы нести христианскую благую весть китайскому народу. Во время путешествия в Жэхэ²¹ в 1714 г., куда Рипа был направлен, чтобы создать гравюру с изображением плана местности, он посетил небольшую христианскую общину в одной из деревень. Там он крестил под именем Джанбатиста мальчика из христианской семьи. Рипа заметил задатки к священническому призванию в этом мальчике и потому взял его с собой для обучения. В Жэхэ Рипа крестил двух китайцев: носильщика и конюха. На обратном пути из Жэхэ Рипа посетил еще одну небольшую деревенскую христианскую общину, где построил маленькую часовню.

Спустя пять лет, в 1719 г., уже в Пекине Рипа свел знакомство с юношей, крещенным под именем Джузеппе, которого также включил в круг своих учеников. Затем он познакомился еще с двумя молодыми крещеными китайцами. Так постепенно у Рипы созрел замысел «создать простую школу, чтобы завершить мою жизнь в Китае. Знал, что эта обширная нива нуждалась в большом количестве работников»²².

Образовательная деятельность Рипы раздражала китайских сановников, которые и без того были недовольны самим фактом того, что император благосклонно принимал итальянского миссионера. Учрежденная Рипой школа была перенесена в императорский дворец, чиновники же всеми силами старались помешать ее развитию, используя все средства административной борьбы, в том числе обман и клевету. Своей цели они в какой-то степени достигли, сам Рипа пишет об этом так: «Я отдавал себе отчет в том, что не нужно было слишком раздражать сановников. Я решил не принимать новых учеников в ожидании лучших времен. Не было никого, кто бы помогал заниматься с учениками, да и денег на это не хватало»²³.

В 1716 г. на пути католической духовной миссии возникло еще одно препятствие: Папой было опубликовано апостольское послание *Ex illa die*, в котором Святой Престол снова в еще более жестких формулировках осудил китайские ритуалы и указал на неизбежные санкции в отношении тех, кто пошел бы против установленных Ватиканом норм. В результате иезуиты решили прекратить свою миссионерскую деятельность, Рипа же, предприняв попытки отговорить руководство иезуитской миссии от принятого решения, вскоре предложил заменить свернувший свою деятельность иезуитский

²¹ Императорская летняя резиденция Бишу шаньчжуан (Горное убежище от летнего зноя) в Жэхэ (совр. Чэндэ, пров. Хэбэй).

²² *Ripa Matteo*. Op. cit. T. I. P. 496.

²³ *Ibid.* P. 497.

орден в предместьях Пекина. В новой ситуации Рипа сосредоточился на работе с женской частью паствы: открыл для них три центра содействия, где женщины могли проходить курсы религиозного образования, а раз в месяц проводились мессы. Женщинам было запрещено участвовать в мессах вместе с мужчинами, а иезуиты проводили богослужения для женщин два раза в год, таким образом Рипа расширил горизонт возможностей для женской части паствы.

Очевидно, что отец Рипа всей душой тянулся к тому, чтобы активно вести апостольскую деятельность на китайской земле, придворное же положение было существенным к тому препятствием. В письме от 23 октября 1719 г. он писал следующие полные горечи и светлого романтического чувства слова: «Я всегда умолял и просил разрешить мне покинуть эти палаты, чтобы уйти в провинцию, заниматься той миссией, для которой я сюда приехал. Я хотел свободы, как птица, которая летает без препятствий, чтобы повсюду объявлять о приходе Царствия небесного»²⁴.

Толчком к возвращению Маттео Рипы на родину стала смерть императора Канси 20 декабря 1722 г. Смерть императора, правившего Поднебесной 61 год, стала значительной потерей не только для империи, но и для католической духовной миссии: пребывание католических миссионеров на китайской земле было возможно благодаря указу императора Канси от 1692 г. Известно, что Канси с симпатией относился к западным миссионерам и их навыкам, чем и обеспечивалось наличие католических миссионеров при дворе, но что не могло не раздражать китайских придворных сановников. «Некоторые придворные постоянно стремились помешать мне. Клеветали и наговаривали на меня, тем самым создавали атмосферу склок и скандалов»²⁵, – писал Рипа. Преемник Канси император Юнчжэн разделял, скорее, точку зрения сановников, и уже в 1724 г. было объявлено об отмене указа Канси, легализовавшего христианство в Китае.

Согласно указу императора Юнчжэна, принявшие крещение китайцы, должны были отречься от христианства, миссионеры же, за исключением прикрепленных к Ведомству астрономии, должны были покинуть Китай. Собственность католических миссий была конфискована. «Последующие 120 лет христианство официально

²⁴ *Ripa Matteo*. Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti (Napoli: Manfredi, 1832). T. II. P. 121.

²⁵ Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale (1705–1724)*, II, 1711–1716. Napoli, 1996. P. 40.

определялось как еретический культ, мало отличающийся от тайных обществ, которые периодически ставили под угрозу стабильность существования династии»²⁶.

Рипа не должен был покидать Китай, однако в новых условиях его пребывание в стране было по существу бессмысленным. В итоге Рипа передал императору записку с просьбой отпустить его. Император Юнчжэн согласился с желанием Рипы покинуть Китай. Почитая память своего отца, для которого Рипа сделал многое, император решил наградить Рипу: «Европейцы очень ценят наш фарфор, – сказал он, – отведите его в хранилище нашего личного фарфора, и пусть он выберет то, что ему больше понравится, пусть возьмет столько, сколько захочет. А также дайте ему шелковой ткани»²⁷.

15 ноября 1723 г. Рипа оставил Пекин. «Не забуду первый день нашего выезда. Прямо в лицо дул такой сильный ветер, из-за которого я несколько раз падал с носилок. Было так холодно, казалось, что демоны предвидели скорое для нас благополучие, и все собрались вместе, чтоб объединить свои силы для того чтобы нас толкать обратно, заставить вернуться в их владения и остановить дело добра для христианства»²⁸.

Как и прежде, путь Рипы лежал через Англию. Весть о прибытии Рипы получила широкую огласку в английском обществе, так что сам король Георг I пожелал встретиться с итальянским миссионером. С большим почетом Рипа был принят при дворе и получил в дар от короля мешочек золотых монет стоимостью 300 неаполитанских дукатов.

Уже 20 ноября 1723 г. Рипа и его ученики прибыли в Неаполь, где поселились на вилле в окрестностях Мергелины.

Сразу по прибытии группа во главе с Рипой приступила к работе. За время своего пребывания в Китае Рипа пришел к выводу о том, что для успешного развития католической миссии в Китае остро необходимы священники-миссионеры из числа самих китайцев, но прошедшие подготовку и обучение в Европе. Простая, казалось бы, идея была на то время, если не революционной, то, по крайней мере, смелой, ведь традиционной схемой была отправка священников-миссионеров из числа европейцев в нехристианские страны. Идея же подготовки священников из числа самих китайцев была оправдана сразу с двух точек зрения. Во-первых, с политической точки зрения

²⁶ *Cohen Warren J.* The Chinese connection: Roger S. Greene, Thomas W. Lamont, George E. Sokolsky and American-East Asian relations. Columbia, 1978. P. 545.

²⁷ *Ripa Matteo.* Op. cit. T. II. P. 128.

²⁸ *Ibid.* P. 133.

священник-китаец гарантированно более «свой» для членов общины человек, который мог бы действительно стать стержнем в борьбе общины против репрессий. Во-вторых, идея подготовки священников из числа китайцев имела свои плюсы также и с точки зрения культурной рефлексии и рецепции культурных стандартов. Маттео Рипа был очевидцем событий, ставших частью «спора о ритуалах», спора, чье деструктивное воздействие он ощущал в том числе и на себе, и который «был не о христианских догмах, а о некоторых обычаях китайцев»²⁹. Подготовленные же в Европе священники из числа китайцев могли быть более точными в трактовках родных для их культуры ритуалов, а их понимание христианских норм и доктрин можно было корректировать еще на стадии обучения в европейских образовательных центрах.

Спустя почти десять лет, прошедших с момента его возвращения в Италию и благодаря упорным трудам, 5 апреля 1731 г. Рипа получил одобрение Папы на открытие колледжа, руководил которым он вплоть до своей смерти в 1746 г.

Открытый им институт стал основным жизненным завоеванием Рипы и вместе с тем главным его вкладом в историю и общественный прогресс. Если Маттео Риччи стал тем первопроходцем, что открыл китайскому миру блага европейской цивилизации, то Маттео Рипа создал своего рода институциональную площадку для культурного и духовного обмена между Востоком и Западом. И дело не ограничилось только лишь Китаем. Уже в 1750 г. в Колледже было открыто отделение для учеников из стран Ближнего Востока, находившихся под турецким игом.

В дальнейшем колледж стал учреждением министерства просвещения, превратившись в Азиатский королевский колледж с советом директоров. Тогда институт был разделен на колледж для выходцев из восточных стран и школу для иногородних итальянцев и иностранцев, которые должны были совершенствоваться в языках и в дисциплинах, связанных с торговлей и изучением Востока, а 27 декабря 1888 г. бывший Китайский колледж был переименован в Неаполитанский королевский восточный институт.

Вторым после университета «даром Рипы» потомкам стал оставленный им текст воспоминаний – «Джоранале» Маттео Рипы. Вопреки названию, которое можно перевести как «дневник», текст «Джорнале» является, скорее, мемуарами, оставленными итальян-

²⁹ *Minamiki G. The Chinese Rites Controversy: From Its Beginnings to Modern Times. Chicago, 1985. P. 40.*

ским священником, так как писал он их не в режиме создания дневниковых записей через описание событий минувшего дня или же более продолжительного отрезка времени, а спустя много лет, вспоминая события ушедших лет.

К созданию своего литературного труда Рипа приступил сравнительно поздно. Несмотря на то что к нему неоднократно поступали просьбы со стороны представителей церковных властей о создании текста воспоминаний, написание мемуаров Рипа долгое время откладывал, ссылаясь на загруженность заботами о работе колледжа. Когда же работа над текстом воспоминаний была окончена, стало ясно, что, вышедший из-под пера Маттео Рипы труд, получивший имя «Джорнале» – сочинение весьма объемное: всего Рипой было написано и продиктовано материалов общим объемом в пять рукописных томов.

Впереди текст «Джорнале» ждала сложная судьба, предопределенная тексту сутью эпохи. Свидетель событий «спора...», выступавший на противоположной иезуитам стороне, Рипа не мог не создать текст, который ситуативно стал бы книгой антииезуитского содержания и, как следствие, еще одним свидетельством в борьбе ватиканского истеблишмента против иезуитского ордена³⁰.

Понимая это, в 1832 г. иезуиты, к тому времени сумевшие восстановить структуры ордена, выпустили три тома отредактированного текста воспоминаний Рипы³¹ под общим заголовком “*Storia della fondazione... Collegio dei cinesi*” («История создания... китайского колледжа»). Редакторская правка проводилась в основном под предлогом необходимости сближения языка оригинала с современным итальянским языком. В итоге же изданный иезуитами текст представлял собой некий новый далекий от оригинала исторический документ, которому суждено было на десятилетия вперед сформировать вполне определенное, далекое от действительности, представление о жизни и деятельности итальянского миссионера.

Спустя полтора столетия итальянский профессор Микеле Фатика под своей редакцией издал в 1991 г. под эгидой Восточного университета Неаполя первый том «Джорнале» (1705–1711), объемом в 241 страницу, а в 1996 г. второй том (1711–1716), объемом в 234 страницы. Именно это издание Восточный университет, основателем которого был Рипа, определяет в качестве аутентичного текста, рекомендуя его к использованию в академических исследованиях.

³⁰ Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724), I, 1705–1711, Napoli, 1991. P. XXXVII.

³¹ Ibid. P. CLV.

Сравнив иезуитское издание «Джорнале» и текст «Джорнале» 1990-х годов издания, можно понять систему и принципы, которыми руководствовались иезуитские редакторы, работавшие не только над приближением староитальянского языка оригинала к современным лингвистическим нормам. Прежде всего видно, что редакторы иезуитского издания работали над сокращением текста, но также и структура текста подверглась изменениям. В изданных профессором Фатикой двух томах текст в большей степени похож на дневниковые записи и состоит из маленьких главок, каждая из которых обладает точной датировкой. Трехтомник же в издании иезуитов – текст другого жанра. Каждый том разделен на большие главы, в первом 22, во втором 25, а в третьем девять. Каждая глава предваряется ее кратким содержанием, точная же датировка отсутствует.

Детально сопоставив оба текста, можно увидеть, что его сокращение происходило по определенной системе: убиралось все то, что бросало тень на отцов-иезуитов или же сводилось к обострению противоречий в рамках «спора...» В подтверждение слов приведем следующие примеры из текста: «Император попросил меня рассказать о том, как умер кардинал де Турнон. Этот вопрос был вызван подозрением, что он был отравлен иезуитами»³², – читаем мы в двухтомнике. В трехтомнике же об этом сказано так: «... он был отравлен его врагами»³³; в двухтомнике читаем: «5 декабря губернатор опять получил приказ отправить в Пекин двух отцов-иезуитов, прибывших недавно математиков, отца Тилиса – богемца (чеха) и отца Кардозо – португальца, а также нас троих: господина Педрини, отца Фабри и меня. **При этом вице-король объяснил, почему нас не отправляли раньше. Мы были от его святейшества господина кардинала де Турнона, который создавал здесь большие проблемы своими постоянными заявлениями о том, что китайские ритуалы являются суеверием, что иезуиты придают им гражданское и политическое значение, а Святой Престол считает их неотделимыми от суеверия**»³⁴. Выделенный жирным фрагмент текста в трехтомнике отсутствует³⁵.

³² Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724), II, 1711–1716. Napoli, 1996. P. 3.

³³ Ripa Matteo. Op. cit. T. I. P. 374.

³⁴ Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724), I, 1705–1711. Napoli, 1991. P. 227.

³⁵ Ripa Matteo. Op. cit. T. I. P. 350.

В еще более сокращенном варианте текст «Джорнале» был издан в Англии в 1844 г.: на основе иезуитского текста был подготовлен вариант, выпущенный под названием “*Ripa Matteo, Memoirs of Father Ripa...*”³⁶ («Мемуары отца Маттео Рипы за 13 лет пребывания при дворе в Пекине в императорском Китае с рассказом о Колледже для обучения китайских учеников в Неаполе»). В этой версии оригинальный текст «Джорнале» был сокращен до степени превращения его в занимательное повествование о путешествии в Китай, изобилующее подробностями бытового порядка, на фоне отсутствия фрагментов, затрагивающих церковную и политическую проблематику.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что Маттео Рипа – человек, по воле случая услышавший молитву францисканского монаха и после этого избравший для себя священническое призвание, священник, поехавший проповедовать в далекий Китай и поначалу не знавший, где находится эта страна, человек самоотверженного труда и огромной силы воли, он был страстным мечтателем, создавшим свой колледж, продолживший существовать и после его смерти. В силу особенностей исторического момента Рипа оказался в гуще событий «спора о ритуалах», что предопределило не только его жизнь, но и судьбу посмертной памяти о нем многих последующих поколений. После себя он оставил колледж, позже ставший Восточным университетом, работающим и поныне, а также обширные воспоминания – текст «Джорнале». Видимо, сила и значение как самого Рипы, так и созданного им текста были настолько велики, что члены общества Иисуса, противником которых он так или иначе стал, уже спустя столетие «свели с ним счеты», подготовив переиздание его дневников в своей особой редакторской правке. Созданный ими, по сути, заново текст сформировал далекий от действительности образ этого итальянского священника-миссионера. Но «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным»: благодаря переизданию оригинального текста «Джорнале» мы, ныне живущие, можем восстановить историческую справедливость в отношении этого человека, желавшего быть художником, но ставшего священником.

³⁶ *Ripa Matteo. Memoirs of Father Ripa During Thirteen Years' Residence at the Court of Peking in the Service of the Emperor of China: With an Account of the Foundation of the College for the Education of Young Chinese at Naples. London, 1855.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000.
2. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VI: Династия Цин (1644–1911) / Отв. ред. О.Е. Непомнин; гл. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2014. 886 с.
3. *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002.
4. *Cohen Warren J.* The Chinese connection: Roger S. Greene, Thomas W. Lamont, George E. Sokolsky and American-East Asian relations. Columbia, 1978.
5. *Dunne G.* Generation of Giants: the Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty. Notre Dame. Indiana, 1962.
6. Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724), I, 1705–1711. Napoli, 1991.
7. Fatica Michele (Ed.). Matteo Ripa, *Giornale* (1705–1724), II, 1711–1716. Napoli, 1996.
8. *Lo-Shu Fu A.* Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820). Arizona Press, 1966.
9. *Minamiki G.* The Chinese Rites Controversy: From Its Beginnings to Modern Times. Chicago, 1985.
10. *Ripa Matteo.* Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti (Napoli: Manfredi, 1832). T. I.
11. *Ripa Matteo.* Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti (Napoli: Manfredi, 1832). T. II.
12. *Ripa Matteo.* Memoirs of Father Ripa During Thirteen Years' Residence at the Court of Peking in the Service of the Emperor of China: With an Account of the Foundation of the College for the Education of Young Chinese at Naples London, 1855.

Maria S. Kruglova

MATTEO RIPA: MISSIONARY AT THE COURT OF THE EMPEROR KANGXI

Matteo Ripa (1682–1746) was an Italian missionary priest, whose stay in China with the spiritual mission permitted him to witness two different historical events: the death of Emperor Kangxi and the of the so-called “Chinese rites controversy”, a conflict within the Catholic Church regarding to the interpretation of Chinese traditional rituals meaning. The conflict had destructive consequences for its participants, including the powerful Jesuit order. Returning home, Ripa founded the college in Naples, the first educational institution in Europe, where the study and teaching of disciplines connected with the study of the East was conducted at the academic level. Later it became the Oriental University. Ripa also wrote memoirs – “*Giornale*”. The fate of the text he left was complicated: Jesuits have done the “*Giornale*” text reprints and republished a century after the author death, subjected the text to a serious revision, which led to distortion and loss of initially author’ meanings. Having received the general distribution, the fake version of “*Giornale*”, formed in the research environment a misconception about the life and personality of Matteo Ripa, but now, thanks to the publication of the original text, we have the opportunity to restore the truth about the Italian missionary.

Key words: Matteo Ripa; “Chinese rites controversy”; catholic missions; Vatican; China.

About the author: *Maria S. Kruglova* – Junior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (RAS); Applicant, Institute of Oriental Studies (RAS) (e-mail: mashakruglova999@gmail.com).

REFERENCES

1. Dubrovskaya D.V. *Missiya iezuitov v Kitae. Matteo Richchi i drugie (1552–1775 gg.)* [Mission of the Jesuits in China. Matteo Ricci and others (1552–1775)]. M., 2000.
2. *Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t.* T. VI: Dinastiya Tsin (1644–1911) [History of China from the ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 parts], gl. red. S.L. Tikhvinskii, otv. red. O.E. Nepomnin. M., 2014. 886 s.
3. Lomanov A.V. *Khristianstvo i kitaiskaya kul'tura* [Christianity and Chinese Culture]. M., 2002.
4. Cohen Warren J. *The Chinese connection: Roger S. Greene, Thomas W. Lamont, George E. Sokolsky and American-East Asian relations.* Columbia, 1978.
5. Dunne G. *Generation of Giants: the Story of the Jesuits in China in the Last Decades of the Ming Dynasty.* Notre Dame, Indiana, 1962.
6. Fatica Michele (Ed.), *Matteo Ripa, Giornale (1705–1724), I, 1705–1711*, Napoli, 1991.
7. Fatica Michele (Ed.), *Matteo Ripa, Giornale (1705–1724), II, 1711–1716*, Napoli, 1996.
8. Lo-Shu Fu A. *Documentary Chronicle of Sino-Western Relations (1644–1820).* Arizona Press, 1966.
9. Minamiki G. *The Chinese Rites Controversy: From Its Beginnings to Modern Times.* Chicago, 1985.
10. Ripa Matteo. *Storia della fondazione della Congregazione e Storia della del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti* (Napoli: Manfredi, 1832), t. I.
11. Ripa Matteo. *Storia della fondazione della Congregazione e del Collegio de' Chinese sotto il titolo della Sagra Famiglia di Gesù Cristo, scritta dallo stesso fondatore Matteo Ripa e de' viaggi da lui fatti* (Napoli: Manfredi, 1832), t. II.
12. Ripa Matteo. *Memoirs of Father Ripa During Thirteen Years' Residence at the Court of Peking in the Service of the Emperor of China: With an Account of the Foundation of the College for the Education of Young Chinese at Naples.* London, 1855.

О.А. Наливайко

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА ЭПОХИ МЭЙДЗИ: ГЭНСАЙ МУРАИ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данная статья посвящена зарубежной и отечественной историографии изучения жизни и творчества известного японского писателя-публициста конца XIX – начала XX в. Гэнсай Мураи (1863–1927), автора «гастрономического» романа «Наслаждение от приема пищи» (*Куи до:раку*, 1903). Несмотря на то что Гэнсай Мураи оставил богатое литературное наследие, он не входит в число знаменитых писателей-просветителей эпохи Мэйдзи (1868–1912). Издание в 2004 г. подробной биографии писателя вызвало новую волну интереса к его личности и творчеству. В западных работах, как правило, встречаются лишь отдельные упоминания о Гэнсай Мураи и о его гастрономическом романе в контексте истории повседневности эпохи Мэйдзи. В данной статье приведены основные японские и западные исследования, посвященные личности и творчеству Гэнсай Мураи, а также выявлены причины отсутствия упоминаний о публицисте в отечественной историографии.

Ключевые слова: историография; история Японии; эпоха Мэйдзи; публицистика XIX–XX вв.; история повседневности; культура питания; Гэнсай Мураи; гастрономический роман.

Реставрация императорской власти в Японии в 1868 г., принятие нового политического курса и последующие реформы, направленные на широкомасштабную модернизацию страны ознаменовали наступление новой эры «просвещенного правления» – эпохи Мэйдзи (1868–1912). Япония перестала отделять себя от остального мира и начала заимствовать и переосмысливать многие традиции и достижения Запада. По мнению Луи Фредерика, французского исследователя повседневной жизни Японии в эпоху Мэйдзи, отличительной чертой японской модернизации и причиной ее успеха является то, что технические достижения и идеи Запада не насаждались правящими кругами «сверху», а, напротив, добровольно и сознательно прини-

Наливайко Оксана Александровна – аспирант кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ksankin30@yandex.ru).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «История и культура стран Востока: межкультурные контакты».

мались всем народом в адаптированном к японской повседневности виде². Существует и другая точка зрения, которой придерживался известный японский историк XX в. Иэнага Сабуро. Он отмечал, что главная цель модернизации заключалась в создании «богатого государства и сильной армии», поэтому восприятие западной культуры было прежде всего подчинено военным задачам³, для реализации которых правительство Мэйдзи проводило радикальную политику «насаждения цивилизации»⁴. Однако оба историка подчеркивают роль представителей интеллигенции в процессе модернизации. Подобно тому как любые политические изменения всегда связаны с деятельностью нескольких личностей, обладающих яркой индивидуальностью, так и социальная, и моральная стороны жизни японского общества подверглись изменению благодаря небольшому числу мыслителей⁵. Активная деятельность просветителей в самых разных сферах материальной и духовной культуры приходится на последнюю четверть XIX в.

В отечественной и зарубежной историографии можно найти исследования, посвященные жизни и общественно-политической деятельности таких просветителей и публицистов, как Ниси Аманэ (1826–1894), Накамура Масанао (1832–1891), Фукудзава Юкити (1835–1901), Накаэ Тёмин (1847–1891) и др.⁶ Интерес исследователей, как правило, прикован к первым просветителям эпохи Мэйдзи, получившим образование в Европе и занявшим ответственные посты в правительстве, что дало им возможность свободно пропагандировать свои взгляды⁷. К концу XIX в. общественные деятели, одержимые идеей полной европеизации страны, постепенно уступили место

² См.: *Фредерик Л.* Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М., 2007. С. 52.

³ См.: *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972. С. 191–192.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ См.: *Фредерик Л.* Указ. соч. С. 51.

⁶ В отечественной историографии тема публицистики периода Мэйдзи отражена в сборнике «Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX» под ред. В.Н. Горегляда (М., 1990), а также в работах Д.П. Бугаевой «Японские публицисты конца XIX века» (М., 1978), Л.Д. Гришелевой и Н.И. Чегодарь «Японская культура Нового времени» (М., 1998) и др. В западной историографии стоит отметить труды Pyle Kenneth B. «The new generation in Meiji Japan. Problems of cultural identity, 1885–1895» (California: Stanford University Press, 1969), Reitan Richard M. «Making a moral society. Ethics and state in Meiji Japan» (Honolulu, 2010) и др.

⁷ В 1873 г. было создано общество просветителей «Мэйрокуся» («Общество шестого года Мэйдзи»), куда вошли наиболее видные политические деятели, стремившиеся использовать европейские знания во благо нации (*Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И.* Японская культура Нового времени. М., 1998. С. 28.)

представителям нового поколения, требовавшим не рабского подражания Западу, а истинного возрождения нации⁸. И хотя никто не отвергал западные ценности, внимание общественности вновь сосредоточилось на духовном и культурном наследии исторического прошлого Японии. Именно на это время приходится творческая деятельность целой плеяды ярких писателей-реформаторов и литераторов, таких как Фтабатэй Симэй (1864–1909), Мори Огай (1862–1922), Цубоути Сёё (1859–1935), Нацумэ Сосэки (1867–1916) и др.⁹ На фоне произведений «высокой» литературы на второй план отходит беллетристика эпохи Мэйдзи, где, пожалуй, самой широкой популярностью пользуется имя Гэнсай Мураи (1863–1927) – писателя-беллетриста, публициста, просветителя, главного редактора газеты «*Хо:ти симбун*» – одной из крупных политических газет Японии эпохи Мэйдзи. Хотя за свои 63 года Гэнсай Мураи создал около 40 фундаментальных произведений, более 20 коротких рассказов, а также огромное количество очерков-эссе в жанре «*дзуйхицу*», рецензий и критических очерков, имя его редко встречается в отечественной и западной историографии. В японских же исследованиях он наиболее известен как автор «гастрономического» романа «Наслаждение от приема пищи» («Куи до:раку», 1903). Роман печатался в политической газете «*Хо:ти симбун*» в течение года, однако популярность его была настолько велика, что было решено выпустить сочинение отдельным изданием. Только за полгода с начала выпуска первая часть романа была издана 30 раз, а общий тираж превысил 100 тыс. экземпляров¹⁰ – весьма внушительная цифра для Японии начала XX в. Произведение Гэнсай Мураи отлично вписывалось в концепцию политики вестернизации, так как основная цель романа заключалась в ознакомлении читателя с западной цивилизацией посредством западной кухни, быта и стиля жизни. Таким образом, книга «Наслаждение от приема пищи» быстро стала своеобразным «бестселлером» эпохи Мэйдзи и принесла автору славу и признание.

Однако в современной Японии интерес к личности известного публициста начала XX в. и его «гастрономическому роману» проявился сравнительно недавно, а именно с выходом в 2004 г. биографиче-

⁸ См.: *Фредерик Л.* Указ. соч. С. 74.

⁹ Японской литературе периода Мэйдзи посвящены работы Т.П. Григорьевой (*Григорьева Т.П.* Японская литература второй половины XIX в. // История всемирной литературы: В 8 т. Т. 7. М., 1991. С. 662–675), Н.И. Конрада (*Конрад Н.И.* Очерки японской литературы. М., 1973) и др.

¹⁰ *Куроива Хисако.* Васурэта мэйдзи-но-кэймо: сё:сэцука [Забытый писатель-просветитель эпохи Мэйдзи] / Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]. Токио, 2005. Т. 1. С. 585.

ского издания «Гэнсай Мураи – создатель романа “Наслаждение от приема пищи”» («Куи до:раку-но хито Гэнсай Мураи»)¹¹. Автор книги – популярная японская писательница, мастер документальной прозы – Куроива Хисако (1958–2010). Данное издание – это единственная фундаментальная работа как в японской национальной, так и в зарубежной историографии, в которой описан творческий и духовный путь писателя-беллетриста. В основу биографии легли материалы из личного архива семьи Мураи, а также документы и информация, предоставленные Куроива Хисако сотрудниками дома-музея Гэнсай Мураи в г. Хирацука, где писатель провел последние 23 года жизни, занимаясь садоводством и селекцией. Неслучайно и название, выбранное писательницей для своей книги, – «Куи до:раку-но Гэнсай» («Гэнсай, который создал “Наслаждение от приема пищи”»). Именно такое прозвище получил публицист, когда ушел с поста главного редактора и начал вести отшельнический образ жизни в своем доме. Биография Гэнсай Мураи, созданная Куроива Хисако, была удостоена престижной японской награды в области науки и искусства – *Сантори гакуккэй сё*: (2004). Благодаря крупному японскому издательству Иванами сётэн вышло в свет новое издание романа «Наслаждение от приема пищи»¹² в двух томах с комментариями и двумя статьями Куроива Хисако, а также иллюстрациями, таблицами и другим наглядным материалом, который полностью был взят из первого прижизненного издания романа¹³.

В статье Куроива Хисако «Забывший писатель-просветитель эпохи Мэйдзи»¹⁴ рассказывается об основных вехах жизненного пути Гэнсай Мураи, в том числе и о его случайной и судьбоносной встрече с известным государственным деятелем, мастером «политической повести» и главным редактором газеты «*Хо:ти симбун*» Яно Рюкэй (1850–1931)¹⁵, под руководством которого Гэнсай Мураи начинает создавать и публиковать ранние произведения («*Котёнок*»

¹¹ Куроива Хисако. [Куи до:раку]-но хито Мураи Гэнсай (Мураи Гэнсай – создатель романа «Наслаждение от приема пищи»). Токио, 2004.

¹² Мураи Гэнсай. Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]: В 2 т. Токио, 2005.

¹³ Все четыре свитка первого издания романа «Наслаждение от приема пищи» доступны на сайте Государственной Парламентской Библиотеки. URL: Кокурицу коккай тосёкан <http://dl.ndl.go.jp/> (дата обращения: 02.02.2017).

¹⁴ Куроива Хисако. Васурэта мэйдзи-но-кэймо: сё:сэцука [Забывший писатель-просветитель эпохи Мэйдзи] // Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]. Токио, 2005. Т. 1. С. 577–589.

¹⁵ Яно Рюкэй (1850–1931) – государственный деятель Японии, мастер «политических повестей», самый известный роман – «Кэйкоку бидан» [«Сказки о суверенитете», 1883–1884].

(1891–1892), «*Солнечный остров Дэдзима*» (1896–1901) и др.)¹⁶, а вскоре занимает пост учителя и сам становится главным редактором газеты.

В другой статье Куроива Хисако – «*Философия питания, актуальная по сей день*»¹⁷ – роман «Наслаждение от приема пищи» рассматривается как первый в истории японской литературы «кулинарный роман», обращенный к широкому кругу читателей, являющийся одновременно и практическим руководством, и художественной прозой. Как отмечает автор, именно в этом произведении впервые Гэнсай Мураи использует термин «*сёку ику*» («обучение правильному питанию»), подразумевая под ним совокупность знаний о свойствах продуктов¹⁸. Таким образом, по мнению Куроива Хисако, одна из главных идей романа заключается в тезисе, что умственного развития и физического здоровья невозможно достичь без правильного питания¹⁹. Отдельные упоминания о романе «Наслаждение от приема пищи» встречаются в разных японских исследованиях, посвященных культуре питания в эпоху Мэйдзи. Например, в книге «*Европейская кухня в эпоху Мэйдзи. Как появилось блюдо тонкацу*»²⁰ автор Окада Тэцу²¹ ссылается на роман Гэнсай Мураи в главе²², посвященной истории появления на японском архипелаге блюда «*карэ-райсу*»²³.

Политика вестернизации в Японии в эпоху Мэйдзи сказывается на изменении образа женщины и ее роли в семье. Именно в это время появляются первые пособия по домоводству для женщин и целый ряд журналов для домохозяек. В основе исследования Исида Аю «*Роман “Куи до:раку”*». *Образ потребителя эпохи Мэйдзи глазами писателя*

¹⁶ Куроива Хисако. Васурэта мэйдзи-но-кэймо: сё:сэцука [Забытый писатель-просветитель эпохи Мэйдзи]. Указ. соч. С. 580–581.

¹⁷ Куроива Хисако. Гэндай ни цу:дзиру сёку-но-сисо: [Философия питания, актуальная по сей день] // Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]. Токио, 2005. Т. 2. С. 555–567.

¹⁸ Там же. С. 565.

¹⁹ Там же. С. 565–566.

²⁰ Тонкацу – блюдо японской кухни, представляющее собой зажаренную во фритюре свиную отбивную.

²¹ Окада Тэцу. Мэйдзи ё:сёку кото хадзимэ. Тонкацу-но тандзё: [Европейская кухня в эпоху Мэйдзи. Как появилось блюдо тонкацу]. Токио, 2012.

²² Там же. С. 220.

²³ Карэ-райсу (дословно – «карри с рисом») – японское блюдо на основе соуса карри, который используется в качестве приправы к рису. Индийскую приправу карри в эпоху Мэйдзи на японский архипелаг завезли англичане, поэтому первоначально блюдо карэ-райсу считалось блюдом западной кухни-ёсёку. В наше время карэ-райсу считается одним из самых популярных блюд японской кухни. Однако любопытно, что карэ-райсу является единственным блюдом японской кухни, которое до сих пор принято есть европейским прибором (ложкой), а не палочками.

Гэнсай Мураи»²⁴ положены статьи, опубликованные Гэнсай Мураи во время его работы в одном из самых первых женских журналов – «*Фудзин сэкаи*» («Мир женщин»). Автор прослеживает изменения образа домохозяйки с наступлением эпохи Нового времени, а также рассказывает о причинах успеха блюд западной кухни и о культивировании идеи здоровой домашней пищи в печатных изданиях, в первую очередь – женских журналах.

Упоминание имени Гэнсай Мураи и его романа в японской историографии обычно встречается в работах, посвященных теме влияния западной культуры на повседневную жизнь Японии эпохи Мэйдзи. Японские исследователи приходят к единогласному мнению, что воспитанный в строгих традициях конфуцианства писатель увлекся западной культурой, особенно кухней, во время поездки в Америку в 1884 г. в возрасте 20 лет. О его жизни в Сан-Франциско и Окленде (штат Калифорния) известно немного. Будущий писатель жил в семье русских эмигрантов, подрабатывал посудомойщиком, давал частные уроки, работал на табачном заводе, в свободное время занимался изучением английского языка²⁵. Многие рецепты западных блюд, которые вошли в роман «Наслаждение от приема пищи», автор узнал во время своего путешествия в Америку, да и карьера писателя началась с опубликованного в японской газете в 1888 г. эссе «*Калифорния*». Однако на Западе о Гэнсай Мураи заговорили в 1904 г., когда на английский язык были переведены его романы «*Хана*» и «*Богач Кибун*». Считается, что политический патетический роман «*Хана*», написанный Гэнсай Мураи в разгар русско-японской войны, вдохновил Марка Твена на создание в 1905 г. рассказа «*Военная молитва*». Кевин Мак Доннелл, известный американский коллекционер антикварных книг и рукописей, в своей статье «*Марк Твен и Гэнсай Мураи. Японский прототип “Военной молитвы”*»²⁶ сопоставляет два произведения, выявляет и анализирует схожие образы, к которым прибегают оба писателя. Английское издание романа «*Хана*» из личной библиотеки Марка Твена в настоящее время находится в частной коллекции Кевина Мак Доннелла²⁷.

²⁴ *Исида Аю*. Куи до:раку сакка. Гэнсай Мураи ни миру сё:хися кё:ику [«Роман «Куи до:раку» Образ потребителя эпохи Мэйдзи глазами писателя Гэнсай Мураи»] // Кё:то сякай гакунэнхо: [Киотосский журнал по социологии]. 2000. № 8. С. 31–50.

²⁵ *Куроива Хисако*. Васурэта мэйдзи-но-кэймо: сё:сэцука [Забывтый писатель-просветитель эпохи Мэйдзи] // Указ. соч. С. 582.

²⁶ *Mac Donnell K.* Mark Twain and Gensai Murai: A Japanese Inspiration for ‘the War-Prayer’ // *Journal of Transnational American Studies*, 1(1), Article 23 (2009).

²⁷ *Ibid.* P. 44.

В западной историографии в первую очередь необходимо выделить работу австралийского филолога, специалиста по современной японской литературе Томоко Аояма «Тема еды в японской литературе Нового времени»²⁸. Исследователь рассматривает роман «Наслаждение от приема пищи» как один из самых ранних примеров произведения, написанного в жанре «гастрономического романа». По мнению Томоко Аояма, главная отличительная черта романа Гэнсай Мураи заключается в том, что изначально произведение создавалось не для узкого элитарного круга читателей, а для широкой публики. Когда в 1905 г. популярный роман был превращен в пьесу и поставлен в театре, зрители смогли не только наблюдать сцены приготовления блюд во время спектакля, но и попробовать их на вкус. Таким образом, роман «Наслаждение от приема пищи» является ярким примером того, как в начале XX в. художественная литература могла быть тесно связана со средствами массовой информации и массовой культурой. Томоко Аояма уверена, что, если бы Гэнсай Мураи родился на несколько десятилетий позже, то вместо романа он выбрал бы для своего творчества формат кино, телепередачи или комиксов-манга²⁹. Австралийский исследователь видит ключ к массовому успеху произведения именно в самом жанре «гастрономического романа», ведь от простого кулинарного сборника рецептов его отличает наличие фабулы³⁰. Все советы по правильному использованию продуктов, так же как и философские размышления автора на тему иррациональных пережитков прошлого и необходимости заимствования некоторых элементов западной культуры, интегрированы в самую банальную историю любви.

Роман «Наслаждение от приема пищи» упоминается в исследовании английского ученого японского происхождения Тамари Томоко «Значение кулинарии. Повседневная жизнь и эстетика в Японии в эпоху Мэйдзи»³¹. Автор затрагивает тему формирования нового образа домохозяйки в Японии в конце XIX в., когда в рамках национальной политики стало считаться, что каждая женщина должна родить, вырастить и воспитать здоровых и сильных представителей «новой японской нации». С этой точки зрения кулина-

²⁸ Aoyama T. Reading Food in Modern Japanese Literature. Honolulu, 2008.

²⁹ Ibid. P. 133.

³⁰ Ibid. P. 136.

³¹ Tamari T. The Meanings of Cookery: Everyday life and Aesthetics in Meiji Japan / International Conference of Asian Food Study. Zhejiang Gongshang University, China [Conference or Work Item]. Goldsmiths Research Online, 2013. URL: <http://research.gold.ac.uk/10734/> (accessed 15.02.2017).

рия стала рассматриваться как совокупность знаний, необходимых каждой женщине в стране. Именно с этим связано появление первых курсов по домоводству и первых женских кулинарных школ. Роман «Наслаждение от приема пищи», по мнению автора статьи, полностью вписывался в новую государственную концепцию создания «здоровой и просвещенной нации»³².

Известный американский исследователь японской культуры питания Эрик Рат в докладе «*Об интернациональной кухне в Японии. Роман Гэнсай Мураи “Куи до:раку”, 1903*»³³ придерживается мнения, что главной целью публициста было создать в Японии интернациональную кухню, иными словами, усовершенствовать японские традиционные блюда, руководствуясь основными принципами западной кухни. Эрик Рат полагает, что роман «Наслаждение от приема пищи» необходимо рассматривать в контексте политики вестернизации, проходившей под лозунгом «*бунмэй кайка*» («Цивилизация и Просвещение»), где под понятием «цивилизация» подразумевался Запад. По мнению исследователя, роман Гэнсай Мураи являлся уникальным образовательным пособием по западному стилю и образу жизни, пособием, которое должно было привнести «цивилизацию» в повседневную жизнь японцев эпохи Мэйдзи.

Гастрономический роман Гэнсай Мураи упоминается и в статье, посвященной обзору истории франко-японских отношений, на сайте японской Национальной парламентской библиотеки³⁴. Особое место в истории франко-японских отношений отводится знакомству японцев с французской кухней. В статье приводится подробная информация о японских кулинарных сборниках и трактатах, посвященных западной кухне, а также рассказывается о первых ресторанах, предлагающих самые разные блюда французской, немецкой и британской кухни. Данный интернет-ресурс представляется весьма ценным источником, так как содержит несколько оцифрованных коллекций изображений и кулинарных сочинений, а также выходные данные первых японских кулинарных пособий по западной кухне.

К сожалению, в отечественной историографии как дореволюционной, так и современной обнаружить упоминаний романа Гэнсай

³² Op. cit. P. 15.

³³ Rath E. Writing an “International” Cuisine in Japan: Murai Gensai’s 1903 Culinary Novel Kuidōraku. To be presented at the conference Culinary Nationalism in Asia, March 30-April 1, 2017, University of North Carolina (UNC) at Chapel Hill. Available at: https://www.academia.edu/Profile:Eric_C._Rath,_University_of_Kansas.

³⁴ Adoration for the “Sweet France” / National Diet Library, Japan. URL: <http://www.ndl.go.jp/france/en/column/s2.html> (accessed 03.03.2017).

Мураи не удалось. Доктор филологических наук, профессор Университета иностранных языков в г. Кобэ (Кобэ-си гайкокуго дайгаку) Л.М. Ермакова подчеркнула в беседе, что роман «Наслаждение от приема пищи» вряд ли когда-нибудь вновь будет столь популярным, каким он был в начале XX в. Ведь с момента первого издания в 1903 г. рецепты, приведенные в книге, сильно устарели и потеряли свою актуальность.

Таким образом, наше исследование «Гэнсай Мураи и его гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи»³⁵, вероятно, является первой попыткой в отечественной историографии рассмотреть личность публициста и его книгу.

В работах японских и западных исследователей часто можно встретить фразу, что в современной Японии редко вспоминают о Гэнсай Мураи и его литературном наследии. Хотя в настоящее время в г. Хирацука и проводится ежегодный фестиваль в память о крупном писателе-публицисте конца XIX – начала XX в., его популярность носит, скорее, локальный характер. Однако выход в 2004 г. подробной биографии писателя, а затем переиздание романа в 2005 г. свидетельствуют о возрастающем интересе к творчеству Гэнсай Мураи среди японских и западных историков, филологов и культурологов, которые находят в романе «Наслаждение от приема пищи» отражение новых идеалов японской культуры эпохи Мэйдзи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Японская культура Нового времени. М., 1998.
2. *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. М., 1972.
3. *Наливайко О.А.* Гэнсай Мураи и его гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи» // История и культура традиционной Японии (9). Т. 65. М., 2016. С. 301–309.
4. *Фредерик Л.* Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М., 2007.
5. *Aoyama T.* Reading Food in Modern Japanese Literature. Honolulu, 2008.
6. *Mac Donnell K.* Mark Twain and Gensai Murai: A Japanese Inspiration for the «War-Prayer» // Journal of Transnational American Studies. 1(1), Article 23 (2009).
7. *Rath E.* Writing an “International” Cuisine in Japan: Murai Gensai’s 1903 Culinary Novel *Kuidōraku*. To be presented at the conference Culinary Nationalism in Asia, March 30–April 1, 2017, University of North Carolina (UNC) at Chapel Hill. URL: <https://www.academia.edu/Profile: Eric C. Rath, University of Kansas>.
8. *Tamari T.* The Meanings of Cookery: Everyday life and Aesthetics in Meiji Japan // International Conference of Asian Food Study. Zhejiang Gongshang University, China. [Conference or Work Item]: Goldsmiths Research Online, 2013. URL: <http://research.gold.ac.uk/10734/> (accessed 15 February 2017).
9. The National Diet Library Link. Adoration for the “Sweet France” // National Diet Library, Japan. URL: <http://www.ndl.go.jp/france/en/column/s2.html> (accessed 03 March 2017).

³⁵ *Наливайко О.А.* Гэнсай Мураи и его гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи» // История и культура традиционной Японии (9). Т. 65. СПб., 2016. С. 301–309.

10. *Исида Аю*. Куи до:раку сакка. Гэнсай Мураи ни миру сё:хися кё:ику [«Роман “Куи до:раку” Образ потребителя эпохи Мэйдзи глазами писателя Гэнсай Мураи»] // Кё:то саякй гакунэнхо [Киотосский журнал по социологии]. 2000. 8: 31–50. (на яп.)
11. *Куроива Хисако*. Васурэта мэйдзи-но-кэймо: сё:сэцука [Забытый писатель-просветитель эпохи Мэйдзи] // Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]. Т. 1. Токио, 2005. С. 577–589. (на яп.)
12. *Куроива Хисако*. Гэндай ни цу:дзиру сёку-но-сисо: [Философия питания, актуальная по сей день] // Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]. Т. 2. Токио, 2005. С. 555–567. (на яп.)
13. *Куроива Хисако*. Куи до:раку-но хито Мураи Гэнсай [Мураи Гэнсай – создатель Куи до:раку]. Токио, 2004. С. 585. (на яп.)
14. *Мураи Гэнсай*. Куи до:раку [Наслаждение от приема пищи]: В 2 т. Токио, 2005. (на яп.)
15. *Окада Тэцу*. Мэйдзи ё:сёку кото хадзимэ. Тонкацу-но тандзё: [Европейская кухня в эпоху Мэйдзи. Как появилось блюдо тонкацу]. Токио, 2012. (на яп.)
16. Кокурицу коккай тосёкан дидзитару корёкусён [Электронная библиотека парламента Японии]. URL: <http://dl.ndl.go.jp/> (дата обращения: 02.02.2017). (на яп.)

Oksana A. Nalivayko

GENSAI MURAI: FORGOTTEN NAMES OF THE MEIJI JAPAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the historiography of books and life of the Japanese writer and publicist Gensai Murai (1863–1927), the author of the well-known novel “Gourmandism” (*Kuido:raku*, 1903). Despite the fact that Gensai Murai left *rich literary legacy*, he is not considered to be one of the famous writers and enlighteners of the Meiji period (1868–1912). Although the gastronomical novel “Gourmandism” gained success and was one of the best-selling books of the early twentieth century, nowadays many people in Japan do not recognize his name and there are limited number of research papers about the personality of Gensai Murai and his works. This article presents the main Japanese, Western and Russian historiography on Gensai Murai and his novel as well as dwells on the reasons of gradually growing interest in the forgotten Japanese writer’s life and works.

Key words: historiography on Meiji period; publicistic writing in Meiji Japan; the culture of everyday life; Gensai Murai; the gastronomical novel.

About the author: *Oksana A. Nalivayko* – post-graduate student of the Department of Japanese history and culture, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ksankin30@yandex.ru).

REFERENCES

1. Grishelyova L.D., *Chegodar' N.I. Yaponskaya kul'tura novogo vremeni* [The culture of the modern Japan]. Moskva, 1998 (in Russ.)
2. Ienaga S. *Istoriya yaponskoj kul'turi* [The history of Japanese culture]. Moskva, 1972 (in Russ.)

3. Nalivayko O.A. Gensai Murai i jego gastronomicheskij roman “Naslazhdenije ot prijoma pishchi” [Gensai Murai and his gastronomical novel “Gourmandism”]. *Istoriya i kul'tura traditsionnoj Yaponii* (9), Volume (65). Moskva, 2016, pp. 301–309. (in Russ.)
4. Frederic L. *Povsednevnyaya zhizn' Yaponii v epochu Meidzi* [The everyday life in Japan in the Meiji period]. Moskva, 2007. (in Russ.).
5. Aoyama T. *Reading Food in Modern Japanese Literature*. Honolulu, 2008.
6. Ishida A. *Kui dōraku* sakka. Gensai Murai ni miru shōhisha kyōiku [The Modern Image of the Consumer. According to a Novelist Murai Gensai in the Meiji Era]. *Kyōto shakai gakunenhō: KJS = Kyoto journal of sociology* (2000), 8: 31–50 (in Jap.)
7. *Kokuritsu kokkai toshokan dijitaru korekushon* (National Diet Library Digital Collections). URL: <http://dl.ndl.go.jp/> (accessed 02.02.2017). (in Jap.)
8. Kuroiwa H. Gendai ni tsūjiru *shoku-no shisō*. (The philosophical ideas of healthy diet in present-day life). *Kui dōraku (The Gourmandism). Volume (2)*, pp. 555–567. Tokyo, 2005. (in Jap.)
9. Kuroiwa H. *Kui dōraku-no hito Murai Gensai* [Murai Gensai. The author of *Kui dōraku*]. Tokyo, 2004. (in Jap.)
10. Kuroiwa H. Wasureta meiji-no keimō shōsetsuka [The forgotten writer and enlightener of the Meiji Era]. *Kui dōraku (The Gourmandism). Volume (1)*, pp. 577–589. Tokyo, 2005. (in Jap.)
11. Mac Donnell K. Mark Twain and Gensai Murai: A Japanese Inspiration for “the War-Prayer”. *In Journal of Transnational American Studies*, 1(1), Article 23 (2009).
12. Murai G. *Kui dōraku (The Gourmandism)*. Tokyo, 2005. (in Jap.)
13. Okada T. *Meiji yōshoku koto hajime. Tonkatsu-no tanjō* (The European cuisine in Meiji Japan. The emergence of *tonkatsu*-dish). Tokyo, 2012. (in Jap.)
14. Rath E. Writing an “International” Cuisine in Japan: Murai Gensai's 1903 Culinary Novel *Kuidōraku*. *To be presented at the conference Culinary Nationalism in Asia, March 30-April 1, 2017, University of North Carolina (UNC) at Chapel Hill*. URL: <https://www.academia.edu/Profile: Eric C. Rath, University of Kansas>.
15. Tamari T. The Meanings of Cookery: Everyday life and Aesthetics in Meiji Japan / International Conference of Asian Food Study. Zhejiang Gongshang University, China. [Conference or Work Item]: *Goldsmiths Research Online*. URL: <http://research.gold.ac.uk/10734/> (accessed 15 February 2017).
16. *The National Diet Library Link. Adoration for the “Sweet France”*. National Diet Library, Japan. URL: <http://www.ndl.go.jp/france/en/column/s2.html> (accessed 03 March 2017).

М.Н. Старикова

**ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В МУСУЛЬМАНСКОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНДИЙСКОГО ШТАТА УТТАР-ПРАДЕШ)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Мусульмане составляют одну из наиболее отсталых религиозных общин современной Индии. Их низкое социально-экономическое положение в обществе обуславливает невысокий уровень грамотности, и в особенности это касается женщин. Ситуация в области образования наиболее слабая на севере Индии, в частности, в штате Уттар-Прадеш – самой густонаселенной (200 млн человек по состоянию на 2011 г.) административно-территориальной единице Индии. Проживающие там мусульманки в большинстве случаев не имеют возможности посещать учебные заведения, которые расположены далеко от мусульманских анклавов: это во многом обусловлено крайней напряженностью в межконфессиональных (индусско-мусульманских) отношениях, имеющей следствием нарастание атмосферы страха и недоверия в регионе. Несмотря на целый ряд принятых в 2000-х годах программ для мусульманских женщин по улучшению условий и качества их образования, серьезных результатов пока не удалось достигнуть.

Ключевые слова: мусульманская община; гендерный фактор; уровень грамотности; Уттар-Прадеш.

Мусульманская община² Индии занимает второе место в стране по численности (после индусов) и по данным переписи

Старикова Мария Николаевна – аспирант кафедры истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: starikova-mary94@gmail.com).

¹ Статья подготовлена в рамках НИР ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Религиозные системы Востока: традиции и современность».

² Данное понятие применяется в индийском контексте условно: мусульманские общины, проживающие в разных частях страны, сильно отличаются друг от друга по этническим, лингвистическим, социокультурным и иным параметрам. Как отмечал российский индолог Б.И. Ключев, «разные по численности и удельному весу группы мусульман расположены вкраплениями в различных этнолингвистических и конфессиональных средах, что неизбежно накладывает на каждые из таких групп своеобразный отпечаток». *Ключев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. М., 2002. С. 55.

2011 г.³ объединяет 172,2 млн человек или 14.6% населения страны. За десятилетие она выросла на 24.64%: по состоянию на 2001 г. в Индии проживало около 138 млн последователей ислама. Практически половина (47%) мусульман сосредоточена в трех густонаселенных северных штатах: в хиндиязычных Уттар-Прадеше и Бихаре, а также в Западной Бенгалии, причем только на Уттар-Прадеш с его 200-миллионным населением приходится 38,5 млн мусульман (19,2% жителей штата). В рамках этой административно-территориальной единицы они также расселены неравномерно, но практически всюду представляют собой конфессиональное меньшинство; лишь в дистрикте Рампур мусульмане составляют 51%.

По состоянию на 2011 г. грамотными являются 67.6% индийских мусульман при среднеиндийском показателе в 74%, в то время как процент грамотности среди женской части общины еще ниже – 62%⁴ (65,5% в среднем по Индии). Начальные классы школы заканчивает лишь 19.3% мусульманских девочек, а высшее образование получают всего 3.9% девушек⁵. Учитывая это, правительство Индии и мусульманские политические и общественные деятели осознают важность разработки и проведения соответствующих программ для улучшения ситуации в области образования, однако ощутимых результатов их действия пока не приносят. В настоящей статье пойдет речь о проблемах, препятствующих мусульманкам в получении достойного образования в современной Индии.

С 1961 г. проводившиеся в Индии раз в десятилетие переписи неизменно фиксировали значительную разницу в уровне образования трех категорий населения мусульман, зарегистрированных каст и племен, а также «прочих [религиозных] меньшинств»⁶. Согласно исследованиям, выполненным в середине 2000-х годов авторитетной

Другой отечественный исследователь А.Г. Бельский также справедливо указывал, что многие в индийской научной и политической литературе ошибочно рассматривают последователей ислама не сквозь призму существующий в мусульманской общине различных социально-экономических слоев и классов, региональных особенностей, лингвистических и культурных групп, а в качестве компактной и внутренне сплоченной общности. *Бельский А.Г. Мусульманский коммунизм в Индии: возникновение, идеология и политика. Научно-аналитический обзор, Академия наук СССР. М., 1988. С. 36.*

³ Официальный сайт переписи населения Индии. URL: www.censusindia.gov.in

⁴ URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html

⁵ Ibidem.

⁶ Сюда входят христиане, парсы, буддисты и др. Уровень грамотности этой категории населения был и остается ниже соответствующего показателя в среде индусов (если учитывать данные по средним и высоким кастам), но выше показателя по мусульманам.

государственной комиссией Сачара, фокусно изучавшей положение мусульманской общины в Индии, разрыв между мусульманами и «прочими меньшинствами» в городах демонстрировал тенденцию к сокращению, но в сельской местности показатели оставались примерно на том же уровне⁷. При этом темпы роста грамотности среди зарегистрированных каст и племен в последние десятилетия заметно возросли по сравнению с аналогичным показателем в среде мусульман⁸.

Исследователи⁹ называют целый ряд причин, объясняющих отсталость последователей ислама в сфере образования. В их числе: бедность большинства мусульман Индии; большие размеры семей; отсутствие надлежащего образования преподавательского состава; неграмотность родителей; недостаток средств в мусульманских школах для организации адекватного образовательного процесса; устаревшие методы обучения в школах; недостаточный уровень профессионально-технического образования; неправильная социальная политика мусульманских лидеров; невысокий образовательный уровень в мусульманских институтах. Особо отмечается нехватка школ для девочек и в целом неодобрительное отношение в семьях к их обучению.

Неудивительно, что в мусульманской среде остро стоит проблема гендерного неравенства при получении образования. Данные комиссией Сачара свидетельствуют, что по уровню женской грамотности наибольший разрыв в показателях между религиозными общинами характерен для городов. Проживающие в городах мусульманки менее образованы¹⁰ по сравнению с женщинами из других общин – при том, что они обладают равными условиями для получения образования¹¹.

⁷ Sachar Committee Report. Social, Economic and Educational Status of the Muslim Community of India, Prime Minister's High Level Committee. Cabinet Secretariat Government of India. New Delhi, 2006. P. 54.

⁸ Ibidem.

⁹ Например: *Chanana K.* The dialectics of tradition and modernity and women's education in India // *Sociological Bulletin*. 1990. 39 (1&2). P. 75–91; *Dwarkanath H.D.* Policies and programmes to improve school education in rural India – A critical evaluation // *Social Action*. 2002. 52. P. 399–411; *Siddiqui M.H.* Educational Backwardness of Muslims in India and its Possible Remedies // *Indian Journal of Applied Research*. Vol. 2. Issue: 3 December. 2012. P. 50–53.

¹⁰ Уровень грамотности мусульманских женщин составляет 55%, в то время как у индусов он равен 68, христиан – 81, сикхов – 73, буддистов – 70,5, джайнов – 86,2%. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html

¹¹ Sachar Committee Report... P. 53.

Исключением являются южные штаты Индии, прежде всего Тамилнаду и Керала, где разница в грамотности между религиозными группами минимальна

В сельской местности этот разрыв меньше, но и общий уровень женской грамотности намного ниже. На уровень образования мусульман, проживающих вне городов, значительное влияние оказывает ограниченность доступа к школам, дающим качественное образование. Посещаемость школ также определяется развитостью местной инфраструктуры (возможность добираться до школ и пр.); из-за часто встречающихся недостатков в этой области медресе нередко оказываются единственными образовательными учреждениями в сельских районах, где проживают мусульмане. Однако повсеместно медресе посещает лишь небольшое количество последователей ислама (не более 5% мусульман школьного возраста¹²; в основном мальчики¹³); большинство отдают предпочтение светскому образованию, предоставляющему в перспективе бóльшие возможности для устройства на работу.

Фактором, препятствующим мусульманам в особенности мусульманским девушкам в получении высшего образования, является малодоступность банковских кредитов, а также недоверие самих мусульман по отношению к системе кредитования из-за их религиозных взглядов¹⁴. Процесс получения ссуд очень сложен. Одна из причин состоит в том, что большинство мусульман не могут предоставить банку гарантии о возврате кредита, для того чтобы получить ссуды на обучение. Несмотря на правительственные указы, индийские банки с неохотой дают кредиты мусульманам в случае отсутствия твердых гарантий со стороны потенциальных получателей кредита на последующую выплату ссуд. В результате те мусульмане, которые могли бы претендовать на поступление на курсы по профессиональной подготовке кадров, не могут получить банковскую поддержку и вынуждены отказываться от своих планов¹⁵.

Осознавая острую и многомерность проблемы образования в стране, в последние десятилетия правительство Индии принимало

как в городах, так и в сельской местности. Во многом это связано с общим высоким уровнем грамотности в южной части страны, а также с ролью местных мусульманских политических организаций и объединений в выработке и реализации конструктивных программ по улучшению социально-экономического положения членов своей общины.

¹² Sachar Committee Report... P. 77.

¹³ Existing System of Madrasa Education in India. URL: <http://www.deoband.net/blogs/existing-system-of-madrasa-education-in-india>

¹⁴ Ahmad M. Educational uplift of Indian Muslims: a national priority. URL: http://www.iosworld.org/educational_uplift_of_indian_muslim.htm

¹⁵ Ibidem.

серьезные шаги для улучшения ситуации в сфере образования, однако большинство мер лишь частично затронули мусульманскую общину. Так, в 2004 г. была образована Национальная комиссия по образовательным учреждениям для меньшинств (National Commission for Minority Educational Institutions, NEMEI), которая призвана давать рекомендации центральному и штатовским правительствам по любым вопросам, касающимся сферы образования и учреждения образовательных заведений для мусульманской общины¹⁶. В 2006 г. были созданы Национальный комитет по мониторингу образования среди меньшинств (National Monitoring Committee for Minority Education, NMCME) и Министерство по делам меньшинств, играющее важную роль в вопросах планирования, координации и разработки программ по улучшению положения меньшинств, в том числе и в области образования.

Министерство по делам меньшинств разработало и начало воплощать с 2013 г. стратегию по развитию таких групп населения с особым учетом гендерного фактора. В рамках этой стратегии девушкам из общин меньшинств предоставляются стипендии, и минимум 30% мест в образовательных учреждениях закрепляются за ними¹⁷. Также стипендии девочкам, обучающимся в 11 и 12 классах школ, предоставляет образовательный фонд Мауланы Азада¹⁸ (автономная структура при министерстве). Тем не менее отсталость в образовании по-прежнему является одной из основных забот мусульманской общины.

Наиболее тяжелая ситуация с общим уровнем грамотности и образования женщин наблюдается в хиндиязычном ареале на севере страны, в первую очередь в вышеупомянутом *штате Уттар-Прадеш* – самой густонаселенной административно-территориальной единице Индии, где доля мусульманского населения составляет 19.2% при среднеиндийском показателе 14.2%. По индексу развития человеческого потенциала в 2012 г. Уттар-Прадеш занимал последнее место

¹⁶ Narula M. Educational Development of Muslim Minority: With Special Reference to Muslim Concentrated States of India // Journal of Education and Research. March 2014. Vol. 4. No. 1. P. 93–108.

¹⁷ Muslim Women in Uttar Pradesh are Least Educated Group in India. January 15. 2014. URL: <http://islamicvoice.com/muslim-women-in-uttar-pradesh-are-least-educated-group-in-india/>

¹⁸ Маулана Абул Калам Мухуддин Ахмад Азад (1888–1958) – индийский политический деятель, один из лидеров движения за независимость Индии и сторонник индусско-мусульманского единства. В 1947 г. стал министром образования Индии.

среди всех штатов страны¹⁹; уровень грамотности населения штата составляет 67.68 %, а женской грамотности – 57.18 (в 2001 г. – 42%). Уровень грамотности мусульман в штате – 48.71%; мусульманских женщин – 41.95%. Таким образом, показатель женской грамотности в Уттар-Прадеше ниже среднего по стране более чем на 8%²⁰.

В штате немало дистриктов (районов), где уровень грамотности женщин не превышает 30% (Балрамपुर, Бахраич, Рампур, Гонда), а наименьший уровень грамотности (15.21%) зафиксирован в дистрикте Шравастии²¹ на границе с Непалом. В первую очередь это обусловлено уровнем экономического развития дистриктов: в более индустриально развитых западных дистриктах Уттар-Прадеша образование доступнее, чем в приграничных с Непалом и ориентированных на традиционное (кустарное) производство районах.

По данным Министерства по делам меньшинств Индии (2014), то обстоятельство, что мусульманки Уттар-Прадеша составляют наименее образованную группу населения страны, во многом обусловлено исторически – чрезвычайной бедностью мусульманской общины штата, состоящей в основном из некогда принявших ислам низкастовых групп населения²². В связи с этим родители чаще всего не могут позволить себе ни оплачивать обучение в частных школах, ни обучать детей на дому; часто девочки остаются следить за своими младшими братьями и сестрами, пока родители работают. В штате мало государственных школ для девочек, к тому же большинство из них находится далеко от мусульманских районов, и при них нет общежитий. Также из-за увеличившегося с 1990-х годов количества коммуналистских (индусско-мусульманских) столкновений²³ девушки зачастую вынуждены оставаться дома, опа-

¹⁹ Mukherjee S., Chakraborty D., Sikdar S. Three Decades of Human Development across Indian States: Inclusive Growth or Perpetual Disparity? National Institute of Public Finance and Policy, No. 2014–139. New Delhi, 2014. P. 15.

²⁰ Literacy rate Male and Female India 2011. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011-prov-results/data_files/india/Final_PPT_2011_chapter6.pdf

²¹ Sheikh M. U. D., Jahan D. Q. Op. cit. P. 58.

²² Muslim Women in Uttar Pradesh are Least Educated Group in India, January 15, 2014. URL: <http://islamicvoice.com/muslim-women-in-uttar-pradesh-are-least-educated-group-in-india/>

²³ Ключевую роль в нарастании коммуналистских настроений сыграл затяжной конфликт из-за территории в Айодхье, на которой располагалась мечеть Бабура. Индусы полагают, что до строительства мечети в XVI в. в Айодхье находился индусский храм на месте рождения бога Рамы, который был разрушен при завоевателе Бабуре. Ряд индусских организаций развернули движение за воссоздание храма. Первоначальным итогом этого движения стало разрушение мечети в 1992 г.,

саясь добираться до школы на общественном транспорте²⁴. По этой причине многие девушки не завершают школьное образование или не получают его вовсе.

Некоторые исследователи отмечают, что первичным фактором, влияющим на уровень образованности мусульманок как в Уттар-Прадеше, так и вне его, является консервативность религиозной традиции и стремление родителей ограничить своих дочерей рамками дома и семьи²⁵. Согласно исламским традиционным представлениям, девочки не могут учиться в общественных учреждениях²⁶. Кроме того, в среде мусульман Уттар-Прадеша довольно часто встречается убеждение в том, что образование в первую очередь необходимо мужчинам, для женщин же оно необязательно. В целом такие стереотипы характерны для мусульман, в основном занятых в кустарном производстве и сельском хозяйстве штата. В то же время в вышеупомянутом докладе комиссии Сачара отмечается, что данные утверждения являются всего лишь одним из мифов, приписываемых мусульманской общине²⁷: последователи ислама, напротив, стремятся дать должное образование детям, включая дочерей, но ввиду социально-экономических проблем и/или сложностей с инфраструктурой, они в большинстве случаев вынуждены отказываться от своей мечты²⁸.

Важным фактором, препятствующим получению образования мусульманками в Уттар-Прадеше, является несоответствие школ требованиям и стандартам, предписанным государством, ввиду чего девочки чаще всего не посещают их. Как показано в ряде работ²⁹,

приведшее к обострению межконфессиональных отношений по всей стране и дальнейшему затягиванию судебного процесса, который начался еще в середине XX в. Тимофеева М.В. Конфликт в Айодхье: история вопроса и современное состояние // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2014. № 1. С. 73.

²⁴ *Sheikh M.U.D., Jahan D.Q.* Literacy Rate of Muslim Women in Uttar Pradesh (India) // *Educationia Confab.* Vol. 2. 2013. No. 4. April. P. 52–61.

²⁵ *Begum R.* Education and Muslim women in rural West Bengal: A case study in two villages. In *Siddiqui M.A.* (ed.), *Muslims in free India: Their social profile and problems.* New Delhi, 1998. P. 98–109.

²⁶ *Ruhela S.P.* (Ed.). *Empowerment of the Indian Muslim women.* New Delhi, 1998. P. 1–21.

²⁷ Sachar Committee Report... P. 85.

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Abidi A., Abbas S.* Educational marginalization of Muslim in a metropolitan: A sociological study of Jamia Nagar Government Schools // New Delhi. *Islam and Muslim Societies: A social Science Journal.* 2011. 4 (1). P. 1–12; *Husain S.* Educational attainment of Muslim women in India: Obstacles and interventions. In A. Waheed (ed.). *Minority education in India: Issues of access, equity and inclusion.* New Delhi, 2010. P. 52–69.

среди наиболее важных причин отсталости в сфере образования мусульманок фигурирует халатное отношение правительства к выполнению программ по налаживанию инфраструктуры, строительству ограждений вокруг школ, библиотек, общежитий и т.д. Недостаток женского персонала в школах также является одной из причин нежелания отправлять девочек из мусульманских семей в учебные заведения: мусульмане в большинстве своем не хотят отдавать дочерей в школы, где практикуется смешанная форма обучения или же где большинство преподавателей – мужчины. По этим же причинам высшее образование в Уттар-Прадеше имеет только 3.9% мусульманок³⁰.

Отсталость мусульман Уттар-Прадеша как в экономическом плане, так и в сфере образования обусловлена многими факторами. Помимо вышеупомянутого низкокастового происхождения многих последователей ислама в Северной Индии, исследователи также часто отмечают и другие исторические обстоятельства, в частности, относительную пассивность мусульман в борьбе за независимость, их оппозицию британской системе образования и, как следствие, ориентацию на создание большего количества своих учебных заведений – медресе³¹. В независимой Индии такие «внешние» для общины факторы, как весьма распространенные в северной части страны кампании коммуналистских организаций по «демонизации» и поношению мусульман, негативное отношение к ним со стороны полиции и правоохранительных органов, а также, как правило, местной администрации во время межконфессиональных столкновений, дискриминация в государственных учреждениях и необъективность средств массовой информации при освещении проблем общины, сказывались и продолжают сказываться на ухудшении положения мусульман³². Это, в свою очередь, отталкивает многих мусульман от посещения государственных или созданных членами других общин частных школ, где мусульманские девочки нередко сталкиваются с негативным отношением к себе.

При справедливости таких аргументов внутриобщинные факторы все же представляются более значимыми и опасными. Например, политолог Дж. Абдельхалим в их числе называет в целом безраз-

³⁰ URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html

³¹ Abdelhalim J. Spaces for Jihād: Indian Muslims and Conceptions of Citizenship. Ruprechts-Karls University Heidelberg, 2012. P. 163.

³² Ibidem.

личное отношение мусульман к образованию, в частности, в женской среде, слабую мотивацию к новым достижениям, разобщенность и распри между членами общины, их недостаточно активное участие в жизни общины, безынициативность и отсутствие стремления к самосовершенствованию, а также отсутствие достойного руководства³³. В Уттар-Прадеше, как и в других хиндиязычных штатах, мусульмане представляют довольно аморфное образование, которое не может сформировать крупных партий или общественных объединений, способных отстаивать права своей общины. Следовательно, в данном регионе активность мусульманских женских организаций (а здесь их присутствие минимально) крайне низка по сравнению с аналогичными организациями в южных штатах, где они добиваются заметных результатов в сфере образования³⁴. Однако обычно именно мусульманские организации и партии играют важную роль в образовании: занимаются строительством медресе, школ, колледжей, выдают гранты на обучение в университетах.

Большинство крупных мусульманских организаций – Джамаат-и-ислами хинд (Jamaat-e-Islami Hind), Джамиат-улама-и-хинд (Jamiat Ulama-i-Hind), а также женские мусульманские организации Всеиндийский комитет мусульманских женщин по персональному праву (The All India Muslim Women Personal Law Board) и Движение мусульманок Индии (Bharatiya Muslim Mahila Aandolan) – не занимаются активной благотворительной и образовательной деятельностью в Уттар-Прадеше, несмотря на то что именно он является одним из наиболее отсталых по уровню грамотности на севере Индии. Важно, что Уттар-Прадеше в принципе нет ни одной крупной мусульманской партии, которая могла бы отстаивать интересы общины в правительстве. Несмотря на то что Джамаат-и-ислами хинд исторически считалась организацией, присутствующей в основном на севере Индии, сегодня она ведет наиболее активную деятельность в южных штатах: показательно, что кроме официального основного интернет-сайта Джамаат имеет дополнительные сайты южных представительств³⁵ организации, но не северных.

³³ Ibidem.

³⁴ Bharatiya Muslim Mahila Aandolan [online source]. URL: <https://bmmaindia.com/>

³⁵ Karnataka [online source]. URL: <http://jihkarnataka.org/en/> Kerala [online source]. URL: <http://jihkerala.org/> Goa [online source]. URL: <http://jihgoa.org/> Maharashtra [online source]: <http://jihmaharashtra.org/eng/>

Однако следует отметить, что одна из крупных благотворительных организаций Фонд благополучия человечества (Human Welfare Foundation), в которую входит Джамаат-и-ислами хинд, каждые десять лет разрабатывает программы по улучшению благосостояния бедных слоев населения³⁶. В результате программы «Перспективы–2016» было построено шесть новых школ в штате Уттар-Прадеш³⁷. По программе «Перспективы – 2026» планируется строительство 1000 начальных школ на севере Индии³⁸, но будет ли реализован этот проект – неизвестно.

Таким образом, в Уттар-Прадеше с его высоким уровнем межобщинной напряженности и с низким уровнем вовлеченности мусульман в дела общины мусульманки вынуждены преодолевать множество препятствий (определяющихся прежде всего совокупностью гендерного и религиозного факторов) на пути к получению образования. Несмотря на относительное увеличение уровня грамотности по штату за последнее десятилетие, уровень грамотности мусульманских женщин все равно остается на низком уровне. При общем понимании того, что правительственным структурам и лидерам мусульманской общины необходимо предпринимать меры по улучшению экономического положения мусульман и развитию инфраструктуры (что непосредственным образом влияет на доступность образования в отсталых дистриктах штата), а также разрабатывать действенную систему льгот и стипендий для школьников и студенток высших учебных заведений, ситуация с женским образованием в мусульманской среде практически не меняется.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельский А.Г. Мусульманский коммунизм в Индии: возникновение, идеология и политика. Научно-аналитический обзор, Академия наук СССР. М., 1988.
2. Клюев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М., 2002.
3. Тимофеева М.В. Конфликт в Айодхье: история вопроса и современное состояние // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2014. № 1.
4. Abdelhalim J. Spaces for Jihād: Indian Muslims and Conceptions of Citizenship. Ruprechts-Karls University Heidelberg, 2012. P. 394.

³⁶ Vision 2026 [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>

³⁷ Vision 2016 [online source]. URL: http://web.archive.org/web/20130918102617/http://www.vision2016.org.in/vision2016_education.php

³⁸ Establishment of Primary Schools, Vision 2026 [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>

5. *Abidi A., Abbas S.* Educational marginalization of Muslim in a metropolitan: A sociological study of Jamia Nagar Government Schools // New Delhi. *Islam and Muslim Societies: A social Science Journal*. 2011. 4 (1). P. 1–12.
6. About The All India Muslim Women Personal Law Board [online source]. URL: <http://www.muslimwomenpersonallaw.com/about-us/>
7. *Ahmad M.* Educational uplift of Indian Muslims: a national priority. URL: http://www.iosworld.org/educational_uplift_of_indian_muslim.htm
8. *Ansari Nazneen S., Nasreen Nakhat.* Status of Female Literacy in Various Districts of Uttar Pradesh // *International Journal of Education & Literacy Studies*. Vol. 2. 2014. No. 2. April. P. 24–30.
9. *Begum R.* Education and Muslim women in rural West Bengal: A case study in two villages. In Siddiqui M.A. (Ed.), *Muslims in free India: Their social profile and problems*. New Delhi, 1998. P. 98–109.
10. Daily Pakistan. 2016. August 04. URL: <http://dailypakistan.com.pk/international/04-Aug-2016/424560>
11. Bharatiya Muslim Mahila Aandolan [online source]. URL: <https://bmmaindia.com/>
12. *Chanana K.* The dialectics of tradition and modernity and women's education in India // *Sociological Bulletin*. 1990. 39 (1&2). P. 75–91.
13. *Dwarakanath H.D.* Policies and programmes to improve school education in rural India – A critical evaluation // *Social Action*. 2002. 52. P. 399–411.
14. Education level by religious community and sex for population age 7 and above. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html
15. Establishment of Primary Schools, Vision 2026 [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>
16. Existing System of Madrasa Education in India. URL: <http://www.deoband.net/blogs/existing-system-of-madrasa-education-in-india>
17. *Husain S.* Educational attainment of Muslim women in India: Obstacles and interventions / A. Waheed (Ed.). *Minority education in India: Issues of access, equity and inclusion*. New Delhi, 2010. P. 52–69.
18. *Literacy rate Male and Female India 2011*. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011-prov-results/data_files/india/Final_PPT_2011_chapter6.pdf
19. *Mukherjee S., Chakraborty D., Sikdar S.* Three Decades of Human Development across Indian States: Inclusive Growth or Perpetual Disparity? *National Institute of Public Finance and Policy*. 2014. June. No. 2014–139. New Delhi.
20. *Muslim Women in Uttar Pradesh are Least Educated Group in India*. 2014. January 15. URL: <http://islamicvoice.com/muslim-women-in-uttar-pradesh-are-least-educated-group-in-india/>
21. *Narula M.* Educational Development of Muslim Minority: With Special Reference to Muslim Concentrated States of India // *Journal of Education and Research*. 2014. March. Vol. 4. No. 1. P. 93–108.
22. *Ruhela S.P.* (ed.). *Empowerment of the Indian Muslim women*. New Delhi, 1998. P. 1–21.
23. Sachar Committee Report. Social, Economic and Educational Status of the Muslim Community of India, Prime Minister's High Level Committee. Cabinet Secretariat Government of India. New Delhi, 2006. P. 403.
24. *Sheikh M.U.D., Jahan D.Q.* Literacy Rate of Muslim Women in Uttar Pradesh (India) // *Educationia Confab*. 2013. April. Vol. 2. No. 4. P. 52–61.
25. *Siddiqui M.H.* Educational Backwardness of Muslims in India and its Possible Remedies // *Indian Journal of Applied Research*. 2012. December. Vol. 2. Issue: 3. P. 50–53.
26. Vision 2026 [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>

Maria N. Starikova

MUSLIM WOMEN'S LITERACY IN INDIA
(A CASE STUDY OF UTTAR-PRADESH)

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Muslim community of India ranks among the most backward ones in the country. Muslims' low social and economic status determines their unsatisfactory education level, especially in the case of women. Undereducation is most typical for the Muslim residents of North India, particularly for Uttar Pradesh – the most populous state (200 mln in 2011) within the Hindi Belt. In a majority of cases Muslim women living in this region are not able to go to schools located far from Muslim enclaves. Communal tensions in Uttar Pradesh result in building up the atmosphere of fear and mistrust thus preventing Muslim girls from attending schools. Though several programs aimed at improving the conditions and quality of education for Muslim women were launched in the 2000s, no visible results have been achieved so far.

Key words: Muslim community; gender; literacy rate; Uttar-Pradesh.

About the author: *Maria N. Starikova* – post-graduate student, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: starikovamary94@gmail.com).

REFERENCES

1. Belskiy A.G. *Musul'manskiy kommunalizm v Indii: vozniknoveniye, ideologiya i politika*. (Muslim communalism in India: origin, ideology, politics). Nauchno-analiticheskiy obzor. Akademiya nauk USSR, Moscow, 1988.
2. Kluev B.I. *Religiya i konflikt v Indii* (Religion and conflict in India). Moscow, IV RAN, 2002.
3. Timofeyeva M.V. Konflikt v Ayodhye: istoriya voprosa i sovremennoye sostoyaniye. (Conflict in Ayodhya: the History of the issue and the modern day situation). *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 13, vostokovedeniye*, № 1, 2014.
4. Abdelhalim J. *Spaces for Jihād: Indian Muslims and Conceptions of Citizenship*. Ruprechts-Karls University Heidelberg, 2012, p. 394.
5. Abidi A., Abbas S. Educational marginalization of Muslim in a metropolitan: A sociological study of Jamia Nagar Government Schools. *New Delhi. Islam and Muslim Societies: A social Science Journal*, 4 (1), 2011, pp. 1–12.
6. *About The All India Muslim Women Personal Law Board* [online source]. URL: <http://www.muslimwomenpersonallaw.com/about-us/>
7. Ahmad M. *Educational uplift of Indian Muslims: a national priority*. URL: http://www.iosworld.org/educational_uplift_of_indian_muslim.htm
8. Ansari Nazneen S., Nasreen Nakhat. Status of Female Literacy in Various Districts of Uttar Pradesh, international. *Journal of Education & Literacy Studies*, Vol. 2, No. 2, April 2014, pp. 24–30.
9. Begum R. Education and Muslim women in rural West Bengal: A case study in two villages. In Siddiqui M.A. (Ed.), *Muslims in free India: Their social profile and problems*. New Delhi, 1998, pp. 98–109.

10. *Daily Pakistan*, August 04, 2016. URL: <http://dailypakistan.com.pk/international/04-Aug-2016/424056>
11. *Bharatiya Muslim Mahila Aandolan* [online source]. URL: <https://bmmaindia.com/>
12. Chanana K. The dialectics of tradition and modernity and women's education in India. *Sociological Bulletin*, 39 (1&2), 1990, pp. 75–91.
13. Dwarakanath H.D. Policies and programmes to improve school education in rural India – A critical evaluation. *Social Action*, 52, 2002, pp. 399–411.
14. *Education level by religious community and sex for population age 7 and above*. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/population_enumeration.html
15. *Establishment of Primary Schools, Vision 2026* [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>
16. *Existing System of Madrasa Education in India*. URL: <http://www.deoband.net/blogs/existing-system-of-madrasa-education-in-india>
17. Husain S. Educational attainment of Muslim women in India: Obstacles and interventions. In A. Waheed (Ed.), *Minority education in India: Issues of access, equity and inclusion*. New Delhi, 2010, pp. 52–69.
18. *Literacy rate Male and Female India 2011*. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011-prov-results/data_files/india/Final_PPT_2011_chapter6.pdf
19. Mukherjee S., Chakraborty D., Sikdar S. Three Decades of Human Development across Indian States: Inclusive Growth or Perpetual Disparity? *National Institute of Public Finance and Policy*, No. 2014–139, June 2014, New Delhi.
20. *Muslim Women in Uttar Pradesh are Least Educated Group in India, January 15, 2014*. URL: <http://islamicvoice.com/muslim-women-in-uttar-pradesh-are-least-educated-group-in-india/>
21. Narula M. Educational Development of Muslim Minority: With Special Reference to Muslim Concentrated States of India. *Journal of Education and Research*, March 2014, Vol. 4, No. 1, pp. 93–108.
22. Ruhela S.P. (ed.). *Empowerment of the Indian Muslim women*. New Delhi, 1998, pp. 1–21.
23. *Sachar Committee Report. Social, Economic and Educational Status of the Muslim Community of India, Prime Minister's High Level Committee*. Cabinet Secretariat Government of India, New Delhi, 2006, p. 403.
24. Sheikh M.U.D., Jahan D.Q. Literacy Rate of Muslim Women in Uttar Pradesh (India). In *Educationia Confab*, Vol. 2, No. 4, April 2013, pp. 52–61.
25. Siddiqui M.H. Educational Backwardness of Muslims in India and its Possible Remedies. In *Indian Journal of Applied Research*, Vol. 2, Issue: 3, December 2012, pp. 50–53.
26. *Vision 2026* [online source]. URL: <http://www.hwfindia.org/education/establishment-of-primary-schools>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Н.В. Громова, М.Д. Громов

30-летний ЮБИЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ СУАХИЛИ В ГЕРМАНИИ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В 1987 г. африканисты Германии отмечали столетнюю годовщину изучения и исследования языка суахили (Германия была пионером в изучении суахили и использовании его в управлении своей колонией «Германская Восточная Африка»). В том же году по инициативе профессора Гудрун Мие (Gudrun Mieke) было решено проводить ежегодные суахилийские коллоквиумы, которые проходили в разных африканистических центрах Германии, а с 1993 г. ежегодно проводятся в университете г. Байройт.

Основная тема юбилейного коллоквиума 2017 г. (25–28 мая) была сформулирована на суахили и английском языках как *Mahusiano! Lugha na Fasihi katika maingiliano. Languages and literatures in interface* «Контакты! Языки и литературы во взаимодействии». Множественное число в этой формулировке объясняется тем, что в докладах участников конференции освещались различные аспекты языка суахили и литератур разных восточноафриканских стран. Однако круг интересов участников выходил и далеко за пределы главной темы. Это было очевидно уже в разнообразной тематике докладов пленарного заседания, первый из которых представлен кенийским исследователем Э. Гикамби и посвящен дискурсу-анализу современной периодики на языке суахили. Примечательно, что доклад основывался на методике, разработанной российским филологом Т. Добросклонской. Ж. Мулумба, профессор университета Лубумбаши (ДРК), сделал подробный и информативный доклад об истории и современном состоянии языка суахили в Демократической Республике Конго. Юни Шен из Китая, аспирант университета Байройта, рассматривал в докладе

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gromova@iaas.msu.ru).

Громов Михаил Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор Американского международного университета в Найроби (Кения) (e-mail: mgromov@hotmail.com).

вопросы, связанные с использованием языка суахили в популярном сетевом приложении Twitter.

Первый день работы конференции завершился пленарным докладом известного танзанийского писателя и философа Э. *Кезилахаби* о связях между современной литературой на суахили и различными аспектами традиционной африканской и современной западной философии.

Основная программа конференции состояла из нескольких тематических секций. Секция «Осваивая реальность», посвященная общим вопросам современной суахилиязычной культуры, также отличалась разнообразием – от доклада *Н. Кёнигс* (Танзания) об истории традиционной кулинарии на Занзибаре и Пембе до сообщения аспиранта ун-та Байройта *Р. Трамутони* из Италии об изображении эмоций в литературных текстах на суахили и до анализа эвфемизмов, связанных с коррупцией, в докладе кенийки *Дж. Мванговья*. В работе секций «Визуальные измерения текста» и «Язык суахили в образовании и академической деятельности» прозвучали доклады Э. *Лымо* (университет Дар-эс-Салама) об иллюстрациях в детской литературе на суахили, Дж. *Осоро* (ун-т Уэллсли) о роли суахили в кенийской и танзанийской системах образования, Д. *Вальбургер* (Вена) об использовании «мыльных опер» танзанийского телевидения в процессе обучения языку и Х. *Нибер* (Берлин) о проблемах перевода старинных арабграфических текстов восточноафриканского побережья на латинскую графику. В эти секции также были включены не вполне соответствующие тематике, но интересные и информативные доклады Дж. *Казинджа* (Дар-эс-Салам) о персонажах африканского эпоса и А. *Джонса* (Лондон) об использовании суахилийской идиоматики в танзанийской «футбольной индустрии».

Не менее разнообразны были доклады в секциях по лингвистике, традиционно являющейся одним из главных направлений работы коллоквиума со времени его основания. Секция «Лингвистические контактные зоны» была примечательна, прежде всего, географическим «разбросом» тем – от доклада *М. Вафула* (ун-т Мои, Элдорет, Кения) об антропонимах в языке букусу, связанных с крещением, до сообщения *Н. Жерне* (ун-т Нантер, Париж) о взаимовлиянии языков суахили и чагга в провинции Иринга (Танзания) и совместного доклада *Н. Нассенштайна* (ун-т Кёльна) и *П. Бозе* (Кампала, Уганда) о диалектах суахили в провинции Киву (ДРК).

Различным аспектам языка суахили были посвящены доклады на секциях «Языковые ресурсы», например доклад *Х. Джилала* (ун-т Дар-эс-Салама) «Программа Google как инструмент переводчика», *Н.А. Отиено* (Элдорет, Кения) «Способы создания неологизмов», *И. Хермс* (Лейпциг) «Новейшие толковые словари суахили» и др. Такими же насыщенными были секции «Эпистемология» (доклад *Х. Николини* из Неаполя о сопоставлении языка инициаций и языка плакатов, агитирующих против СПИДа), «Характерные особенности языка суахили» (*А.А. Амиду* из Норвегии «Сколько вспомогательных глаголов в суахили?», «Устремления и причастность суахили к

политике» (доклад кенийки *Н. Айоди* о будущем языка суахили как ресурса для решения социальных, культурных и экономических задач), «Создание идентичности» (доклад *Х. Функ* из Лейпцига о городском варианте суахили и отражении в нем этнической идентичности). Перечислить все доклады просто невозможно, как и невозможно было присутствовать на каждом из них, так как одновременно работали две секции. Доклады сопровождалась оживленной дискуссией на двух языках с преобладанием языка суахили, в частности, Н. Громовой при обсуждении доклада *С.К. Джеромин* (ун-т Дар-эс-Салама) о наречиях в суахили пришлось прочитать на языке суахили краткую лекцию о частях речи и принципах их разграничения.

Литературной тематике, также одной из главных тем коллоквиума в Байройте, были посвящены несколько секций. Секция «Лица суахилийской литературы» включала доклады *Л. Дигнера* (ун-т Гумбольдта, Берлин) о метатекстуальности в современном романе на суахили, *А. Реттовой* (ун-т Лондона), рассматривавшей современную литературу на суахили с точки зрения концепции «ангажированной литературы», *А. Раиа* (ун-т Неаполя) о вариантах легенды об Иосифе на восточноафриканском побережье и *К. Фирке* (ун-т Байройта) о взаимовлиянии поэтики устного и письменного текста в творчестве кенийского поэта XVIII столетия Захиди Мнгуми. В секции «Взаимосвязи в устной литературе» *С. Гваджима* (Дар-эс-Салам) проследила в своем сообщении роль мифов в современном «городском фольклоре» Танзании, ее соотечественник *Э. Мненука* рассказал о влиянии суахили на фольклор народа бена. Три доклада секции сделали известные восточноафриканские писатели и ученые: *Шани Омари* (ун-т Дар-эс-Салама) – об изображении природы в фольклоре, *Райа Тимамми* (ун-т Найроби) – об истории современной поэзии на суахили; *Фарук Топан* (ун-т Лондона), один из основателей современной танзанийской литературы, проанализировал в своем докладе некоторые формальные аспекты «свободного стиха» на суахили. Завершили работу секции доклады о связи поэзии и музыки: *Р. Гаудиозо* (ун-т Неаполя) рассказал о влиянии поэзии Э. Кезилахаби на популярную музыку, *М. Суриано* (Йоханнесбург) – о творчестве танзанийского поэта и музыканта Мзее Симба.

Отдельная секция коллоквиума была посвящена вопросам перевода. В теоретико-исторической части секции *С. Таленто* (аспирант ун-та Байройта) проанализировала в своем сообщении теоретические аспекты перевода с суахили; доклад *Ф. Айелло* (ун-т Неаполя) был посвящен истории переводов на суахили в постколониальный период. Часть докладов была посвящена практическим вопросам перевода. О своем опыте перевода произведений современной суахилийской литературы рассказали *У. Ройстер-Ян* (ун-т Гамбурга), переведившая на немецкий язык повесть танзанийского автора Алекса Банзи *Titi la mkwe* «Грудь невестки», и *Д. Таррант* (аспирант ун-та Байройта), сделавший английский перевод диалогии Э. Кезилахаби *Nagona* «Нагона» и *Mzingile* «Лабиринт». Аналогичной тематике были посвящены доклады *М. Аренберг* (Принстонский ун-т) о переводе на суахили

поэмы *Окота П'Бутека* «Песнь Лавино» и *К. Бёме* (ун-т Трира) об опыте перевода на суахили звуковой дорожки фильмов «Звездные войны». Работу секции завершил доклад *М. Громова* о роли самоперевода в современной суахилийской поэзии.

Запоминающейся иллюстрацией к теме секции были также чтения, состоявшиеся перед официальным началом конференции, вечером 25-го мая, на которых известный танзанийский писатель *Уильям Мкуфья* и переводчица и издатель *Б. Шмид-Хайденхайн* рассказали о совместной работе над немецким переводом романа Мкуфьи *Ua la faraja* «Цветок утешения».

В рамках коллоквиума состоялись презентации трех новых книг: “*Dunia yao. Utopia and Dystopia in Swahili Fiction*” (Cologne, 2016), “*Ushairi na Uhuru. Poesie scelte di Abdilatif Abdalla e Euphrase Kezilahabi*” (Napoli, 2017), “*Guidance (Uwongozi) by Sheikh al-Amin Mazrui: Selections from the first Swahili Islamic Newspaper*” (Leiden, 2017).

Отдельное торжественное заседание было проведено в честь основателя суахилийских коллоквиумов профессора Гудрун Мие, которая в краткой речи с юмором рассказала о первых шагах и успехах этого замечательного международного проекта. Кстати, в юбилейной конференции принимали участие более ста делегатов из 34 стран Африки, Азии, Европы и Америки. При этом почти половина докладов была прочитана на языке суахили, которому прочат большое будущее как языку высокого коммуникативно-функционального статуса, который уже в настоящее время является официальным языком Восточноафриканского сообщества (Танзания, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди и др.).

В ходе итоговой дискуссии участники юбилейной конференции единодушно выразили искреннюю благодарность руководству университета Байройта и особенно заведующей кафедрой литератур на африканских языках профессору Клариссе Фирке за безупречное проведение юбилея.

Празднование 30-летия коллоквиума по языку и культуре суахили прошло с большим успехом и способствовало укреплению научно-практических связей между африканистами разных стран.

Ninel' V. Gromova, Mikhail D. Gromov

30TH ANNIVERSARY SWAHILI COLLOQUIUM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

About the authors: *Ninel' V. Gromova* – Dr sc., Professor, Head of the Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gromova@iaas.msu.ru); *Mikhail D. Gromov* – Dr. sc., Professor, United States International University, Nairobi (Kenya) (e-mail: mgromov@hotmail.com).

**А.Н. Карнеев, А.В. Ломанов, О.В. Новакова,
П.Ю. Цветов**

**КРУГЛЫЙ СТОЛ: «АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ»
И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА СТРАН АТР**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
103917, Москва, Моховая, 11*

31 мая 2017 г. в Центре изучения современных проблем ЮВА и АТР ИСАА МГУ состоялось заседание круглого стола на тему: «“Азиатские ценности” и современная политика стран АТР». Были рассмотрены два основных тематических блока – влияние «азиатских ценностей» на внутреннюю политику, включая перспективы демократии, и рост присутствия «азиатских ценностей» во внешней политике стран АТР: последствия для региона и всего мира.

С докладами выступили: *А.Н. Карнеев* «Внутренняя политика, идеология и традиции Китая (2007–2017 гг.)»; *А.В. Ломанов* «Традиционная культура и внешняя политика Китая после 2012 г.»; *П.Ю. Цветов* «Влияние традиций и процессы демократизации в странах ЮВА (XXI в.)»; *О.В. Новакова* «Воздействие традиций на внутреннюю и внешнюю политику Вьетнама».

А.Н. Карнеев в своем выступлении остановился на некоторых особенностях идейно-политических процессов в современном Китае, которые с яркостью проявились в период правления «четвертого поколения» руководителей КНР во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао с 2002 по 2012 г. Он подчеркнул, что этот повышенный интерес к традиционным ценностям, изучению конфуцианской классики, включению отдельных элементов классических философских текстов в образовательные программы младшей и средней школы Китая можно расценивать как своего рода феномен. В общественном пространстве этого периода возрождение «конфуцианских» и прочих традиционных ценностей зачастую принимало гротескный характер. Например, это проявлялось в коммерциализированном подходе

Карнеев Андрей Ниязович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, зам. директора ИСАА по учебно-методическому объединению (УМО) (e-mail: andrei_karneev@mail.ru).

Ломанов Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (e-mail: a_lomanov@hotmail.com).

Новакова Оксана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран ДВ и ЮВА ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель Центра изучения современных проблем ЮВА и АТР (e-mail: oksana_novakova@mail.ru).

Цветов Петр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Дипломатической Академии МИД РФ (e-mail: proviet99@mail.ru).

к изучению философской или исторической классики либо в обращении представителей экономической или политической элиты к разного рода «учителям» и «наставникам», якобы владеющими некими сверхспособностями, основанными на древнем знании.

Докладчик также отметил, что при нынешнем руководстве во главе с Си Цзиньпином, которое пришло к власти в 2012 г., наблюдается определенное сужение пространства для пропаганды традиционных ценностей на фоне серьезных усилий, предпринимаемых верхушкой партии и государства по укреплению легитимности КПК и налаживанию ее более тесных связей с «массами». На первое место вышла необходимость «еще раз подтвердить, что Китай не меняет цвет знамени». Впрочем, обращение к богатой культурной традиции продолжает оставаться частью официально пропагандируемого лозунга «великого возрождения китайской нации».

А.В. Ломанов в своем выступлении сосредоточился на характеристике ценностных измерений внешней политики Китая при власти Си Цзиньпина, подчеркнув, что нужно обратить внимание на сложность процессов возвращения к китайской традиционной культуре при одновременном укреплении позиций нормативной идеологии социализма с китайской спецификой. Он отметил, что если в предыдущее десятилетие популяризация традиционной культуры происходила вне сферы официальной идеологии, то в настоящее время она превращается в ее составную часть. Со времени провозглашения в 2012 г. на XVIII съезде КПК набора из 12 «сердцевинных ценностных воззрений» и последующей широкомасштабной кампании по их пропаганде, вопрос о характеристике «китайских ценностей» переместился из сферы культурологии в область практической политики. Си Цзиньпин в ходе зарубежных визитов (особенно заметно это было в 2013–2014 гг.) прилагает большие усилия, для того чтобы рассказать иностранцам о ключевых достоинствах китайской традиционной культуры и ее возможном вкладе в будущее развитие мировой цивилизации.

По мнению А.В. Ломанова, внутренние и внешние аспекты пропаганды китайских ценностей обретают тесную взаимосвязь. Это подтверждается тем, что в выступлениях китайского лидера регулярно появляются упоминания об обществе «великого единения» (*даун*), описанном в древней конфуцианской традиции и ставшем в Китае в новое время синонимом западных идей социализма и коммунизма. На официальном уровне, по мнению докладчика, Китай провозглашает цель создания «сообщества судьбы человечества», способного объединить все страны мира, и эта концепция резонирует с идеалом «великого единения». Во внешнеполитической риторике Пекин использует категории раннего конфуцианства, когда обещает не только заботиться о «выгоде» для Китая, но и следовать «долгу» перед соседями и мировым сообществом даже в тех случаях, когда ради этого нужно будет пожертвовать «выгодой». Провозглашенная в 2013 г. китайская инициатива «одного пояса, одного пути» предполагает не только строительство объектов инфраструктуры и промышленности. Неотъемлемой частью проекта являются осуществление гуманитарной «стыковки людских сердец», разрушение барьеров между цивилизациями. А.В. Ломанов

подчеркнул, что дальнейшие усилия Пекина по реализации этих планов будут способствовать продвижению китайской культурной традиции и китайских ценностей в страны Евразии, в том числе в Россию.

П.Ю. Цветов в докладе озвучил анализ проблемы использования универсальных ценностей и их сочетания с традиционными ценностями во внутренней и внешней политике стран, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В подавляющем большинстве стран АСЕАН на уровне конституций и подобных государственных актов, равно как и в совместном документе «АСЕАН 2025: вместе в будущее», подтверждается приверженность этих государств общепринятым нормам либеральной демократии. В большинстве стран даны формальные гарантии гражданских свобод и прав. Вместе с тем реальная практика дает основания констатировать, что в ряде стран существует разрыв с декларируемой приверженностью демократическим принципам. Зачастую это объясняется приматом местных традиций.

Развивая свою мысль, докладчик показал, что во внешней политике стран АСЕАН на первое место поставлены принципы международного общежития, зафиксированные в Уставе ООН и других документах современного международного права – проведение политики мира и добрососедства, уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других стран. Это созвучно азиатской доктрине «Панча шила», ставшей особенно популярной в 1950-е годы, хотя сегодня ссылки на нее в документах стран АСЕАН встретить трудно.

Создается впечатление, что универсальные принципы политики стран АСЕАН декларируются главным образом в расчете на внешнего потребителя, а именно для либерального Запада. По мнению докладчика, в каждой стране появляется собственная интерпретация этих принципов.

О.В. Новакова в своем выступлении остановилась на анализе сложных проблем современности: вызовах XXI в. – транснациональной глобализации, императивах модернизации и связанных с ними относительной открытости Вьетнама и имиджа страны в глазах мирового сообщества. Все это, по ее мнению, определило новую политику КПВ, где присутствуют элементы терпимости и компромисса. С провозглашением политики «обновления» (декабрь 1986 г.) получил право на существование вьетнамский социализм с национальной спецификой. В экономике это был поворот к рыночным отношениям, в идеологии – к традициям и к включению их в политический «багаж» партийного истеблишмента.

Говоря о значении традиций, докладчик отметила, что на рубеже XX–XXI вв. их роль во Вьетнаме заметно возросла. По ее мнению, целью обращения к национальным традициям и историческому прошлому является стремление руководства обеспечить стабильность общества, избежать резких перемен в государственной политике. Итоги XII съезда КПВ (январь 2016 г.) подтверждают, что приоритетным направлением остаются сохранение влияния Компартии, а также ее монополия на власть.

Продолжая анализ указанных процессов, докладчик отметила, что использование традиции весьма эффективно помогает смягчать действие

слепых сил рынка, снижать социальные издержки реформ и отвечать на современные вызовы. В идеологии вьетнамских властей проявляется тенденция возвеличивания прошлого, и это отражается в проводимой политике, особенно у той группы в руководстве, которую условно можно назвать «консервативной». Именно эта группа в наибольшей степени, по мнению докладчика, тормозит проведение либеральных рыночных реформ, опасаясь непредсказуемых последствий. Но полный поворот вспять в этой сфере невозможен в силу различных обязательств Ханоя по международным договорам. Однако курс вьетнамского руководства делает все более призрачными ожидания перехода от экономического роста к политической либерализации западного образца.

Состоялась краткое обсуждение докладов. Доцент ИСАА МГУ *В.В. Бойцов* отметил, что в КНР, как и во многих других странах Восточной Азии, основным вопросом внутренней политики по-прежнему остается земельный вопрос.

Доцент ИСАА МГУ *А.М. Дубянский* подчеркнул, что уровень развития демократии в Индии идет параллельно с оживлением внутри страны древних индийских традиций, не ущемляя при этом парламентскую демократию Индии. В этом заключается, как считает докладчик, отличие индийской политики от усилий Китая по продвижению своей культуры и ценностей в другие страны.

Профессор *Н.Н. Бектимирова* (ИСАА МГУ) подвергла сомнению характеристику патронно-клиентельной системы в деревнях современного Китая как «традиционной ценности».

Доцент МГИМО (У) *Е.А. Яковлева* и доцент ИСАА МГУ *И.Н. Литилина*, развивая тему различия уровней демократии в странах ЮВА, подчеркнули специфический характер демократии в Лаосе, а также особые отношения двух соседних стран – Вьетнама и Лаоса.

**Andrey N. Karneev, Alexander V. Lomanov,
Oksana V. Novakova, Peter Yu. Tsvetov**

ROUND TABLE “ASIAN VALUES” AND CONTEMPORARY POLITICS IN THE PACIFIC RIM COUNTRIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

About the authors: *Andrey N. Karneev* – Ph.D (History), Deputy Director of the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: andrei_karneev@mail.ru); *Alexander V. Lomanov* – D.Sc. (History), RAS Professor, Chief Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: a_lomanov@hotmail.com); *Oksana V. Novakova* – Ph.D (History), Associate Professor at the Department of History of Southeast Asia and Far East, Head of the Center for the study of Contemporary Far East and Southeast Asia, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (e-mail: oksana_novakova@mail.ru); *Peter Yu. Tsvetov* – Ph.D (History), Associate Professor of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia (e-mail: proviet99@mail.ru).

ПАМЯТИ...

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ НАСИЛОВ

26 июня 2017 г. на 83-м году жизни скончался один из ведущих российских тюркологов, уникальный специалист по языкам коренных малочисленных народов России, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (2013–2017), заместитель председателя Российского комитета тюркологов при историко-филологическом отделении Российской академии наук, главный редактор журнала «Российская тюркология», доктор филологических наук, профессор Дмитрий Михайлович Насилов (1935–2017).

Научно-организационная, учебно-методическая и педагогическая деятельность профессора была связана с работой в ведущих российских лингвистических центрах: Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом алтайских языков (1963–1993); Институте языков народов России при Министерстве национальностей РФ, в котором он занимал должность заместителя директора по научно-организационной работе (Москва, 1993–1996), в ИСАА МГУ (с 1996 г.), где он разработал и вел уникальные общетеоретические и теоретические лингвистические курсы.

Д.М. Насилов работал также на кафедрах узбекского языкознания Самаркандского (Узбекского) государственного университета им. Алишера Навои (1958–1960), теории художественного перевода Московского литературного института им. А.М. Горького (1960–1963), а также вел лингвистические и востоковедные курсы на кафедре тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (1965–1992), в московском Институте практического востоковедения, Институте восточных культур и античности при РГГУ. В течение ряда лет выезжал для чтения лекций на востоковедных факультетах Казанского, Махачкалинского, Самаркандского, Ташкентского, Бишкекского и других университетов.

Его научные труды по тюркологии и алтайскому языкознанию (всего более 300 работ) широко известны не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Защитив в 1964 г. кандидатскую диссертацию по временам глагола в древнеуйгурском языке, Д.М. Насилов вошел в число ведущих специалистов по древнеуйгурскому языку. Он являлся одним из авторов и четырех редакторов «Древнетюркского словаря» (1969), который до сих пор остается настольной книгой отечественных и зарубежных тюркологов. Он также

принял участие и в составлении «Этимологического словаря тюркских языков».

В 1990 г. Д.М. Насилов защитил докторскую диссертацию «Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность», чему предшествовала публикация монографии, являющейся и в настоящее время наиболее значимой теоретической работой по проблеме вида в тюркских языках.

Еще одно направление работы Д.М. Насилова – общие проблемы алтаистики – нашло отражение в серии публикаций по истории алтаистических исследований (1975), вопросам алтайской языковой общности (статьи в «Тюркологическом сборнике» 1974, 1975, 1977, 1978) и залоговости в алтайских языках.

Дмитрий Михайлович участвовал в коллективных работах типологического направления: «Результатив в узбекском языке» (1983); «Типология итеративных конструкций» (1997); «К типологии уступительных конструкций в узбекском языке» (2003); «Эвиденциальность в тюркских языках» (2007); «Таксис в тюркских языках» (2009) и др.

Значительное место в научных интересах Д.М. Насилова занимали проблемы сравнительно-исторического языкознания, грамматической реконструкции, выполненные на материале исследования отдельных категорий, а также целых подсистем языка: он участвовал в фундаментальном 6-томном исследовании «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», созданном тюркологами Института языкознания РАН (2002, 2006).

Д.М. Насилов уделял большое внимание языкам коренных малочисленных народов России. При его активном участии вышли в свет энциклопедические сборники, посвященные современному состоянию алтайских языков Сибири и Дальнего Востока, в том числе «Красная книга языков Российской Федерации» (2002) и «Государственные и титульные языки России» (2002).

Еще одно направление академической деятельности Д.М. Насилова – создание учебников тюркских языков для стран СНГ. Это прежде всего уже ставшие раритетами учебники по азербайджанскому (2009) и узбекскому языкам (2012).

Под руководством профессора было защищено восемь диссертаций. Ученики и последователи Дмитрия Михайловича работают в различных учебных и академических центрах России, странах постсоветского пространства, Турции, Германии и др. Помимо этого Д.М. Насилов поддерживал многих аспирантов и докторантов учебных заведений по всему миру, безвозмездно консультировал их, выступил оппонентом на защите более 50 диссертаций.

Д.М. Насилов осуществлял огромную общественную работу: помимо упомянутых выше должностей, он был членом редколлегий журналов

«Вопросы тюркской филологии» и «Вопросы тюркологии», членом диссертационного совета ИСАА МГУ, членом ученого совета ИСАА, членом экспертной группы по проблемам коренных языков малочисленных народов РФ при Комитете по делам национальностей Государственной Думы РФ, экспертом РГНФ, членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

Заслуги Д.М. Насилова в области тюркологии получили признание и за рубежом. Так, 11 июня 2014 г. он был награжден Государственным орденом Турецкой Республики «Лиякат». Орден был вручен в Анкаре лично президентом Турции. 23 мая 2016 г. Д.М. Насилов был удостоен Золотой медали Международной тюркской академии (Астана, Казахстан).

Для коллег, многочисленных учеников и последователей Дмитрий Михайлович был не просто блестящим ученым, а человеком с большим сердцем, добрым, чутким, отзывчивым, родным, никому и никогда не отказывающим в помощи – и в академическом, и в бытовом плане. Несмотря на все титулы и регалии он был доступным в общении для всех, принимал искреннее участие в наших делах и заботах. Для каждого находил нужные слова, предлагал решения в, казалось бы, тупиковых ситуациях. После общения с ним надолго оставалось чувство умиротворения, светлой радости, воодушевления.

Коллеги и ученики выражают самые искренние соболезнования родным и близким Дмитрия Михайловича. Светлая память о нем навсегда останется в наших сердцах...

*Оганова Елена Александровна, доцент кафедры тюркской филологии
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОСКРЕСЕНСКИЙ

Ушел из жизни Дмитрий Николаевич Воскресенский (9 сентября 1926 г. – 26 июля 2017 г.). Выдающийся китаист-филолог, преподаватель китайского языка, истории китайской литературы, переводчик классической и современной художественной литературы Китая, доцент кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, профессор Литературного института им. М. Горького, заслуженный педагог МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный работник Высшего профессионального образования, член Союза писателей. Дмитрий Николаевич посвятил себя исследованию филологических проблем средневековой и современной китайской литературы, он также являлся признанным мастером художественного перевода китайской прозы.

За свою плодотворную и активную научную жизнь Дмитрий Николаевич издал более 120 работ. Среди них переводы крупнейших произведений художественной литературы, в том числе «Неофициальная история конфуцианства» У Цзинцзы, «Полуночник Вэйян» и «Двенадцать башен» Ли Юя, «Под пурпурными стгами» Лао Шэ, «Метаморфозы, или игра в складные картинки» Ван Мэна и многое другое. Его лучшие филологические труды были опубликованы в сборнике «Литературный мир средневекового Китая. Китайская классическая проза на *байхуа*» (2006).

Путь в синологию у Дмитрия Николаевича начался с поступления в 1945 г. на китайское отделение Военного института иностранных языков. Среди его учителей были лингвист, составитель Большого китайско-русского словаря, И.М. Ошанин, теплые чувства к которому он пронес через всю жизнь, академик М.В. Алексеев и его ученик, известный переводчик средневековой китайской поэзии, Л.З. Эйшлин, профессор В.С. Колоколов и др. После окончания ВИИЯ с 1950 по 1952 г. Дмитрий Николаевич трудился в качестве преподавателя китайского языка в г. Канске, а затем еще два года работал в Хабаровске в Политуправлении войск на Дальнем Востоке.

Демобилизовавшись в 1954 г., Дмитрий Николаевич поступил в аспирантуру филфака МГУ имени М.В. Ломоносова. Через два года, закончив аспирантуру, успешно защитил диссертацию «Художественный мир китайского средневекового романа» — глубокое исследование романа XVIII в. «Неофициальная история конфуцианцев». Затем еще два года (с 1957 по 1959 г.) проходил научную практику в аспирантуре Пекинского государственного университета, где ему довелось учиться у выдающихся китайских филологов и завязать контакты с писательской средой.

Работая в ИВЯ/ИСАА, Д.Н. Воскресенский создал целый ряд авторских филологических программ по истории китайской литературы от Средневековья до современности (IV–XX вв.), по специфике жанров и стилей в китайской литературе, а также по китайской литературе вне континентального Китая (на Тайване, Сингапуре и Малайзии). Эта тема привлекла его внимание еще в 1970-х годах, когда он находился в научной командировке в Наньянском Университете Сингапура.

В 2006 г. Дмитрий Николаевич в числе пяти других российских китаеведов стал лауреатом китайской государственной премии «За особый вклад в культурные связи». В 2009 г. в Москве он был удостоен юбилейной медали КНР «За выдающийся вклад в развитие китайско-русских отношений». 10 декабря 2015 г. получил Премию посольства КНР за выдающийся вклад в изучение китайской литературы в России, за активную исследовательскую, переводческую и преподавательскую деятельность и огромный вклад в углубление российско-китайских отношений. В сентябре 2016 г. ректор МГУ В.А. Садовничий вручил ему премию за многолетнюю и плодотворную работу, а в октябре того же года директор ИСАА И.И. Абылгазиев вручил Д.Н. Воскресенскому медаль «60 лет ИСАА» как хранителю академических традиций отечественного востоковедения.

Дмитрий Николаевич, в прошлом военный человек, всегда был очень аккуратен, дисциплинирован, с большой ответственностью относился к работе и воспитывал это чувство ответственности у своих студентов. Он был профессионалом высокого класса, глубоким знатоком Китая, искренне восхищавшимся богатством культуры этой страны. До последнего дня он не прекращал работы, продолжал начатые ранее переводы, готовил к публикации свои теоретические труды, одновременно следил за новостями в литературе и филологии, старался быть в курсе всех основных событий культурной жизни. Обо всем этом он рассказывал коллегам и студентам. Общение с ним всегда несло много нового и интересного. Оно не было ни в коем случае навязчивым, напротив, побуждало самому прочитать ту или иную упомянутую им книгу или статью, сходить на спектакль, посмотреть фильм.

Дмитрий Николаевич за долгую преподавательскую жизнь воспитал не одно поколение китаистов. На базе кафедры сложилась школа из числа учеников, которые продолжают и развивают дело Учителя: изучают классическую и современную китайскую литературу, переводят лучше произведения средневековых и современных китайских писателей, занимаются исследовательской, преподавательской и переводческой деятельностью как в России, так и за рубежом.

Коллектив кафедры китайской филологии